

ИДЕН БАР

СИМНИЙ
ЗНОЙ

Говорят, что ангел приходит дважды. В жизни кумира миллионов и бывшего детдомовца Данила Зимина случилось именно так. И не беда, что для той самой девчонки из прошлого он по-прежнему неуклюжий тинейджер — ZIMMA разыщет ее снова, чтобы доказать ей другое, чтобы больше уже не отпускать никогда... У Данила все идет "по плану". Но однажды он совершает необдуманный поступок, повлекший за собой цепь роковых событий, которые разрушают все. Тогда он выдергивает себя с небес сладких грез на грешную землю и воплощает в жизнь хитроумную, рискованную комбинацию, чтобы отстоять, "выгрызть зубами" свои права на свободу и любовь...

Новые горизонты

Антонина

Мороз и солнце, день чудесный! Сегодня суббота, короткий рабочий день. Мы с моей коллегой Алисой вдвоём на «дежурстве» в офисе.

Она лениво тянет за «хвост» выползающий из факса длинный лист бумаги. Но ее скучающий взгляд, равно как и мой, давно уже неотрывно прикован к окну, за которым медленно падает крупными белыми хлопьями снег.

Декабрь. В офисе так тихо, что я и сама невольно наполняюсь этой тишиной. Умиротворяюсь ею.

До Нового года осталось совсем немного времени, а для меня это время всегда наполнено каким-то радостным ожиданием праздничных чудес.

Удобно развалившись за столом и замечтавшись, я даже не сразу реагирую на звонок стационарного телефона. Хватаю трубку и начинаю привычное общение с одним из наших постоянных клиентов. Затем прикипаю к монитору компьютера, сверяя скучные данные, которые приносят этой фирме деньги.

А снежное окно так и манит бросить к черту монотонную работу в пыльном офисе! Однако желание покушать, квартплату и прочее пока что, увы, никто не отменял.

Поэтому, вздохнув, я усилием воли сгоняю с себя сонливость и остатки грез. Вообще, не считая этой маленькой спонтанной паузы с разглядыванием окон, мы с Алиской трудимся здесь «в поте лица» с самого утра.

Принимаем и обрабатываем многочисленные заявки на установку металлопластиковых окон, быстро производим нужные расчёты и оформляем весь пакет документов по каждому заказу «под ключ».

Почему-то заказов в декабре привалило. Что, конечно же, очень хорошо, даже несмотря на то, что зарплата у нас фиксированная, без премий, бонусов и прочего.

Вдвоем с ней мы обычно трудимся в тишине, если не считать рабочих переговоров. Я люблю эту коллегу за немногословность, а еще за то, что она единственная в нашем коллективе предпочитает работать молча. Как и я.

Молча подразумевает отсутствие бесконечной болтовни девочек и распевającego на «всю Ивановскую» радио. Так уж повелось, что «корифеями» этого офиса стало принято создавать в рабочее время некий песенный фон, совершенно не считаясь с чужими музыкальными предпочтениями.

В этом довольно просторном кабинете с понедельника по пятницу трудятся, включая меня, целых семь сотрудников фирмы. К счастью, по субботам у нас только так называемые «дежурства» по двое.

И вот лично мне эта вечная «рабочая» радиошарманка на волнах «Шансон» или «Ретро FM» (в зависимости от настроения пожилой главбухши), очень даже неслабо мешает сосредоточиться.

Но большинству коллег — нет! Парадокс. А потому один мой протестный голос, не считая робкого поддакивания со стороны Алисы, тонет в общем потоке шума и русских народных песен.

Одно хорошо — хитов ZIMMA здесь я точно не услышу.

Ну а сегодня, как обычно с Алисой, просто наслаждаюсь тишиной и работаю в разы эффективнее.

Хотя, я ведь не зря упомянула о радио. Потому что как раз сегодня у меня необычный и даже знаковый день. Впервые, я решилась на подработку, да не где-нибудь, а на одной из местных питерских радиостанций, которая находится в самом центре города!

Вообще, в Питере вещает множество местных радио. И подработка эта, на самом деле, очень своеобразная — ведение ночного эфира. Или, если еще точнее, заполнение небольшой паузы между пересменкой постоянных ведущих.

В мои обязанности, если повезет, будет входить прочтение блока новостей и запуск в эфир музыкальных композиций согласно заранее утвержденного списка.

Объявление о том, что для работы в ночном эфире «Питер плюс FM» требуется девушка, я увидела случайно. И, примерив себя под заявленные критерии, порадовалась — подхожу. А за чтение местных новостей плюс просто «покрутить музыку» для ночного слушателя там платят неплохо.

К тому же, с тех пор, как мы расстались с Ильей, у меня образовалась куча свободного времени. Еще, я стала бояться долгих одиноких вечеров с мыслями о том, что после работы нет сил куда-то идти тусить, а тридцатник уж не за горами.

Моим беспокойным родственникам последний факт не даёт покоя. Или, вернее, сам факт того, что у меня все ещё нет ни семьи, ни детей — смешно сказать в двадцать первом веке!

Даже дядя Ваня уже всерьёз грозитя познакомить меня с «молодым и перспективным» из своего отделения. Одним словом, ужас.

Я, конечно, просто не обращаю внимания на такие глупости, но слушать их мне все равно неприятно. Надеюсь, ночная подработка развлечет меня и, что немаловажно, пополнит бюджет.

Есть отличный план. После своей основной работы, которая, кстати, находится совсем недалеко от дома, можно быстро ужинать и заваливаться спать на пару часов, чтобы потом оперативно ехать на такси на радиостанцию. Обратное также на такси.

Вычтя при помощи калькулятора все дополнительные расходы из суммы нового дохода, я прихожу к выводу, что ее с лихвой остается на продукты и коммунальные, и это как минимум.

Итак, сегодня, закончив все самое важное, отпрашиваюсь у Алиски уйти с работы на час пораньше. Она соглашается «прикрыть» меня.

Бегу в санузел и там переодеваюсь в красивое однотонное платье-футляр с рукавом в три четверти. В кабинете переобуваюсь из удобных утепленных кроссовок в модные высокие сапожки на тонком каблучке, и слегка поправляю макияж. Распускаю собранные в тугой хвост волосы.

Волосы у меня своего цвета, пепельно-русые, длинные и густые. Мне повезло с ними — многие девчонки хотят добиться с помощью красок такого оттенка.

Собеседование со мной назначено на четыре вечера. Кажется, на радиостанции работают очень интересные, творческие люди. Поэтому я вряд ли произвела бы правильное впечатление, придя туда серой мышью в офисном блузоне, или джинсах с кофтой в стиле кэжуал. Надеюсь, что этот мой «образ» будет кстати.

А довершает его новое, буквально вчера по такому случаю купленное в торговом центре теплое длинное пальто нежного персикового оттенка, с красивым меховым воротом.

Шапочка и перчатки тоже вполне гармонируют.

С радостью замечаю, как Алиска ахает от увиденного. Вру, конечно, что иду прямо отсюда на день рождения. Боюсь сглазить — вдруг работа «не выгорит»?

Вызываю такси. Попрощавшись с коллегой и подхватив на плечо тяжелую сумку, я спешу к выходу.

Радиомир Антонина

Ранний вечер, сердце Питера. Такси подвозит меня к зданию по улице Гороховой, неподалёку от Адмиралтейского проспекта.

Вокруг миллион людей, на улицах города ещё совсем светло. Завороженная урбанизированным, ни на что не похожим пейзажем северной столицы, я выхожу из такси и поднимаюсь по ступеням к центральному входу.

Однако попасть внутрь здания оказывается делом непростым. По сути, оно офисного типа, с положенной таким солидным конторам охраной на входе — на первом этаже пестреют указатели издательств, название газеты местных новостей, благотворительного фонда кинематографистов и прочая, и прочая.

Внушительного вида охранник долго выспрашивает меня о цели визита, и смотрит паспорт.

Наконец, созванивается с кем-то из моей радиостанции, а затем пропускает для прохождения собеседования, вручив временный пропуск.

Паспорт в Питере я ношу с собой всегда — старинная привычка. Прохожу через «кордон», поднимаюсь по массивной белой лестнице на бельэтаж, к лифтам.

Чем дальше, тем больше я ощущаю некий волнительный мандраж. Стараюсь потише цокать каблуками по полу, отделанному под белый мрамор.

Пока жду лифт, незаметно растираю вспотевшие ладошки. В конце-то концов, думаю я, успокаивая и ободряя себя, ну не получу эту работу — и черт с ней!

Вот взять, к примеру, Данила Зими́на. Пример, быть может, не самый уместный, но все же интересно. Каково ему выходить на сцену к огромному залу, иногда, многотысячной аудитории?! Что он чувствует в первые минуты? Или уже привык?

Не уверена, что можно привыкнуть к такому. А я-то трушу перед самым обыкновенным, по сути, даже неважным для меня собеседованием.

Мои спина и плечи расправляются, на губах появляется легкая улыбка. Как знать, может, я и вправду смогу скоро работать здесь, на радиостанции, в самом центре города?

Было бы весьма оригинально, если бы когда-нибудь мы с ним пересеклись на этом радио. Впрочем, такое предположение смехотворно. «Питер плюс FM» волна малоизвестная — ее слушают только в Питере и области, да и мой ночной эфир ничтожен по времени. Разве что будут иногда звучать его треки в моем списке «слепых» композиций, но на этом все.

Лифт мелодично звякает, выдергивая меня из потока мыслей и извещая о своём приближении. Его створки медленно раскрываются. Вхожу.

На искомом этаже я немедленно попадаю в царящую там суетную атмосферу. Все куда-то спешат, бегут, торопятся...

И одеты очень просто, чуть не по-домашнему, многие даже совсем по-летнему, в футболках с креативными принтами и короткими рукавами. Здесь царит жара.

В курилке у лестницы идут оживлённые споры, и на меня, понятно, никто не обращает ни малейшего внимания.

Путаясь в коридорах и закоулках, на ходу расстегивая пальто, я спрашиваю у вихрастого

парня в очках в роговой оправе и нелепой клетчатой рубашке, как мне пройти к нужному кабинету.

Этот невнятного пола субъект только молча взмахивает рукой направо, и бежит дальше. Благодарю его стремительно удаляющуюся спину.

Наконец, нахожу то, что искала, и с робостью открываю дверь в секретариат радиостанции. Там мне сразу же предлагают оставить верхнюю одежду у них и пройти в студию номер 705 в. Что я, собственно, делаю.

В 705в вижу мощную «радиорубку». Засматриваюсь на эту кучу аппаратуры в специальном акустическом, хотя и небольшом по размеру помещении. Меня манит к себе жестом девушка в массивных наушниках. Я подхожу к ней, терпеливо дожидаясь того, что будет дальше.

Дослушав что-то, и сказав в микрофон малопонятное для меня: «Здесь нужна вставка F и подводка, обязательно!», она откладывает наушники в сторону, а затем нажимает несколько кнопок.

— Привет, — здоровается, разглядывая меня с веселым любопытством. Смутившись немного, я говорю ей «здравствуйте» и объясняю, зачем пришла.

Девушка выглядит очень приятной внешне, но немножко экзотически — пирсинг, разноцветные пряди волос, оригинальные браслеты... Ясно, что передо мной какая-нибудь известная радиоведущая и человек творческий.

Что она тут же подтверждает, произнося с обаятельной улыбкой:

— Можно на ты? Я — Ёлка, диктор.

— Очень приятно, конечно, — отзываюсь.

— Я тебя утвердила! — смеётся, — дальше к Мискарьянцу.

— К кому? — признаться, я удивлена.

Это что, и все собеседование?! А я-то приготовилась к долгому рассказу о себе, да еще имею парочку заготовок ответов на самые каверзные вопросы по типу «Почему вы хотите работать именно у нас?» или «Что в нашем радио вам нравится больше всего?»

— Герман Мискарьянец наш программный директор и биг босс, кабинет 700а, — разъясняет она мне, вновь увлекшись работой, — все тебе расскажет. И главное, поменьше стесняйся!

— Спасибо, до свидания, — я искренне улыбаюсь ей и встаю со своего стульчика.

Тогда я ещё не знала, что Ёлка номер один по шкале крутизны и влияния на этом вещательном канале, примерно сразу после Мискарьянца, разумеется. Не знала, что за оригинальным псевдонимом скрывается лесбиянка Татьяна Ивакина, в прошлом сама провинциальная девочка, которой я просто понравилась. И именно поэтому была взята в штат практически «с улицы», хотя на радио такое практикуют редко.

Танюша, в самом деле, оказывается настоящим профи и просто хорошим человеком, но если бы я только знала все то, что произойдёт со мной после, то ни за что бы не пришла в поисках работы на эту радиостанцию...

Телефончик

Антонина

Ранний вечер, и на улице ещё довольно светло. Окрылённая встречей с Мискарьянцем, я иду по улице Гороховой.

Нет, скорее даже, парю! Никуда не спеша и попутно радуясь всему, что вижу. Заснеженный Питер потрясает своей холодной монументальной красотой. Иссиня-белый снег подсвечен мягким светом фонарей, уже загорающих вдоль длинных и широких тротуаров. Прогуливаясь по ним, я наслаждаюсь простым созерцанием машин, домов, людей. Наслаждаюсь вечерним Питером и своим парящим настроением. Впитываю момент...

А все потому, что желанная работа на радио уже почти у меня в кармане!

Несмотря на то, что Герман Мискарьянец оказался пренеприятным холёным типом с «масляным» оценивающим взглядом, я спокойна. Разговор с ним занял от силы минут десять. Узнав, что Елка не против моей кандидатуры, он задал мне всего несколько вполне стандартных вопросов. Кроме того, объяснил, что будет входить в мои обязанности: чтение сводки новостей, согласованных с редакторами и в строго определённое время, а также выпуск в эфир блока музыкальных композиций между сводками.

Он подчеркнул, что каждый вздох, и каждый шаг в студии должен согласовываться мною с дежурным редактором. Все.

На прощание Герман Валентинович неожиданно весело заметил, что я, как классическая русская красавица, напоминаю ему Аленушку с шоколадки. И что мне скоро перезвонят.

Его непринужденный тон в конце беседы показался мне хорошим знаком. Вряд ли так любезничают с теми, кого не хотят брать на работу. Вспоминая детали, я замедляюсь перед огромной красно-белой зеброй пешеходного перехода.

Светофор горит красным. Пешеходы у края дороги в ожидании, а я, не прекращая мечтать и улыбаясь, присоединяюсь к ним. Засовываю озябшие руки в карманы своего стильного теплого пальто поглубже.

Втягиваю носом воздух — откуда-то доносится волшебный запах свежей выпечки. Только подумываю зайти в булочную на Бронницкой, как вдруг слышу визг колес.

Резкий запах жжённой об асфальт резины и какая-то сумятица справа привлекают мое внимание. Ещё несколько пешеходов рядом дружно поворачивают головы в сторону шума.

На первый взгляд, ничего особенного — не сумев, видимо, припарковаться у обочины, два тяжёлых мощных мерседеса с тонированными стеклами внезапно тормозят перед пешеходным переходом.

Загорается зелёный свет. Пешеходы, убедившись, что длинные ряды машин остановились окончательно, начинают перемещение на другую сторону дороги. Я — с ними.

Примерно посередине зебры меня и еще одну женщину, идущую рядом, шокирует выскочивший буквально из машинного потока парень. Он выпрыгивает как раз из одного из тех «навороченных» мерсов одинакового черного цвета и марки, которые смотрятся вместе как близнецы-братья. Быстро приближается к нам.

Взглянув на странного пешехода только мельком, я отворачиваюсь. Однако он

обращается именно ко мне:

— Девушка! Здравствуйте!

Удивляюсь, но, совершенно машинально отвечаю ему в ответ «здравствуйте». Люди косятся в нашу сторону с понимающими улыбками.

А, так это он «клеит» меня, что ли?! Усмехнувшись, иду дальше. Но парень не отстаёт:

— Девушка! Дайте телефончик.

Шта?! Может ему еще чего дать? Не сбавляя шага, отрицательно мотаю головой.

— Извините, я на улицах не знакомлюсь, — коротко реагирую, бросив на него внимательный взгляд перед тем, как окончательно распрощаться. Парень мне не нравится.

— А где знакомитесь?! Вы только скажите, я подойду-подъеду, — в его голосе звучит такая большая надежда, что я невольно удивляюсь. Ну и напор! Неужели так понравилась, что выскочил из машины прямо на зебре?!

Своим нахальством он вдруг напоминает мне Зимина. Я с трудом удерживаюсь от улыбки, хотя сердце болезненно сжимается от нахлынувших воспоминаний.

— Извините. Не интересно, — тем не менее, холодно произношу и отворачиваюсь.

Несмотря на то, что парень вообще не в моем вкусе, и я дала ему понять это, он упрямо семенит за мной. Немного худощавый, долговязый и симпатичный, одет он очень хорошо. Уверена, что даже «брендово», хотя не очень разбираюсь в брендах.

— Девушка, ну постойте, а, — тянет, уговаривая.

Не знаю, почему, но мне всегда хочется сделать наоборот, когда уговаривают. Особенно, если уговаривает незнакомец.

— Молодой человек, — я вынуждена приостановиться, — вы не слышали? Нет это нет. Всего доброго!

Он идет за мной, забыв о своей брошенной у зебры машине, и неожиданно выдаёт:

— Да я не для себя прошу!

— А для кого?

Это напоминает мне какой-то нелепый розыгрыш. Очень надеюсь, что тут не замешан Илья — насколько мне известно, он тяжело переживал наш разрыв.

— Я вообще-то вас на концерт пригласить хочу, — странно отвечает парень. Улыбается, — бесплатно! На лучшие места!

Молчу, пытаюсь сообразить, к чему он это. Теперь мы просто стоим среди неспешно прогуливающих по широкому бульвару людей.

— Вы слышали о таком певце, ZIMMA?! — интересуется этот чудак, и меня даже на секунду парализует от вопроса, — считайте, что у вас от него VIP приглашение. Куда захотите! Оставьте только телефончик. С вами свяжутся...

— Ну надо же, как оригинально! — улыбаюсь, не выдавая бури эмоций глубоко внутри себя, — а что же, у самого ZIMMA попросить телефончик пороку не хватило?!

Парень зависает, очевидно, удивленный моей реакцией. Наверняка, девять из десяти девушек на моем месте бы кокетливо засмутились, и оставили свой номер? Я же разворачиваюсь и ухожу.

Почему, не знаю. Возможно, растерянность или временное помутнение рассудка заставляют меня, не раздумывая, стремительно заскочить в двери остановившегося неподалеку трамвайчика.

Парень больше не делает никаких попыток догнать меня, но выглядит ошарашенным. Я наблюдаю за ним сквозь окна тронувшегося трамвая, радуясь тому, что так удачно сбежала.

И только потом все больше и больше накатывает разочарование от собственной поспешности. Данил Зимин нашел меня, раз послал этого нелепого гонца?! Сердце частит.

Издали я вижу, как тот парень медленно поднимает руку со смартфоном и фотографирует номер уносящего меня трамвая.

Это судьба

Данил

Питер, мчим в аэропорт. Тормозим на светофоре. Я выхватываю ее из толпы взглядом, случайно, и обрываюсь на полуслове.

У самого края дороги — она! Красивая. Ничего не подозревающая. Безразличная. Роковая. Моя...

Это как удар в висок, как нокаут! Меня взрывает до темноты в глазах. Я перестаю дышать, мысли путаются. Снова позволяю старому чувству течь по моим венам.

Из телефона продолжает болтать Юрий Вирмантас, мой продюсер и очень важный дядька из мира большого шоу-бизнеса. Не способный воспринимать информацию, тупо сбрасываю. Продолжаю смотреть на Антонину Сергеевну Брежневу.

За секунду расщепляюсь на атомы, чтобы затем, как терминатор, вернуться обратно в себя целого. Сморгнув, мотаю головой, разгоняя морок. Взвинченный до предела, я кидаюсь на водителя Вадика с просьбами припарковаться, срочно. Где и как получится.

Он начинает дёргаться в общем потоке движения в несколько полос, и на нас обращают внимание.

Вирмантас разрывает оба моих телефона звонками. Напряжению в салоне только добавляют накала вопросы охеревших от моих дерганий людей — охранника и личного помощника. Вторая наша машина следует сзади.

Я молча смотрю, в глухом ступоре, как Вадя, разведя руками, останавливается у края зебры. И как она идет по ней дальше.

Я ведь так и не смог забыть ее, как ни старался. Зачем она так со мной?! Тогда, это был поступок трусливого человека. Я ведь обещал, что буду ждать, я все делал, что мог... так почему?!

Стал ли я любить ее меньше после этого? Нет, не стал. Может, даже больше. Я больной маньяк?!

Ладно. Что дальше?

Хищник внутри меня, ворочаясь, просыпается. Раскурочивает нах всего. Только теперь я слишком голоден, чтобы быть аккуратным. Перевариваю произошедшее, мои губы улыбаются.

У меня уже есть план.

Я прошу Антона Хлебникова, своего помощника, вежливо и аккуратно взять телефон у той девочки, на которую показываю. Понятливый пацан, только раз молча глянув и убедившись в моем адекватности, выпрыгивает на зебру из машины. Меньше чем через полминуты он догоняет ее в толпе.

Застываю, когда он подходит к ней слишком близко. Заглядывает в глаза, говорит и улыбается. Она отвечает ему.

Ревность и непонятный страх жалят в сердце как осы. Пульс скалит от адреналина, а в горле ком. С трудом сглатываю — она нереальная! Отворачивается от него, уходит. Он за ней, я сжимаю кулаки. Только бы не отказала!

С годами боль по Тоне никуда не ушла, притупилась только. Я ненормальный, это факт. Сижую, радуюсь, наблюдаю. Чувствую эту эйфорию всей кожей.

«Тоша», беззвучно двигаются мои губы.

Я искал ее в Москве, а встретил на зебре в Питере. Случайно. Но случайности не случайны, и на этот раз ей не уйти!

Просто нельзя вот так, умножить на ноль человека и свинтить в неизвестном направлении. Надеюсь, что мы больше не встретимся. По-любому встретимся! И поговорим, как минимум.

Я ведь не обижал ее? Обещал подождать, не набрасываться, был честным и порядочным, только кому это нах надо?!

Что она делает в Питере?! В поездке, в гостях, живет здесь?

Я часто думал о том, как мы встретимся, и где. Иногда она даже чудилась мне среди фанаток. На концерте было бы идеально. Что б я сделал тогда? Вариантов масса.

Или вот, хорошо бы было встретить ее где-нибудь в захолустье, замужем за каким-нибудь местным дебилем. Тогда бы мои «акции» резко выросли в ее глазах, и переманить Тошу к себе стало бы делом нехитрым.

А еще б лучше, чтоб этот дебил за нее поборолся — как бы я выместил на нем весь гнев и злобу тех пустых, одиноких лет! С наслаждением бы сравнял его с землей там, прямо при ней...

Улетаю в самых различных фантазиях, от порносцен до драк. Я точно псих! Вадик, наконец, паркуется.

Меня так и подмывает выйти и поговорить с ней самому, но я понимаю, что это будет ошибка. Поэтому болезненно-мучительно переживаю тот момент, когда оба они скрываются из виду в каком-то переулке.

— Давай за ними, Вадь, — снова дергаюсь.

Бормоча под нос ругательства, он вырывает на дорогу, а мерин Юрика, второго моего охранника четко едет следом. Из постоянной охраны у меня всего двое парней, причем один тупей другого — Юрик и Санчо, он же Александр.

Я бы не брал ни одного, но Юрий Шмильевич настаивает.

— Че происходит, Зима?! Такого ещё не было, — нудит мне водитель с надрывом в голосе, — ты впервые телку прям посреди дороги снимаешь...

— Тихо, Вадик, ша, — отвечаю ему с улыбкой, уже абсолютно спокойный, — это барышня! Не телка. Запомни.

— Так вы знакомы, что ль?! — меняет он тон, вспоминая, кто здесь правит бал. Этот кто-то — я.

— Давай без подробностей? Просто надо и все, — я берусь за телефон, — надо перезвонить Юрию Шмильевичу.

Тот снимает трубку сразу, очкуя. Еще бы, через сорок минут у нас истекает бронь на charterный авиарейс. Бойтся, чтобы не сорвалось, бабки-то серьезные.

Мы вообще только что с корпоратива, летим вместе с танцорами на чартере на сборный концерт в Москву. Они уже в аэропорту. Наш лейбл в числе приглашённых звёзд — контракт, аванс, и все дела. После концерта участие в заранее анонсированной прессконференции, два интервью на разных телеканалах, уже ближе к ночи.

Короче, как всегда, график расписан чуть не по минутам.

Послезавтра концерт в Минске, на одной из самых крупных площадок Белоруссии. И везде, сука, контракты, обязательства, договоренности...

Все забито и заавансировано на месяцы вперед — ни продохнуть, ни выдохнуть.

Обязательства как удавка на моей шее, которую контролирует лично он, мой всемогущий кукловод Вирмантас. Я — человек-органайзер. Работаю, живу, дышу по расписанию.

Вирмантас тоже давно не человек — машина. Пробивная, вездеходная, и заточенная исключительно на добывание бабла и всего, что с ним связано.

Больше его не интересует никто и ничто. Семьи, даже близких родичей у него нет. Я не в курсе, каким путем он думает унести все свои сбережения за собой в могилу, но работает он как проклятый, день и ночь. Как и я, уже не раз пожалевший, что с ним связался.

Этот паук закабалил меня долгосрочным контрактом, который понемногу выжимает из меня все жизненные соки. Ведь для Вирмантаса не существует понятия дня и ночи, чьего-то личного пространства или времени, моих — тем более. Для него рабочее время всегда и везде.

Процент по сотрудничеству он дал мне ничтожный, но, даже такой позволяет неплохо зарабатывать. Единственное и самое херовое, я зря отдал себя в рабство на целых десять лет.

За эти десять лет он выпьет меня всего, до дна, я чувствую, ведь он использует мой жизненный и творческий резерв на максимум.

А в современном мире уже не нужны продюсеры и компании, раскручивающие лейблы. При наличии таланта и большого желания, а также благодаря интернету, все это можно делать самому. Затем выгодно вкладывать прибыль в свое развитие и уже на собственные деньги нанимать любых профигов высочайшего уровня.

Без очень опытного менеджера со связями, конечно, не обойтись, иначе на творчество просто не останется времени. Но, это уже совсем другой уровень отношений и расчетов. Умело делегируя львиную долю организационной работы, можно успевать абсолютно все, что захочется.

— Даник, я не понял. Что там у вас?! — его басок густой и тягучий. Меня от него типает, а еще типает от имени «Даник». Морщусь.

Даже отсюда «чую» страх своего продюсера, не зря я пока что «номер один» в его конторе.

— Юрий Шмильевич, все норм, — зорким взглядом высматриваю Антона в толпе прохожих. И решаю добавить драйву, — просто стало плохо с сердцем.

Это почти правда. Все равно ведь, паучок давно ничего не чувствует к людям.

Слушая это, Вадик беззвучно ржёт, медленно передвигая наш мерин вдоль тротуаров. Мы едем на тихом ходу, никому не мешая. Он давний и проверенный, а потому расскажет Юре правду вряд ли. Но даже если и да, мне пох.

Где же так долго носит Тоху в погоне за заветным номером?!

— Че... как?! — Вирмантас даже начинает заикаться, — Данька, ой ёе! А сейчас что же? Как ты? У нас график рабочий такой плотный..

Вставляет крепкое словцо. Еще немного пыхтит. Затем снова интересуется тем, как я.

— В порядке! — заверяю. Вижу приближающегося Антона, — надеюсь.

— Даник, елки, у нас же ж с тобой даже на больничку времени нет, — продолжает сокрушаться он.

— Да все нормально, мчим в аэропорт. Юрий Шмильевич, мне уже полегче, на концерте будем в срок!

— Да? Ага. Вот и ладненько, молодец! — отзывается уже веселее, — держимся. Я тебя потом на консультацию к лучшему кардиологу свожу!

— Ну да, не помешает, — смеюсь, жадно сканируя глазами выражение лица Антона. И

снижаю, потому что его можно описать одним словом как «потерянное». Злюсь.

— Таблеточек тебе хороших подгоним, — продолжает Вирмантас.

— Если вы про амфетамин, то спасибо нет.

— Да ты че, Дань, в самом деле! Я всегда был против «дури». На «дури» сгорают быстро, — он усмехается, — а ты мне как сын! Мы же с тобой еще, знаешь, какие горизонты покорим?!

— Догадываюсь, — вздыхаю.

Быстро сворачиваю наш разговор, потому что как раз в этот момент в машину присаживается Тоха. Сдувшийся как шарик, он заставляет меня реально ощутить подступающую дурноту.

— Рассказывай, — хмуро смотрю на него. Вадик спрашивает, едем ли в аэропорт. Утвердительно киваю.

Ну и хер с тем, что не дала свой номер! Зато я знаю теперь, где ее искать. Поиск невероятно сузился, до одного лишь города Питера, а это для меня ничто по сравнению со всей необъятной Россией.

Звонит Юрий Мура, начальник охраны, из машины, что следует за нами. Однако оперативно! Переживает.

Направляю его дальше за нами, в аэропорт.

— Принято, — отвечает, — а че, Тоха бегал куда-то?!

— Ага. Мне за шоколадкой, — не удерживаюсь от легкого троллинга. Парни в салоне ржут, и он, похрюкивая, тоже, — ладно, двигайте за нами.

Сбрасываю вызов. Сердце болезненно ухает в груди, когда я поворачиваюсь к Тохе, ожидая продолжения. Меня вдруг накрывает аж до пелены перед глазами от волнения.

— Давай, Антуан, не томи! — подгоняю. Он вздыхает и коротко рассказывает мне о том, как прошло их общение, и тычет снимком трамвая в своем айфоне.

— Да удали ты его на х! — раздражаюсь, — ладно, ясно. Короче, не справился.

Смотрю на массивные наручные часы — подарок Егора Крида, и снова набираю Вирмантаса.

— Юрий Шмильевич, докладываю. Скоро подъезжаем, — хитрю немного, чтобы попросить скинуть мне смс-кой телефон Ромы Демидова.

Роман Демидов сын мэра Питера, на открытии нового ночного клуба которого мы выступали этой ночью. Он ненамного старше меня, и мы с ним очень даже кстати успели поболтать немножко «за жизнь». Можно сказать, наладили общение. Жаль только, что не обменялись контактами, но у Вирмантаса его телефон, конечно, есть. Озвучиваю просьбу.

— Даник, зачем тебе? — удивляется, — потусить надумал с мажорами?! Да у тебя и времени-то нет.

Под его давлением, почти все свое редкое свободное время я провожу на звездных «пати» и тусовках подобного рода, поэтому предположение продюсера вызывает только рвотный рефлекс. Именно он всегда внушал мне, что это часть работы.

— Пригодится, сбросьте, пожалуйста. Я слышал, у кого-то там из его коллег корпоративчик скоро намечается, — ломаю сопротивление его же оружием.

— Окей, лови, — оживляется, — и перенаправь их сразу на меня, если что.

Как правило, выступление на корпоративе — это быстрые и легкие деньги. Как в девяностые. Получив номер Демидова, я набираю его, не откладывая:

— Ром, добрый день. Это Данил ZIMMA.

— О, Данька, привет, — он радуется мне как родному. По голосу слышу, что уже с утра «накатил», значит, веселье продолжается. После минутной болтовни ни о чем, интересуюсь:

— Можешь девочку мне одну «пробить» здесь, в Питере?

— Могу даже не одну, — смеется.

— Мне одной хватит, — тут же расслабляюсь. Ну, хоть здесь свезло! Молюсь только, чтобы не сменила фамилию. Хотя, меня не интересует ее семейное положение. Мы поговорим, в любом случае.

Договариваемся с Романом, что я скину ему фамилию, имя, отчество, и примерную дату рождения. Он говорит, что этого достаточно.

— Что надо узнать?

— Адрес.

— И всего-то?! Легко. Но тогда с тебя визит на днюху моей сестры в качестве гостя! Она от тебя без ума. Позвонит, пригласит, можно?

— Можно, если только на двух условиях.

— На каких?

— Первое, ты передашь, что я уже занят и подруге своей не изменяю. Второе, у меня должно быть окошко в рабочем графике, что, считай, нереально. Но позвонить, поздравить не вопрос вообще! Я даже ей цветы пришлю, напомни только за день смс-кой, лады?

— Ух, ты хитрый жук! Ну, лады. Жди смс с адресом.

Что это было?

Антонина

Проходит несколько томительных дней ожидания, прежде чем мне звонит сам Герман Мискарьянец лично. Приглашает на еще одно, теперь уже финальное собеседование.

Это хорошо, что сейчас вечер и я дома. Потому что, пребывая в радостной рассеянности, не способна думать о чем либо еще, и даже случайно роняю на пол чашку с кофе. Она разбивается. Но моя душа поет, предвкушая, что это точно на счастье.

Что касается Зимина, то он больше не объявлялся. Ха! Жалкий трус, прислал ко мне какого-то парня пригласить на концерт — ну это просто вау. Взрыв мозга! Хотел показать мне, насколько он крут теперь?

Как будто я сама не знаю этого.

А с другой стороны, все к лучшему. Не хватало еще, чтобы он сам тогда подошел ко мне и начал, к примеру, стыдить за прошлое.

Хотя, сердце екает до сих пор при мысли о том, что он мог быть тогда где-то рядом. Возможно, в одной из тех машин?

Мурлыча себе под нос один из его последних хитов, и размышляя таким образом, я не спеша убираю осколки чашки. Потом протираю пол. Хоть бы с этой работой все сложилось!

Сейчас мне даже кажется смешным, что Данил Зимин так много дней не выходил у меня из головы после той странной встречи с парнишкой на «зебре».

Я постоянно думала о том, что теперь он сможет как-то разыскать меня. Хозяйка квартиры, которую я снимаю, очень законопослушна. Она наверняка зарегистрировала наш договор аренды в местной налоговой, а это значит, что он мог бы выяснить мой адрес, зная, в каком городе я нахожусь.

С тех пор, первое время я выходила из собственного подъезда крадучись и оглядываясь, словно лиса из норы. И еще, при «полном параде» — хорошо одетая, ухоженная. Очень бы не хотелось ударить в грязь лицом при нашей возможной встрече...

Думаю, Данил был бы рад подчеркнуть эту разницу в наших статусах сейчас. Ну да, он звезда! А я сейчас кто, офисный планктон?! По сравнению с ним, я действительно мало чего добилась в жизни.

Одним словом, каждое утро я старательно рисовала себе на лице легкий, но эффектный макияж. И мучилась от высоких каблучков, пока мне это не надоело, а он так и не появился.

Конечно, за эти годы я могла бы и сама найти его, чисто теоретически. Например, написать ему в директ одной из официальных страниц ZIMMA, в какой-то популярной соцсети.

Только что писать-то, извинения? Или помнит ли он меня? Смешно.

И боязно! Вдруг напишет в ответ, что я дура, что он не помнит такую, или вообще, что я не стою того, чтобы меня помнили.

Все это, разумеется, очень сдерживает. Зато мне везет в другом — проходит еще несколько дней, и я получаю вожделенную работу на радио! Успешно «собеседуюсь» у начальника отдела кадров, и почти сразу оформляюсь в штат. Подписываю с радиостанцией официальный трудовой договор о работе по совместительству, поскольку моя трудовая книжка, как и прежде, остается в кадрах по основному месту работы.

А дальше — вуаля! Я приступаю к работе. Довольно скоро привыкаю к новому жизненному графику, и убеждаюсь, что никаких чудес, кроме дополнительного заработка, эта работа мне не несет.

В самом деле, оказывается очень утомительно ехать почти каждый день на ночную смену, чтобы прочитать пару блоков новостей в эфире и «покрутить» плейлист с музыкой.

А еще, скучно. Проработав там пару недель, я не встретила в ночных коридорах ни души, кроме разве диджеев-сменщиков и дежурного редактора.

Зато днем на радио кипит куда более насыщенная жизнь. Постепенно мои ночные смены стали вгонять меня в ужасную тоску.

Теперь я почти всегда вынуждена не спать в такие часы, когда сон самый сладкий.

Мне очень тяжело, очень! Порой я даже жалею, что ввязалась в эту подработку, и сейчас меня удерживает на ней только тот факт, что за нее мне платят действительно неплохо.

Сегодня все было как обычно. Покончив с основной работой, я примчалась домой, преодолев всего пару остановок в маршрутке.

Дома быстро поужинала и завалилась спать на два часика. Как правило, мне этого хватает, чтобы немножко передохнуть и набраться сил перед ночным бдением.

Просьпаюсь по будильнику и «в темпе» собираюсь на радио. Чтобы немного взбодриться, попутно занимаюсь медитацией на тему того, что однажды, возможно, стану крутой ведущей дневного эфира. Основная цель медитации — поднять себе настроение.

Даю мысленное обещание записаться на курсы дикции и ораторского искусства в обозримом будущем. Вообще, неплохо бы как-нибудь заявить о себе! Но, кроме как выкладываться на работе по максимуму, ничего более умного в голову пока не приходит.

Я долго копошусь в недрах шкафа, доставая и комбинируя оттуда одежду прямо на постели. Выбираю, в чем будет комфортнее, потому что в Питере сегодня резко, просто удивительно потеплело.

В итоге, останавливаю свой выбор на тонком светлом гольфе и голубых джинсах, плюс теплая куртка-ветровка с капюшоном сверху. Мои белые утепленные кроссовки удачно завершают этот образ.

Прижав телефон плечом крепче к уху, я вызываю такси и выхожу в свою миниатюрную прихожую. Закидываю на плечи удобный рюкзак, обуваясь. Я всегда выезжаю чуть пораньше, чтобы ещё попить кофе где-то в центре и проснуться таким образом окончательно.

На часах девять вечера. Привычно проверив по карманам документы, деньги и ключи, я стягиваю в хвост ставшие такими длинными волосы. Открываю входную дверь и невольно смотрюсь в овальное зеркало в прихожей.

Оттуда на меня глядит хмурая мишка-панда — хронический недосып даёт о себе знать синими кругами под глазами. Решаю оставить все как есть, ничем их не замазывая.

Показываю язык своему отражению и улыбаюсь. Закрываю дверь, мысленно проговаривая себе, что все в моей жизни идет отлично.

Нажимаю кнопку лифта и вспоминаю, как главные героини старого советского фильма «Самая обаятельная и привлекательная» занимались аутотренингом. Хмыкаю. Еду на первый этаж с мыслью о том, что, вообще-то, это работает.

На первом этаже лифт бесшумно раскрывается.

Ощущение такое, как будто на тебя вдруг обрушивается потолок! Передо мной стоит Данил Зимин.

И снова здравствуй!

Антонина

Мы встречаемся взглядами, и от этого меня вмиг обдаёт то жаром, то холодом. Даже тысяча посыльных от Зимина не смогли бы подготовить меня к этой встрече!

Оцепенев от неожиданности, стою. Так долго, что, кажется, лифт уже начинает закрываться, но Зимин ловко просовывает ногу в двери. Они снова открываются, и теперь я просто вынуждена выйти.

Все это происходит в молчании. Он делает демонстративный шаг назад, освобождая для меня пространство. Выхожу.

— Привет, — произносит низким бархатным голосом. Все еще пребывая в растерянности, я улавливаю тонкий, чувственный аромат его парфюма.

А Зимин-то подготовился! Я гляжу на него во все глаза, и меня шокирует то, как он выглядит.

Теперь это рослый и брутальный парень. От прежнего Дани в нем осталось мало, разве что насмешливый прищур хитрых серых глаз да хулиганская поза. Он стоит, широко расставив ноги и засунув руки в карманы, что ничуть не портит его.

Ни дать ни взять, молодежный поп-идол, словно только что сошедший из одного из своих модных клипов.

Это и не Зимин давно, он — ZIMMA, от которого так и веет уверенностью в себе! Я же напротив, ощущаю себя сейчас жалко и смущенно.

Впрочем, Данил Зимин об этом не узнает. Расправляю плечи и гордо вздергиваю подбородок, не забыв приветливо улыбнуться ему.

— Привет. Как ты меня нашел?! — непринужденно спрашиваю. Понятно же, что это не просто какая-нибудь случайная встреча.

Данил выдерживает паузу. Вообще, у меня как-то сразу складывается впечатление, будто он тщательно подбирает слова.

— По зову разбитого сердца, Антонина. Пришлось идти! — хмыкает.

Я, конечно, понимаю, что это шутка. Но все равно озадачиваюсь немного. Решаю проигнорировать странный ответ — в конце концов, это неважно.

— Данечка, как дела? Можно теперь называть тебя так? Ты ведь у нас суперстар, — начинаю, и спотыкаюсь на полуслове. Выжидательно смотрю.

Стал он, конечно, ух каким! Да, я видела его клипы, интервью и так далее, но «вживую» Зимин смотрится еще круче.

Это странно, но он не заморачивается тем, чтобы помочь мне в поддержании диалога. Только смотрит внимательным, даже пугающим взглядом, который, кажется, проникает меня до души.

Я решаю пошутить, с целью немного разрядить атмосферу:

— Дашь автограф?

— Это типа такой троллинг?! — отзывается. Зимин серьезен, и говорит со мной сухо, отрывисто, — или правда ценительница моего творчества?

Проницательные серые глаза Зимина так и горят на бледном лице, изучая меня, выдавая крайнюю степень его волнения. Что, он способен так взволноваться?! Я не помню его

робким юношей.

Удивительно. Радуюсь тому, что здесь неяркий свет, потому как я совсем не «в форме».

— Да я просто пошутила, Дань, — поспешно добавляю, — ты просто такой серьезный! А вообще, знаешь, восхищаюсь и горжусь тобой. Не получается как-то вот так сразу подобрать правильные слова. Но ты большой молодец!

Умолкаю, потому что он никак не реагирует на эту хвалебную оду. А я не хочу и дальше продолжать нести чушь и банальщину в этом духе.

Хотя, я считаю именно так.

— Как ты вообще? — неловко спрашиваю.

— Тебе и вправду, интересно? — следует ответ.

Внешне он выглядит очень спокойным, но я все равно «на стреме».

— Ну, конечно, — говорю осторожно. Надеюсь, он не пришел придушить меня за прошлые грехи, или утопить в Неве по-тихому?!

— Могла бы позвонить и узнать, — усмехается, — мой номер все тот же!

Я тушуюсь, и молчу.

— А твой? — продолжает.

В словах Данила явно слышится издевка. А ведь я действительно очень виновата перед ним!

Невольно оглядываюсь по сторонам. Мой подъезд абсолютно пуст, и я даже испытываю дежа вю, только вот декорации другие.

Теперь это не убогая лестничная клетка старой девятиэтажки, а парадная, как говорят петербуржцы, в элитном доме питерской пятиэтажки.

— Ты прав, да, — отвечаю, — номер я сменила. А еще, поступила не очень красиво по отношению к тебе несколько лет назад.

— Не очень красиво?! — повторяет за мной он, и я прямо вижу, как его скулы очерчиваются резче из-за сжимающихся челюстей.

Ах, он переживает. Жалеет себя, несчастного?!

— Мне очень жаль, — добавляю с покаянным видом.

Ну вот, я и сказала это, фух! Выдыхаю. Телефон в кармане моей куртки начинает трезвонить. Таксист.

Я хватаюсь за телефон как утопающий за соломинку.

— Добрый вечер, уже подъехали? — выпаливаю машинально, а в моей голове царит один сплошной Зимин, — хорошо, спасибо. Иду!

Зимин меняется в лице.

— Правда жаль? — тянет насмешливо, как только я кладу телефон обратно в карман.

— А что, есть сомнения?

Я, правда, стараюсь, чтобы мои слова звучали доброжелательно. В глубине души я очень рада его видеть.

— Если, в самом деле, жаль, то удели время старому другу! Мне, — зачем-то уточняет.

Он улыбается. Кажется, когда Данил Зимин улыбается, тают даже ледники. И я начинаю таять тоже.

Его трудно назвать классическим красавцем. Но что-то в Зимине цепляет жестко — возможно, дело в его сильной энергетике или природном обаянии.

Черты лица Данила грубоваты и не идеально-гармоничны, но у него есть фантастическая уверенность в себе и отличная физическая форма, а это всегда притягивает.

Вообще, он относится к редкому типу людей, к которым нельзя оставаться равнодушным. Их обычно любят или ненавидят.

Зимин яркий, привлекающий внимание, и далеко не только своими танцами или песенками. Его миндалевидные глаза, широкие скулы, «ястребиный» нос отнюдь не прекрасны, но чувственные губы, хищная грация движений и идеально тренированное тело заставляют, я уверена, трепетать многих.

Девчонки тащатся от таких. Я рада, что не в их числе и отношусь к нему спокойно, возможно, даже критично.

Мне кажется, что я чувствую его сильные и слабые стороны интуитивно.

— Гм, — делаю вид, что раздумываю, — тогда мне придется отпустить такси.

— Отпускай, — быстро реагирует.

Теперь он снова выглядит спокойным и даже расслабленным, но я почему-то кожей чувствую его напряжение. словно для него это очень важно — мое согласие пообщаться еще.

Впрочем, надеюсь, «топор войны» зарыт и безвозвратно.

— Поедем, может, где-то кофе попьем?! — предлагаю первой.

Жду, когда он перестанет стоять передо мной истуканом и скажет хоть что-то внятное по поводу нашего дальнейшего времяпровождения.

— Давай, — Зимин ласкает меня взглядом, от чего краснею. И снова я думаю о том, каким интересным мужчиной он стал.

Уверенно идет к выходу, и там широко распахивает передо мной двери парадной. Его галантность мне приятна.

Выйдя во двор, я сразу замечаю у тротуара знакомые черные мерседесы, а еще, двух «амбалов» рядом с ними.

Как по команде, они смотрят в нашу сторону, от чего я делаю вывод, что это охрана Зимина.

Встав чуть поодаль от него, достаю телефон и звоню в службу такси. Отменяю заказ. Но в тот момент, когда снова поворачиваюсь к нему, нас неожиданно «атакуют».

Хихикающие девицы лет двадцати или чуть меньше, подбежав, глуповато уточняют, он ли это, и просят разрешения сделать с ним селфи. Зимин не отказывается, впрочем, гипнотизируя меня своими серыми глазами и дальше.

Его «шкафы» тоже подсакивают поближе, чтобы включиться в диалог с девушками, и готовые их «отвадить» в любой момент.

Он делает это сам. Надев бейсболку козырьком на лицо пониже и взяв меня за руку, отводит от них в сторонку.

— Видишь, как сложно?! Поехали со мной. В обычной кафешке, поверь, нам не дадут нормально пообщаться. Я знаю места поспокойнее...

Застываю от того, что Зимин как бы невзначай касается меня. Крепко держит, не отпуская от себя, а воздух между нами так и искрит.

— Надеюсь, ты не имеешь в виду гостиницу или что-то вроде?! — беспокоюсь уточняю.

Девицы отходят, поняв, что больше им ничего не светит в плане общения, но продолжают наблюдать за нами издали.

Охрана прикрывает нас, почти обнимающихся, от любопытных взглядов своими мощными спинами.

— Нет, нет, — успокаивает Зимин.

Потом зачем-то знакомит меня с ними, и я рассеянно киваю, даже не запомнив их имена. Потому что сердце мое сейчас бешено колотится при мысли, что мы вдвоем поедem куда-то. Или с ними тоже?!

То, что Зимин говорит дальше, приводит в шок. Не стесняясь моего присутствия, он просит их немедленно снять для нас «приличный комфортный домик в хорошем районе Питера».

Слегка обалдеваю. Поначалу даже никак не комментирую это.

Я пока еще не настолько выжила из ума, чтобы ехать в съемный частный дом с человеком, которого когда-то так обидела в прошлом, да к тому же, с двумя его похожими на громадных питбулей спутниками.

Мой двор совершенно пуст, и страх неприятной, липкой змейкой начинает свое путешествие по моему телу.

— Ты боишься меня, что ли?! — удивляется Зимин, мгновенно «считав» мою реакцию. Он угадывает.

Я боюсь, но сказать об этом не решаюсь, потому что это «не круто». К счастью, вовремя вспоминаю о работе, придя в себя окончательно.

— Может быть, — аккуратно вынимаю свою руку из его цепких горячих пальцев. Взгляд Зимина полыхает опасным огнем, — извини! Мне это не кажется приемлемым вариантом. В конце концов, это неприлично.

Он замолкает. Только что получившие от него четкие инструкции охранники тоже выглядят озадаченными.

Готова поспорить, они уже решили, что мы с Зиминим едем туда заниматься сексом. От этой мысли я вспыхиваю. Переживать подобное унижение мучительно неприятно.

— Дань, у меня всего час свободного времени! — заявляю, хоть это и звучит как оправдание. Поправляюсь, — ну, приблизительно. А потом мне нужно на работу.

Он недоверчиво сощуривается:

— Ночью?! На какую?

— Это работа на радио, — обаятельно улыбаюсь ему.

К моему изумлению, Зимин, не моргнув глазом, отправляет свою охрану выполнять его поручение. Не обращая на меня никакого внимания, они даже немного спорят о том, что по инструкции рядом с ним всегда должен оставаться один бодигард минимум.

Зимин просит их «не портить ему свидание», и тут уж я вскипаю как чайник.

Молча проследив за тем, как охранники передают ему боевой пистолет в кобуре через крышу автомобиля, решаю твердо объявить ему, что я никуда не еду.

Зимин сует пистолет в карман. Они уезжают, и теперь мы остаемся наедине, рядом с еще одним, припаркованным неподалеку от нас мерседесом.

— Тошечка, тебе не о чем беспокоится, — произносит он тоном, не терпящим возражений, — обещаю, с тобой ничего не случится! А потом я сам отвезу тебя на работу.

Я слушаю его, нахмурившись. Нельзя поддавать под обаяние этого типа! К тому же, последующий вопрос о том, не могла бы я опоздать или вообще не пойти никуда сегодня, только усиливает мое беспокойство.

Не дослушав, я просто разворачиваюсь и возвращаюсь к парадной дома. Он — за мной.

— Ну, ты чего как не родная, глупышка, — мягко укоряет, догнав в два шага.

— Сам ты глупышка! — отрезаю.

— Да, я тоже, — легко соглашается, и смеется.

Я берусь за ручку подъездной двери, но Зимин ловко приваливается к ней спиной, не давая возможности открыть. Вздыхает.

— Смотри, — вытаскивает из внутреннего кармана куртки дорогой телефон с полупрозрачным корпусом. Открывает в нем органайзер и протягивает его мне, показав, как листать, — это мой рабочий график. Просто почитай.

Перед моими глазами пестрят даты и записи о множестве каких-то событий. Я листаю этот список только потому, что Зимин настаивает, нависая надо мной. Буравит требовательным взглядом.

Еще, пространно объясняет мне, чего ему стоило приехать в Питер сегодня, в правильное время. Чтобы было больше шансов застать меня дома, говорит он.

Вообще, говорит он много. Нежно и даже трепетно, успокаивая меня уговорами, присыпая мою бдительность. Приобнимает за талию как бы невзначай, становясь, таким образом, максимально близко.

Он говорит со мной почти как с ребенком, которого нужно во что бы то ни стало убедить в чем-то. От этого бешусь.

Терпеливо разглагольствует о том, что живет в адской круговерти, но почему я должна верить этому?!

— Я просто пока не знаю, когда смогу приехать в Питер в следующий раз, — заключает. Это значит, что Зимин хочет приехать еще? Ко мне?

Меня обдаёт жаром от сказанного, а еще, от его негромкого волнующего бормотания над моим ухом. На улице пронизывающий ветер, но мне тепло в его объятиях.

Я отодвигаюсь, возвращая телефон, над которым он тоже, склонившись, только делает вид, что изучает органайзер. Уверена, Зимин знает эти графики наизусть.

Скосив глаза, я попадаю в пьянящий плен его пристального взгляда. И снова поидиотски робею перед ним. Делаю шаг назад.

— Ладно, я согласна пообщаться, — киваю. И добавляю уже кокетливо, — даже сходить с тобой на свидание! Но...

Выдерживаю многозначительную паузу.

— Давай в другой день?

— В какой?! — напрягается.

Его неудовлетворенность моим ответом зашкаливает. Очевидно, что Зимин бесится, хоть и молча.

Его модный телефон, поставленный на беззвучный режим, каждые десять секунд загорается звонками. Он сбрасывает их все.

Я молчу тоже. В какой-то момент он принимает вызов, а потом сообщает мне, что дом уже найден. Достает из кармана ключи.

Его нереальный черный мерс у тротуара приветливо подмигивает нам габаритными огнями, открываясь. Терзаемая сомнениями, я просто смотрю, как Зимин направляется к нему. Открывает для меня дверь и оборачивается.

Его лицо непроницаемо, но я вижу, как сильно он надеется, что подчинюсь ему.

Я не спешу бежать и садиться, но все же подхожу поближе, пока он, не двигаясь, дожидается меня.

— Извини, Данил, — намеренно дистанцирую его холодным тоном, — пока, до встречи! Я напишу тебе в одной из соцсетей!

Зимина «коррежит». Я слышу как даже дыхание его учащается. Ага, не привык к такому

обращению?! Фанатки-то все, поди, челом бьют.

Стою рядом с ним, улыбаясь своим мыслям. Так или иначе, но ему придется считаться с моим мнением. Пусть приглашает на свидание «по-человечьи», а не так, в приказном порядке и свалившись снегом на голову. Вернее, целой снежной лавиной! Но соблазн, конечно, велик. Потому что сам Зимин, надо признать, это соблазн в чистом виде.

— Знаешь, а ведь ничего не изменилось, — он говорит отрывисто и хрипло. Прожигает меня взглядом насквозь, — ты все такая же заноза в моем сердце! Только стала еще красивее.

Мне приятно, что я в сердце, пусть и заноза! В который раз за эту короткую встречу, краснею.

Однако слова Зимина о моей красоте производят прямо таки противоположный эффект! Я вспоминаю про мишку-панду в ветровке и кроссах, с несвежими волосами. Это ужасно.

Сейчас, при таком скудном освещении, это совсем незаметно. Но стоит нам выйти на хороший свет, как от красавицы Тони останется одно сплошное разочарование.

Эта мысль тут же ввергает меня в панику. Я отрицательно качаю головой, но Данил подходит ко мне вплотную.

— Даже не уговаривай! Мы можем обменяться телефонами, — пишу, переживая, как бы он не полез ко мне обниматься.

Я и без того уже плавлюсь от его близости. Очень надеюсь, что он не догадается об этом, иначе мне конец!

— И стиль общения все тот же, — тихо произносит Зимин.

— Какой стиль? — бледнею.

— Пообещать и слиться. А я ведь отпустил тебя однажды, — его взгляд, потемневший и абсолютно маньячный, скручивает мой живот внизу сладкой судорогой, — зря! Сегодня не хочу.

Я невольно пячусь от него, внутренне холодея. Как назло, улица вокруг нас пустынна, ни души. Уж лучше бы сюда рванула толпа фанаток! Да побезумнее. Тогда бы у меня появился реальный шанс спастись от Зимина бегством.

Но он не двигается, ожидая, видимо, моей реакции.

— А хочешь, напишу тебе прямо завтра?! — жалко предлагаю.

— Зачем писать, скажи.

Я ненадолго зависаю, подбирая правильные слова. Думаю о том, что мне все же не хотелось бы его потерять, как тогда.

— Тош, у тебя что, миссия на этой земле такая — свести меня с ума?! — рычит.

— Не многовато ли тебе чести, Зимин? — смеюсь. Решаю побыть такой же, как и он, самоуверенной, — короче, директ! Окей? Жди.

И тут происходит невероятное.

Слив информации

В большом черном авто представительского класса, несущемся по дороге со скоростью больше ста километров в час, вальяжно развалились двое — сидящий за рулем Александр по прозвищу Санчо, и его коллега Юрий, он же Юрик.

Эти крепкие парни, работающие в личной охране известного на всю страну поп-певца ZIMMA едут за ключами от съемного дома по поручению своего шефа. В салоне звучит негромкая музыка.

Санчо, крутя баранку, настраивает дорожный навигатор для поиска нужной улицы — он неважно ориентируется в Питере. Юрик же увлечен игрой в бильярд на своем айфоне. Забивая виртуальные шары, он азартно покачивает своей такой же круглой и лысой, как бильярдный шарик, головой.

Его игру прерывает звонок. Он вздыхает и гримасничает, прежде чем ответить. Санчо замечает эту сложную мимику и флегматично интересуется:

— Кто, Зима?

— Неа, секретутка из «Граффит Стар». Вообще, не понял, че она может хотеть?!

— Подними, узнаешь, — выдает гениальный совет коллега.

Юрик недовольно зыркает в его сторону, и подносит трубку к уху:

— Да, але.

Затем потрясенно замолкает на долгие несколько секунд.

— Очень рад, несравненная Клаудиа, приветствую, — нахально мурлычет с видом кота, объевшегося сметаной, — как говорится, чем смогу, помогу!

Санчо тоже оживляется. Ему уже понятно, что Юрик разговаривает с мегапопулярной в России и за рубежом молодёжной исполнительницей, юной певицей Клаудиа.

Она «раскручена» и работает под брендом одного из самых солидных продюсерских центров в России, «Graffiti star», единоличным владельцем которого является ее брат по матери Тимур Урусов.

С ZIMMA у Клаудиа уже выпущены две совместные музыкальные композиции, ставшие безусловными хитами, и теперь планируется третья.

А еще, Клаудиа давний друг их бренда. Правда, Юрику она сама лично звонит впервые. Зачем?!

— Юра, скажи, пожалуйста, вы в Питере? — слышится ее требовательный голос в трубке.

— Так точно, — рапортует тот.

— Я что-то до Зимы не могу дозвониться. Он с тобой?

— Щас нет, но был и будет! — бодигард неуместно хихикает, — порученьице дал.

— Какое?

— Да вот хату распорядился снять.

— А, так вы и на ночь остаетесь?! — ее тон, до того несколько встревоженный, заметно теплеет, — ну, супер. У меня сегодня здесь концерт в Ледовом дворце. А потом и я к вам, скинь адрес!

Юрик бледнеет.

— Эээ, — тянет неуверенно, поглядывая на Санчо, — да, мы, это... он тут девочку снял.

— Девочку? — у нее шок.

— Ну да, но вы ж меня не заложите перед ним? — добавляет он поспешно-заискивающе.

В ожидании ответа, глазки его беспомощно бегают по торпедке машины. Повисает неловкая пауза.

— Что за девочка?! — спрашивает она.

Мир шоу-бизнеса очень тесный. Не секрет, что все члены команды и сотрудники звезд обычно тоже общаются между собой. Поэтому даже охранник Юрик в курсе того, что Клаудиа, она же Екатерина Урусова, равнодушна к его шефу.

Конечно, непосредственный шеф Юрика это сам Вирмантас Юрий Шмильевич который и взял его на эту работу, но без контакта с тем, к кому приставлен, ясно, что быстро «попрут». А работка-то очень хорошая, высокооплачиваемая.

«Химию» между ребятами заметили все, хотя никто точно не знает, есть ли между ЗИММА и Клаудиа какие-нибудь отношения, а если да, то насколько далеко они зашли.

Правильнее бы было, конечно, сразу доложить самому главному, что тут вытворяет его подопечный без санкции «папки» — оставил основную часть команды дожидаться его в другой стране, в гостинице, а сам рванул в Питер буквально на считанные часы, но Юрику как-то боязно.

Зима в работе жесткий и требовательный. Если узнает, что кто-то из близкого окружения «крысит» главному за его спиной, то несдобровать.

А тут еще такая оплошность с Урусовой допущена!

Юрик мучительно соображает в поисках выхода из сложившейся ситуации.

— Да так, обычная девка, — отзывается, — ерунда! Сто процентов. Подзапал, знаете ли, как бывает... Ну, короче... чисто на раз.

Санчо уже мечет в его сторону предостерегающие взгляды, и даже матерится шепотом. Но что уже толку?!

— А вы ведь, вроде бы как, в Москве должны были встретиться? Ну, там, коллаборацию записывать, — Юрик очень горд тем, что так легко оперирует в разговоре подобными терминами. На самом деле, он просто не знает, как сгладить возникшую неловкость.

— Ладно. Буду дозваниваться, — она игнорирует его вопрос, — что это вообще за отель, где?! Назови мне точный адрес.

От ее тона теперь веет прямо таки арктическим холодом. Несмотря на свой совсем еще нежный возраст, немногим больше двадцати, Клаудиа способна подавлять других и быть настойчивой.

Юрик с готовностью рассказывает ей о том, что никакой это не отель, а частный дом, который арендуется на сутки, потому что для съема это время минимум. Называет адрес.

— Так, а где Зима сейчас? — продолжает она допрос, когда ее ассистентка Кристина, которая всегда рядом, записывает адрес.

— Мы как раз едем за ключами, примем домик и сразу передадим ему, — докладывает, — все как обычно. Мы же, знаете, сами это всегда делаем, Зима персона публичная...

— Всегда?! — перебивает его Клаудиа удивленно, — и часто он снимает дома с девочками?

— Никогда! — охранник тут же спешит развеять ее сомнения, — это в первый раз так. Просто понравилась она ему, увидел где-то по дороге. Щас вот разыскал. Мы ж, вообще-то

обычно в отелях останавливаемся! Мужикам, как бы, надо иногда, сами понимаете. У него ведь постоянной девушки нет...

— Ладно, спасибо тебе, — потрясённая, она сбрасывает вызов, не давая себе труда дожидаться ответной реакции.

Вне себя от ярости, бросает телефон куда-то на белые кожаные сиденья роскошного лимузина, в котором едет по центру Питера к Ледовому дворцу. Нажимает пальцем с ярким модным маникюром кнопку, поднимающую перегородку, разделяющую водителя и салон.

Кристина услужливо подставляет ей под глаза планшет, с которого она считывает ему адрес, куда теперь следует ехать. Дает короткие указания.

Длинный неповоротливый лимузин Линкольн мягко сворачивает на улицу Александра Невского, в корне меняя свое изначальное направление. Этот белый, сверкающий чистотой и затейливой позолотой лимузин вальяжно движется по улицам Питера, привлекая восхищенные взгляды прохожих.

Клаудиа откидывается на комфортную спинку сиденья, глядя в окно, и минутку просто раздумывает.

— Кать, все в порядке? — спрашивает ее ассистентка, обеспокоенно наблюдая за своей шефиной с сидений на противоположной стороне. Между ними принято неформальное общение.

— А? Да. Ответь, — резко бросает ей Клаудиа, только мельком взглянув на свои одновременно зазвонившие телефоны. Это не ZIMMA.

Верная помощница быстро справляется с заданием, даже не отрываясь от ноутбука, в котором как раз сейчас «разгребает» почту певицы и ведет ее соцсети.

— Кать, у нас концерт через полтора часа. Звонил Влад, — произносит вопросительно, едва закончив с телефонными переговорами.

Но ее задумчивая шефиня откликается не сразу. Кивает.

— Я помню, Крис...

— Мы же едем не в Ледовый дворец?

— Пока нет. Мы едем посмотреть на Даню ZIMMA и его спутницу, — хмыкает заметив, какой шок произвела на Кристину ее новость, — а там сориентируемся!

Кристина какое-то время просто смотрит на нее, а затем, спокойно кивнув и ничего не уточняя, возвращается к работе.

Клаудиа грустно смотрит на свое отражение в стекле, не замечая урбанизированной красоты проплывающих мимо улиц.

Она — эффектная платиновая блондинка двадцати пяти лет с приятными, хотя и не классически правильными чертами лица. У нее стройная фигура и длинные ноги, а еще красивый сильный голос с певческим диапазоном в целых три октавы.

В сочетании всего этого со сценическими костюмами и профессиональным макияжем, она, безусловно, потрясает.

Сейчас же это просто Катя Урусова, надежно скрытая от толпы и одетая в удобный плюшевый костюм по типу спортивного. Ее ассистентка Кристина, розововолосая и миловидная, в круглых модных очках, выглядит не намного старше.

По всему салону лимузина вокруг девушек хаотично и даже живописно разбросаны эпловские гаджеты, зарядки, сумочки, блокноты и свежие журналы со статьями о Клаудиа.

— Мы не опоздаем?! Может быть, мне все-таки предупредить Влада? — нерешительно спрашивает Кристина, подразумевая их сурового концертного директора.

Она уже видит этот громадный, волнующийся как море зрительный зал, до отказа заполненный ожидающими их людьми, которые купили билеты на концерт, и внутренне содрогается от масштаба ответственности.

— Щас, я подумаю, — следует спокойный ответ.

Похищение

Данил

Слушаю, как Тоня, не особо напрягаясь, кое-как мотивирует свой отказ. Привычно уже чувствую себя идиотом.

Идиотом, появляющимся в ее жизни только затем, чтобы наломать планы. Смотрит как на букашку. Она слабовидящая?! Или слабо соображающая? После толп голодных самок, текущих при виде меня, поверить в то, что для кого-то ты букашка, непросто.

Особенно, если этот кто-то — девушка, к тому же такая желанная! Усмехаюсь.

Тонечка, вообще, уникальна для меня во многом. Под кого еще я готов прогнуться настолько, чтобы без малейшей надежды, тупо ждать и молча «проглатывать» все, что она мне преподносит?!

Я уговариваю ее. Она же в ответ практически посылает меня нах.

Кем бы я ни был и чего бы ни достиг — я недостойн ее! Читаю это в ее глазах более чем ясно.

Тоня классически хорошая девочка из нормальной семьи, с мамой и папой, наверняка с еще какими-то родичами. А я изгой, сирота, человек непонятного происхождения, и неважно, что уже заработал в сотню раз больше, чем все ее родичи, вместе взятые. Все это пох.

Мой стоп-кран срывает в тот момент, когда Тоня, подумав, отказывает мне окончательно! Милостиво предлагает подождать, пока она напишет мне в какой-то, сука, директ, не уточняя даже толком, где.

У Тони своя картина мира, где у меня есть четкое место, с которого хер сдвинешься. Эта программка не засбоит никогда, если ей не «помочь».

Она говорит, что пора прощаться. Дико обламываюсь! Мне больно, пора признать это. Мозг вдруг отключается.

Я больше не хочу думать о последствиях.

Делаю шаг к ней и рывком поднимаю к себе на плечо. Несу к машине как трофей, удерживая крепко, но бережно. Это маньячно?! Это перебор?! Да.

Легко преодолеваю ее сопротивление. Тошечка оказывается такой беззащитной, что это пьянит. Возмущенно охает и дергается на мне, в моих руках, но я в жестком аффекте.

По телу бьет адреналин, когда касаюсь ее, устаивая на задних сидениях поудобнее. Бормочу извинения.

Я не собираюсь ее обижать! Но пребываю в какой-то наркоманской трясучке от ее близости, втихую, с наслаждением вдыхая такой прекрасный, сладкий запах Тоши.

Кайфую. Порочно позволяю себе помечтать о том, что она уже в моих руках. Думаю о том, что произойдет, когда однажды она ослабит мой «ограничительный ошейник», который ощущаю на себе физически.

И боюсь рехнуться окончательно, боюсь сорваться, сделать что-нибудь запретное! Заставляю себя оторваться, отодвинуться от нее, и забыть о нереализованных желаниях, от которых у меня сейчас темно в глазах.

Я упиваюсь ее красотой молча. Упиваюсь тем, что она почему-то идеальна для меня.

Мне хочется зафиксировать подольше это блаженное состояние, продлить его, но я не

знаю как. Резко выхожу, и блокирую двери. Пересаживаюсь на место водителя, чувствуя нечаянное счастье. Включаю зажигание.

Трогаюсь с места и за секунды набираю скорость, при которой хвататься за двери не возникнет даже мысли. Смотрю на нее в зеркало заднего вида, стараясь не забывать о дороге, расплываясь в широкой улыбке.

Схожу с ума от того, как она смотрит! Как будто везу ее в лес убивать и расчленять, не меньше.

— Блин. Да не собираюсь я тебя насиловать, — рычу.

Почему с ней всегда так сложно?!

— Ты! — она выглядит очень злой, но это почему-то забавляет меня, — я...

— Ну, что?! — жду.

Мне хочется от нее живых эмоций, увидеть ее настоящую! А не эти вот формальные, приличные слова и фальшивые маски, за которыми прячется.

— Давай, жги! — подначиваю, — скажи мне все, что думаешь!

— Ты просто больной.

— Ничего нового.

— Куда мы едем?!

— Сейчас узнаю, — меня отпускает, но самую малость. Я набираю Санчо, говорим.

У них уже все готово. Они поджидают нас на месте с ключами от домика, под воротами. Диктует мне адрес, который я без промедления «вбиваю» в навигатор.

Гоню так, как будто мы опаздываем. Устанавливаю телефон на торпеду, и мельком вижу миллион пропущенных. Но сейчас мне пох.

Я смотрю на Тошу, дышу ею. Тащусь от эйфории по всему телу от ее присутствия.

— Эй, хватит дуться, — подмигиваю.

Вспоминаю вдруг о кое-чем важном. Поглядывая на дорогу, пишу смс Санчо, как более толковому: «Закажите доставку ужина на этот адрес. Из нормального места, чего-то вкусного и побольше, типа ассорти. Я сам приму, если что».

Мне приходит ответ: «Исполним в лучшем виде». Довольный собой, я смотрю на уничтожающую меня взглядом Тошу. Глядит как на мерзкого уродца, но уже хотя бы без паники на лице.

От желания остановить машину и пересесть к ней аж подкидывает. Только сжимаю руль крепче, отгоняя от себя неуместные пошлые картинки. Фантазия у меня бурная! Но как же это мешает сейчас.

Я, мать твою, все время напоминаю себе о терпении, и необходимости быть нежным и правильным. Не пугающим ее, приятным в общении. Желание оказаться с ней в одной койке, само собой, второстепенно.

В первую очередь, как бы примитивно это ни звучало, я хочу завоевать ее сердце! Ее мозги. Я хочу ее всю.

За неимением других идей того, как вывести Тошу на диалог, я топлю газ до полика. Машина набирает скорость, она пугается.

— Не лети так, Зимин, офонарел?! — выдыхает, наконец. Ухмыляюсь.

Только теперь уже молчу я, спецом накаляя атмосферу посильнее. Она беспокойно ерзает на сиденьях, а я трудом сглатываю, стараясь не въехать в кого-нибудь по дороге.

— Ты мне задолжала кое-что, помнишь?! — спрашиваю как бы шутя. Впитываю и анализирую любую ее последующую реакцию. Даже молчание — это информация для меня!

Старательно прячу от Тони свои переживания за улыбками. Делаю вид, что мне весело, хотя это нихера не так.

Снова сжимаю руль, следя за дорогой, пытаюсь переключить самого себя на машинные приборы. Бесцельно «подкручиваю» климат-контроль в салоне. Наблюдаю за ней, как воришка, исподтишка. Она молчит.

Неужели вправду решила, что я все забыл?!

Поиск тактик и стратегий

Антонина

— Я не боюсь тебя, Данил, ясно? — улыбаюсь ему в ответ.

На самом деле, это не так, и сейчас меня даже потряхивает от ужаса. Ведь он гонит больше ста и, пусть очень теоретически, но может сотворить со мной все, что угодно.

Зимин маньяк!

— Рад слышать. Потому что у меня, вообще-то, другие цели, — он чуть-чуть сбрасывает скорость, поглядывая, — если ты еще не догадалась.

— Пожалуйста, следи за дорогой, — нервничаю.

Напряжение не отпускает. Я до сих пор не могу поверить, что он вот так запросто взял и закинул меня в свою машину, как мешок с картошкой.

— Меня твои цели не интересуют! Я никуда с тобой не поеду, — фыркаю.

— Ты уже едешь.

Только почему, когда Зимин улыбается, он выглядит таким чертовски обаятельным? Это нечестно.

Что ж. Придется, видимо, играть по его правилам.

— Ладно, Зимин. Я должна извиниться, да?! — интересуюсь у него со вздохом, — тогда извини. Пожалуйста. За прошлое. Так достаточно? Или мне упасть на колени?

Ответом мне служит хитрая улыбка Зимина, и в глазах его пляшут «бесенята».

— Я давно простил.

Что, неужели все так просто?

— Вот спасибо, — расслабляюсь, — я, правда, рада, что мы пришли к согласию по поводу прошлого. Можешь не верить, но это было важно для меня! Хочешь, обсудим, что тогда случилось?

— Хочу, но не сейчас, — коротко отвечает.

Он ведет машину, теперь почти не отрывая взгляда от дороги и, видимо, думая о чем-то своем. Приятный женский голос из навигатора ведет нас пустынными питерскими улочками и закоулками.

— Мне тоже не очень хочется! — признаюсь честно.

Оба мы замолкаем, и какое-то время просто едем дальше в тишине. Я тайком разглядываю Зимина. По моему телу изредка, словно в предвкушении, проносится приятная дрожь. О чем же мы будем говорить с ним?

— Знаешь, Дань, — поддаюсь я внезапному порыву, и начинаю болтать, — а ты стал по-настоящему классным! Добился всего, чего хотел. Ты реально крутой. А еще, стал таким привлекательным, просто с ума сойти.

Делаю паузу, но мне хочется говорить еще.

— Да ты красавчик, Зимин!

Мои слова, вместо ожидаемой улыбки, производят с Зиминим «метаморфозу». Из смешливого и отвязного он вдруг делается серьезным, даже собранным. Напрягается.

Неужели так падок на комплименты? Надеюсь, я доставила ему удовольствие комплиментом. Я больше не «подливаю масло в огонь», но с удовлетворением подмечаю, что он взволнован.

Неожиданно сворачивает в глухой переулочек, и тормозит у где-то у обочины. Мои ладошки потеют от адреналина, даже сердце начинает биться в два раза учащеннее. Что он задумал?!

Зимин недолго гипнотизирует взглядом свой руль, а потом, улыбаясь, оборачивается ко мне. Смотрит прямо в глаза. Пытается отгадать, о чем я сейчас думаю?

— Что с тобой? — тихо интересуюсь.

— Тош, спасибо, — отвечает застенчиво, что совсем не вяжется с его брутальным видом, — ты говоришь такие приятные вещи! Ты меня невероятно волнуешь этим.

— Так уж невероятно?! — пытаюсь перевести все в шутку.

— Хочешь конфетку? — вдруг спрашивает.

Я слегка теряюсь от смены темы, но все же отвечаю:

— Эмм... ну давай.

— Сейчас принесу, — Зимин стремительно выходит из машины и пересаживается ко мне на задние сиденья. Застыв в неподвижности, я слышу щелчок блокируемых дверей. Смотрю на него во все глаза.

— Это чтоб никто не залез в машину, — поясняет.

Протягивает мне пачку каких-то мятных леденцов, и тут только до меня доходит. Однако, не желая казаться дурочкой, я молча сыплю себе на ладонь один из них, затем отправляю в рот.

Смотрю, как он берет губами себе парочку из узкой пачки, не отрывая от меня хищного взгляда. Инстинктивно отодвигаюсь от него. У этих леденцов приятный ментоловый вкус.

Все мысли из моей головы вдруг разом куда-то испаряются. В ней остается одна только неудержимая, хмельная легкость, как после бокала шампанского, выпитого залпом.

Но Зимин — не шампанское, это чистый спирт. Да такой, чтоб выпить и свалиться!

— Что, обязательно было останавливаться? — не удерживаюсь от глуповатого вопроса.

— Обязательно, — шепчет низко и хриповато.

— Мог бы просто протянуть леденцы.

— Леденцы ни при чем, мне захотелось к тебе поближе. Можно?

Он нагло двигается ко мне, не оставляя никаких сомнений в своих намерениях.

— Вкусно? — смотрит на меня как на леденец. На мои губы. Я даже вижу, как он глотает те леденцы, что у него во рту.

И... я веду себя как трусиха.

— Дань, что-то мне нехорошо, — отворачиваюсь к окну, панически дергая ручку закрытой двери, — открой!

Шквал переживаний не дает мне даже дышать нормально, а дурацкий страх непонятно чего сбивает с толку. Но Зимин не торопится открывать.

— Меня сейчас стошнит, Дань, — не глядя на него, шепчу.

Зимин мрачнеет и почти что силой отлепляет меня от двери, в которую вжимаюсь. Дергает на себя, заставляя посмотреть ему в глаза.

— Не ври, — сухо бросает, — от меня тебя тошнит, что ли?!

Мимо нас по дороге проезжают машины, на секунду ослепляя салон ярким светом фар. А здесь темно и тепло, и приятно пахнет кожей. Очень тихо. Я слышу только бешеный перестук наших сердец, и чувствую жар тела напротив. Зима очень теплый. Всегда таким был.

— Нет, — хмурюсь, — просто укачало, наверное. От твоей гонки по городу!

Он досадливо морщится.

— Боюсь я тебя, Брежнев! — признается с тоской. Я недоверчиво всматриваюсь в черты его лица.

— Что-то непохоже, — хмыкаю, не в силах сдержать улыбку.

— Но это так, — упрямо повторяет, — я же вижу, что ты не всерьез меня отвергаешь. Хотя, все, что ни сделаю — не в тему! Почему?!

Я только смеюсь.

— Может, для начала попробуешь сбавить обороты? — предлагаю, — или ты всерьез рассчитывал умыкнуть меня силой, а потом заняться сексом в машине?

Мое предположение настолько нелепо, что Зими́на в очередной раз «выкручивает» от каких-то тайных мыслей и переживаний. Он снова становится серьезным.

— Я ни на что не рассчитывал, — пожимает плечами. Улыбается, — но я понял, хорошо. Сбавляю обороты!

Зимин выглядит очень трогательным, когда выходит из машины и возвращается на место водителя. Заводится, едем. Меня всю, до сих пор колотит от волнения из-за дерганого поведения этого кумира молодежи. Он продолжает смотреть странно, и мое сердце снова частит.

— Хорошо, с этим определились, — произношу я весело, — спасибо тебе за деликатность. Но отвези меня, пожалуйста, где взял — я уже говорила, что не одета для свидания!

— Если не нравится, разденься, я не буду против, — хмыкает, — Тош, мы уже на месте.

Плавнo сворачивает на территорию какого-то элитного жилого массива.

— Да что ты?! — ехидно отзываюсь, глядя в окна. Пытаюсь угадать, где мы. Наконец, девушка-навигатор объявляет нам, что до цели осталось сто метров.

Это элитный пригород Питера, частный коттеджный поселок «Репинское». Действительно, местечко очень тихое и уютное, а еще вечнозеленое от изобилия декоративных насаждений, которые не боятся мороза. Прямо идеальное место для свиданий!

И я вглядываюсь в четкий профиль Зими́на, ощущая себя птичкой в клетке. Мысленно чертыхаюсь.

Триумф со вкусом горечи

Антонина

Зимин с торжествующим видом паркуется под распахнутыми коваными воротами, ведущими во двор роскошного частного особняка. Надо признать, водит он неплохо.

Второй мерс со «шкафами» уже ожидает нас там же. Они с готовностью устремляются к нам навстречу, но я, в отличие от Зимина, совсем не спешу выходить из машины. Он открывает мне дверь и протягивает руку, которую подчеркнуто игнорирую.

Я знаю, это глупо, но, злясь на собственное бессилие в данной ситуации, продолжаю сидеть. Теперь пусть не ждет от этого общения какой-то романтики, или даже просто хорошего настроения!

Зимин усмехается. Я дожидаюсь, пока он отходит к своим бодигардам, и выхожу из машины сама, обозревая окрестности.

И вот тут-то мне невероятно, просто фантастически везет.

Как ни крути, вся моя жизнь в последнее время, а может и не только в последнее, это череда невообразимых случайностей.

Пока Данил Зимин, скрывая свое нетерпение, беседует о чем-то с охраной в сторонке, я замечаю чей-то пристальный, устремленный прямо на меня взгляд.

Чуть поодаль от нашей машины, в неярком свете фонарей на меня с интересом смотрит приятная, хорошо одетая молодая девушка с розовыми волосами, и в больших модных очках с прозрачными стёклами. В тени густых раскидистых кустов Зимин с охраной вряд ли смогли бы разглядеть ее, а вот я со своего места вполне.

Девушка дожидается, пока они заходят в распахнутые ворота, и тут же осторожно подходит ко мне с вопросом, все ли в порядке.

Она извиняется за любопытство и говорит, что случайно обратила на нас внимание. Ей показалось, что я не хочу оставаться с этими мужчинами.

Удивленная пронизательностью девушки, я подтверждаю это.

— Я могу вас подвезти, если хотите, — быстро произносит она, поглядывая на ворота, за которыми доносятся голоса мужчин.

Моментально приняв решение, я просто киваю ей. Не стовариваясь, мы синхронно переходим в тень кустов и, крадучись, тихо перебегаем на другую сторону дороги. Ныржаем в какой-то переулочек, а дальше я уже просто иду за ней, рассыпаясь в благодарностях. Мы даже коротко представляемся друг другу по имени.

Какое счастье, что в наше беспокойное время встречаются такие неравнодушные люди! И спасибо Богу, что в этом полумраке она не заметила в Зимине звезду вселенского масштаба, а то бы едва ли помогала мне с таким энтузиазмом.

Злорадная мысль о том, что своим исчезновением я хорошенько проучу его, греет меня. Настолько, что эта девушка вызывает во мне абсолютное доверие, и теперь я слепо слеую за ней, не думая больше ни о чем.

Чуть позже я, конечно, напишу Зимину в соцсети, чтобы он не волновался и все такое. Даже оставлю ему свой номер телефона.

И пусть наша следующая встреча пройдет по моим правилам! Потому что я, черт побери, действительно очень хочу этой встречи. Данил Зимин «завел» меня сильнее, чем это

можно было бы ожидать.

Неожиданно вижу в конце переулка длинный белоснежный лимузин с тонированными стеклами, и удивляюсь еще больше, когда моя случайная знакомая подходит к нему. Открывает заднюю дверцу, делая мне знак следовать за ней, и ныряет в салон.

Мне не остается ничего другого, кроме как последовать ее примеру. И хотя я весьма удачно сбежала от Зимы, теперь очень надеюсь не вляпаться в какую-нибудь неприятную историю. Лимузин, мягко говоря, настораживает.

Но внутри меня ожидает еще больший сюрприз, чем этот. Присев и закрыв за собой дверь, я сразу замечаю на противоположном конце салона, у окна еще одну девушку.

Она разглядывает меня в упор, но с доброжелательной улыбкой, пока Кристина вполголоса объясняет ей ситуацию.

Я узнаю ее почти сразу, и это шок. В одном лимузине со мной сейчас находится известнейшая на всю страну певица Клаудиа!

Но что она делает здесь?! Наверное, в этом коттеджном поселке останавливаются многие звезды, когда бывают в Питере.

Клаудиа выглядит ослепительно, однако почему-то вызывает во мне очень противоречивые эмоции. Это и восхищение, и неприятие одновременно, вероятно, из-за того, что их совместные с ZIMMA хиты просто «рвут» эфиры всех российских радиостанций.

Что со мной, я ревную? Выдыхаю и здороваюсь.

— Добрый вечер, извините, — произношу, немного смущаясь, когда они заканчивают свой диалог и замолкают, — если это не очень удобно, то я могу...

— Все в порядке, это моя шефиня, и она не против вас подвезти, — лучезарно улыбаясь, перебивает меня Кристина, — а вам, вообще-то, куда надо?

— Вообще-то в центр, — отвечаю, стараясь не глазеть на певицу, — или куда вам удобнее, мне без разницы. Я с удовольствием доеду дальше на такси.

— Назовите точный адрес, — требует розововолосая.

Я называю ей адрес радиостанции, и перегородка сзади меня вдруг опускается. Обернувшись, вижу водителя, которому она повторяет его.

Лимузин трогается с места. Перегородка поднимается снова. Все это время я чувствую, как за мной наблюдает певица. Изгибает свои идеально очерченные красные губы в снисходительной полуулыбке, когда я снова смотрю на нее, и лениво интересуется:

— Вы, конечно, узнали меня?!

— Конечно, — подтверждаю.

— Дать автограф? — ее мягкий голос звучит приятно, но в синих глазах один только лед. Я не нравлюсь ей?

Не могу объяснить как именно, но чувствую ее недовольство мной прямо на каком-то ментальном уровне. Прихожу к выводу, что, скорее всего это следствие моего неожиданного «подвоза».

Ясно, что ее лимузин не такси, но может ли Кристина, добрая душа, быть настолько глупенькой? На месте известной певицы, мне бы такое тоже не понравилось. Разве что, ситуация совсем уже критическая и девушку буквально спасают.

Что именно она видела, как я не хотела выходить из машины и решила, что дядьки затащили меня сюда силой?

Клаудиа все еще ждет ответа. Ее автограф мне, если честно, нафиг не нужен, но сказать в данной ситуации «спасибо, нет» кажется очень грубым.

— Да, пожалуйста, — отвечаю, надеясь, что не слишком «затянула» паузу.

Клаудиа протягивает свою руку в сторону Кристины ладонью вверх и та с готовностью достает откуда-то целую стопку глянцевого фотографий-календариков певицы, и красный фломастер по типу маркера.

Клаудиа, не глядя, выдергивает оттуда первую попавшуюся фотку и подписывает ее вложенным в ладонь маркером.

Передает Кристине, а та мне. При этом обе выглядят так, словно ожидают, что я, как минимум, завизжусь от счастья.

Скажу сразу, я не фанатка ее творчества, и дело тут вовсе не в Зимине. Но парочку ее хитов, которые на слуху у всех я, конечно, вспомню, и вполне согласна с теми, кто считает Клаудиа талантливой.

Улыбаюсь и благодарю, стремясь вложить в простое, лаконичное «спасибо» как можно больше теплоты. В конце концов, она ведь так помогла мне!

А еще, по-прежнему чувствую себя немного обомлевшей. За эти два часа со мной произошло больше событий, чем за последние несколько лет.

— Я еду на свой концерт в Ледовый дворец, — вдруг весело подмигивает мне певица, — хотите попасть?

— Спасибо, но нет, — отзываюсь. Мне кажется, или странности продолжаются? — спешу на работу.

— Правда? — она удивляется, — а где вы работаете?

Неохотно, но я признаюсь, что на радио.

— О, значит, крутая радиоведущая?! — восклицает она.

И почему эти творческие люди такие «экзальтированные»? Непонятно, на чем основывается ее вывод, хотя, я бы не отказалась. Возможно, так она просто хотела сделать мне комплимент.

— Нет, к сожалению, — улыбаясь, отвечаю ей, и добавляю, что я всего лишь «кручу музыку» в ночном эфире местной радиостанции.

Мы еще немножко болтаем о радио, но больше какими-то шаблонными фразами. Создается даже впечатление, как будто я интересна ей лично. Наверное, Клаудии просто скучно.

Ее расспросы напрягают, поэтому время пути до радиостанции тянется для меня мучительно долго. Я снова предлагаю высадить меня, где им удобно, едва лимузин оказывается в прекрасно освещенной, многолюдной части города, но певица проявляет странную настойчивость в стремлении подвезти меня до самой работы.

Искренне благодарю, внутренне недоумеваю и восхищаясь ее такой неожиданно проявленной человечности к незнакомому человеку.

— Вы едете из дома? — продолжает спрашивать Клаудиа, изящно закинув одну ногу на другую.

Я невольно опускаю взгляд на эти острые коленки, и с чувством легкой зависти думаю о ее прекрасной физической форме.

Хотя, хорошая форма — это ведь часть ее работы! А мне до фигуры мечты осталось сбросить всего каких-то килограмм пять. Немного, но, блин, до чего же медленно они от меня «отлипают»...

— Нет, была в гостях, — коротко отвечаю. Может быть, она ждала, что я сама засыплю ее вопросами?!

Уголки губ певицы чуть-чуть приподнимаются в ироничной улыбке.

Решаю, что мне нипочем не разгадать этот ребус и, извинившись, просто сообщаю, что мне очень нужно проверить почту. Достаяю свой телефон и «утыкаюсь» в него, таким образом, избавляясь от дальнейших расспросов.

Я не отрываю глаз от телефона, действительно зайдя в почту, пока певица не теряет ко мне интерес.

Она отворачивается к окну и берется за свой ноутбук, я же снова сосредотачиваюсь на своих невеселых мыслях.

Первый «червячок сомнений» начал точить меня ровно с той минуты, как я села в этот чертов лимузин. Грустно сознавать, но я даже почти сразу пожалела о решении в очередной раз сбежать от Зимина.

Это был глупый порыв, когда казалось, что выход нашел меня сам, и какой! Желание «утереть ему нос», и все прочее сейчас кажется смешным, но совсем скоро мне будет не до смеха.

Потому что теперь я отчетливо понимаю, что наломала дровишек. Что, если он будет беспокоиться, или даже сходить с ума, вдруг со мной что-то случилось?

С другой стороны, не такой он дурак. Должен понять, что я примитивно сбежала, но тогда все еще хуже. Он возненавидит меня больше, чем тогда.

А ведь я так хочу еще встретиться...

Ситуация «патовая». Пока что один сплошной трэш, и организовала себе его я сама, своими ручками!

Пока я лихорадочно раздумываю, в какую из соцсетей напишу ему вот прямо немедленно, лимузин уже паркуется на улице Гороховой, под зданием радиостанции «Питер плюс FM»...

Скурила меня, оставила пепел

Данил

Тёмные ворота-ролеты отъезжают в сторону, призывно манят внутрь двора. Я бегло осматриваюсь.

Там все путем — усыпанные декоративным гравием дорожки с подсветкой, зачетный такой ландшафтный дизайн и белый дом в стиле хайтек. Все, как надо. Romantik! Пацаны красавчики!

Мне хочется сделать все красиво. Сгладить дурацкое теперешнее впечатление, когда я повёл себя слегка неадекватно.

Понизив голос, быстро уточняю у них по поводу ужина. Мне не терпится начать уже наше свидание, но очень хочу, чтоб заметила, как я старался. Слово прочтя мои мысли, Антон вдруг спрашивает:

— А свечи, цветы, там...

— Да, в идеале! — реагирую, не дослушав. Антон тут же хватается за телефон.

Втайне радуюсь и предвкушаю. Смотрю на часы. Слишком мало времени! Забираю ключи, и отпускаю всех до утра.

Мои чувства к Антонине Брежневой, понятно, далеки от платонических. И пусть сегодня мы просто поговорим, для счастья мне и этого достаточно! По крайней мере, пока.

Приостанавливаюсь и расплываюсь в улыбке. Гляжу на дорожку, ожидая увидеть там свою упрямыцу.

Как же это тяжело, быть, мать твою, терпеливым. Но до чего приятно и необычно! Мне нравятся такие ощущения. Я мечтаю завоевывать девушку. Шаг за шагом, все по классике. Как и должно быть...

Девушки в моем окружении давно уже разучились быть застенчивыми. Они умеют только играть. А я так привык к правилам этой игры — примитивной, предсказуемой, что мне теперь даже в диковинку что-то настоящее.

Хотя, реально, только эти живые эмоции и есть то единственно стоящее, ради чего живем! И как мало тех, кто способен вызывать их во мне. Лишь она. Поэтому я уже благодарен ей за эти чувства, за то, что мне так хорошо, когда она просто рядом.

Спешу к машине. Там даже не сразу понимаю, что Тони нигде нет. Обхожу вокруг машины, смотрю в окна. Пусто.

Зову ее, не веря своим глазам. Сердце обрывает...

Куда можно было деться за полторы минуты с закрытой коттеджной территории?! Я начинаю рыскать вокруг, в радиусе двадцати метров, и мне сейчас горько, так, что больно даже дышать.

Еще через минуту убеждаюсь, что это точно. Не бред. Делаю над собой усилие, чтобы успокоиться и мыслить логически. Заметив мои метания, не успевшие далеко отъехать пацаны возвращаются.

Юрик хрюкает от смеха, а я стою, совершенно убитый ею. Он пытается скрыть свое веселье, покашливая, но настолько туп, что это у него плохо получается. Хотя, мне сейчас похер.

Объясняю им ситуацию покороче, и мы прочесываем территорию на машинах вместе,

но с разных сторон улицы. Глухо.

Наконец, замечаю развешанные повсюду камеры видеонаблюдения. Мы едем на пункт охраны коттеджного посёлка, где за несколько купюр нам без проблем показывают запись. Само собой, я узнаю и лимузин, и девочку-референта!

Совершенно ох...ший, отхожу в сторонку.

Звоню Кате. Эта девочка — важный «лейбл» продюсерского центра «Graffiti Star», которым владеет ее братец, конченный, но, безусловно, талантливый в бизнесе мажор Тимур Урусов.

В целом, как человек она неплоха. К тому же, профи даже побольше, чем я. С ней мы уже выпустили две совместные композиции, ставшие хитами, и должны как раз на днях «писать» ещё одну коллаборацию.

Однако это не все. У нас намечалась «интрижка», легкий романчик, но кто ж знал, что в моей жизни именно сейчас «случится» Антонина Брежнева?!

Конечно, это отменяет все. Хотя, я не рассчитывал ни на что особо серьезное и долговечное с Катей. Думаю, она тоже.

Поднимает трубку сразу.

— Кать, привет. Что это сейчас было?! — я стараюсь говорить спокойно, хотя меня всего так и разрывает от эмоций. Мне больше не хочется никаких совместных записей с ней, мне не хочется ничего!

— О, привет, наконец-то. Было где?! — радостно уточняет.

— В поселке «Репинское». Под Питером, — отрезаю.

— Так, подвезла одну девушку по ее просьбе... А что, ей что-то не понравилось?

Сжимаю челюсти. Да, не похоже, чтобы Тошу заталкивали в лимузин силой. На видео четко видно — не пошла туда, побежала.

Я настолько неприятен ей?! Это открытие гасит весь мой энтузиазм по ее поиску.

Но зато и убирает агрессию по отношению к Кате. Она не при чем к тому, что Тоня постоянно причиняет мне боль.

Я затухаю как свеча, тихо и медленно. Как пел Крид, температура в моем сердце близится к нулю...

Но, бля, все равно, откуда там нарисовалась Катька в своем золотом лимузине?! Схожу с ума.

— Нет. Неважно, — выдыхаю из себя, — ты зачем ее подвезла?! Узнала, что она со мной?

Катька фыркает, потом ржёт.

— Да не с тобой она, Зимин, але! Девушка явно хотела уйти. Ну, а я... считай, просто подвезла. Вопросы?

— Добренькая такая? А куда подвезла?

— Спроси у нее сам, — кидает трубку. Сука истеричная.

Тут же звонит снова, поднимаю:

— Да?

— У меня концерт вот-вот! Тут, в Ледовом. Ты ведь тоже в Питере?! Давай после увидимся. Обсудим. Если захочешь.

— Я спросил тебя, — говорю, — ответь на вопрос?!

Она снова сбрасывает. Ругнувшись, сажусь в машину. Даже курить не хочется, хотя, мне и нельзя, берегу связки.

Хочется лечь и сдохнуть...

В это же время

Санкт-Петербург, Пр. Пятилеток, 1, Ледовый дворец

Закулисье. В разгаре предконцертная суэта, в которой снует туда-сюда бессчетное количество «подсобного» народа и идут последние приготовления к мероприятию.

Неспокойны все, кроме рабочих сцены и приглашённых журналистов, работающих в своем особом ритме, неспешно.

Владлен Горов, концертный директор певицы Клаудиа заметно нервничает, бешено сверкая глазами на всех, кто проходит мимо, и проверяя бейдж любого нового за кулисами лица лично.

Практически все находящиеся здесь люди носят бейджи на одежде во избежание каких-либо неприятных ситуаций, но мимо беснующегося Горова, как известно, не проскочит и мышь.

Закончив обсуждение очередного важного вопроса с одним из осветителей, он официально, через своего помощника, приглашает по громкой связи видеооператоров всех заявленных телеканалов «на позиции».

Это означает, что скоро начнется запись концерта, как и, собственно, сам концерт.

Публика волнуется, команда на старте. Горов удаляется в гримерную понаблюдать за тем, как визажисты и костюмер готовят к выходу на сцену танцоров и бэк-вокалисток.

Однако самая важная часть его миссии — лицезреть в гримерке главную звезду, и убедиться лично, что она готова, что все идет «по плану».

Но беда в том, что ее до сих пор там нет! И, того страшнее, ничего неясно.

Горов слишком хорошо знает капризный характер звезды, но сейчас ему не остается ничего другого, кроме как звонить ей и добиваться «конкретики» со сроками и прочим.

Это его работа. Ему известно как никому другому, сколь высоки сегодня «ставки», и насколько крупный у них кассовый сбор.

Но без Клаудиа ничего этого не будет, как не будет и многотысячной толпы зрителей в прекрасном, испалинских размеров зале, уже заполненном и расцветченном «огнями грандиозного действия».

— Кло, привет, ты где?! Начало концерта через двадцать минут, — тревожно вопрошает он, делая знак подождать заглянувшему в гримерку звукорежиссёру.

— Все хорошо, Владушка, успеваем, — отвечает ему нежный девичий голос в трубке.

— Да, но вы уже где? На Адмиральском? Пробок нет? Может, ментов вызвать, чтобы дорогу расчистили? — Владлен в ужасе смотрит на часы. А ведь ей еще гримироваться!

— Я в центре, не волнуйся, — беспечно отзывается она, — выпускай, если что, подтанцовку на разогрев. Минут через пять после начала! Ну, что мне вас учить, как потянуть время?..

Певица, виновная в этой ситуации, начинает «заводиться» так, словно это именно он, Владлен ответственен за возможный срыв концерта.

— Подожди. Это точно?! На сколько конкретно ты опаздываешь? — шокированный, концертный директор даже присаживается на один из хаотично расставленных в помещении стульев.

Вокруг него гудит гул голосов, и царит ужасный беспорядок, с которым он так давно и безуспешно борется почти на каждом серьезном мероприятии.

— Тебе отчитаться до секунды?! — зло отзывается трубка, — я же сказала, в центре,

подъезжаем. Сделай так, чтобы я смогла просто зайти, переодеться, гримм-прическа и на сцену! Это что, сложно?

— Да, но, если позвонит Тимур Эльдарович, — беспомощно, и даже униженно тянет Горю, имея в виду президента их продюсерской компании, как она тут же перебивает его:

— Ну, с чего бы ему вот прямо сейчас тебе звонить?! Ко мне перенаправляй, в таком случае. Давай работай, Влад, не думай о Тимуре Эльдаровиче. Все.

— Эээ... хорошо. У меня все давно готово. Если ты уже подъезжаешь... и это точно...

— Да, бл. ь, ты все правильно понял, Влад! — с этими словами она сбрасывает вызов.

Неприятно удивлённый, озадаченный, он немедленно вскакивает со своего места. Выискивает хищным взглядом налитых кровью глаз костюмера.

— Где эта Зина из магазина?! — кричит на всю гримерную, призывая к себе Зинаиду Викторовну, которая отвечает за внешний вид каждого, кто выходит на сцену.

Сгребает в один угол длинные напольные стойки для одежды, заваленные всякой всячиной и небрежно расставленные по всей огромной гримерной. Они жалобно поскрипывают колесиками, разъезжаясь от него в разные стороны, отчего хаос вокруг только усугубляется.

— Не протолкнуться здесь! — он с яростью пинает ногой нестройную пирамиду коробок с обувью на полу, — где Зина?

— В курилке она! Подождите, — несётся откуда-то справа, но Владлен уже ни на кого не смотрит и ничего не слушает. Выпустив пар, он мчится из гримерной к звукорежиссёру.

Сумбур и хаос

Антонина

Я влетаю в здание, глядя на часы. Ура! Мое опоздание всего в каких-то минут двадцать не считается.

К счастью, сегодня в студии «эфирит» Ёлка, а это значит, что никто не посмотрит косо, не отпустит мне колкого замечания, и точно не пригрозит написанием «объяснительной».

Правила на радио «Питер плюс FM» довольно жесткие, впрочем, как и везде. Согласно им эфир ведется вплоть до момента передачи «эстафеты» сменщику. Бросить просто так радиорубку нельзя.

Первым делом я, конечно, забегаю к дежурному редактору Верунчику. Там она флегматично сообщает мне, что «ночные тексты» уже на руках у Елки. Мчусь туда.

— Ну, привет, роковая шатенка! — ласково усмехается при виде меня она, снимая массивные наушники.

Запускает в мою сторону по зеркально-гладкой поверхности огромного стола папку с материалами. Я ловлю их, снимая куртку.

— Елочка, привет, — виновато улыбаюсь ей, — извини за опоздание.

— Ерунда...

Вешаю куртку в скрытый стенный шкаф, и устраиваю туда же, на полочку, свою сумку. Достая телефон, кладу его на стол рядом с собой.

— Ничего не ерунда, а спасибо огромное!

Я плюхаюсь в уютное кресло и сразу проверяю настройки «диджейского пульта», хотя моих «рабочих» здесь всего несколько кнопок. Назначение большинства остальных мне даже не известно.

— Так, я на сегодня все! — она сладко, как кошечка, потягивается в кресле и указывает мне на чашку горячего латте под крышечкой, — вот, была минутка, позаботилась и о тебе. Надеюсь, не остыл.

— Ухтышка, ты настоящий друг! — я тут же берусь за чашку, и с удовольствием делаю первый глоток. Кофе еще горячий, — спасибо...

Раскрываю папку с рабочими материалами и быстро их просматриваю. Прикидываю по времени, что до прочтения первого блока новостей у меня есть семь с половиной минут.

— Как смена? — спрашиваю, просто потому что так принято.

— Как всегда, все супер, — стандартный ответ.

— Домой?

— Нет, побалую себя немножко, — она надевает свою безразмерную куртку с множеством карманов, и достает из одного из них ключи от машины, — хаммам с чаями и массажем, с моей зазнобушкой. Присоединяйся к нам после смены, если хочешь!

Смеюсь. И краснею, потому что сауна с двумя лесбиянками — довольно рискованное мероприятие.

Хорошо, что наш разговор не слышит Зимин, тогда бы он наверняка сделал в отношении меня неверные выводы.

Ну, вот почему единственный «человечный» человек в нашем заведении — лесбиянка Танюша?! Или бисексуалка. Не суть.

Но правда в том, что она единственная из числа «топовых» радиоведущих, которых я иногда подменяю, кто не считает ниже своего достоинства поддерживать со мной приятельские отношения.

К тому же, она нереально крутая! Самая настоящая звёзда дневного и вечернего эфиров.

При пересменке я пересекаюсь со многими. Этих ребят знает и любит наш постоянный слушатель, но Елка добилась большего, чем большинство из них, несмотря на свое простое провинциальное, как у меня, происхождение.

Потому что, помимо работы на «Питер плюс FM», она ещё и виджей на одном из рейтинговых питерских телеканалов. Иногда я даже специально включаю этот канал, чтобы посмотреть, как Елка ведёт свою музыкальную «Хит-десятку» и, надо сказать, всегда остаюсь от нее в полном восторге!

— Расслабься, детка, это чисто дружеское приглашение, — смеется она тоже, заметив мое смущение, — просто ты какая-то кислая сегодня! И не переживай, я в курсе, что ты гетеро. Гетера еще та.

— Что есть, того не отнять, — с улыбкой подтверждаю.

С ней почему-то всегда легко. Конечно, если не считать моментов, когда она делает мне комплименты, или зовет куда-нибудь с собой.

— Спасибо, Танюш! Может, в другой раз...

— Не выспалась?

— Вроде того.

— Мда уж, поспишь с твоими работами, — она сочувственно вздыхает, стоя уже на пороге, — хотя, я ведь и сама такая. Хочешь жить, умей вертеться! Ладно, покедова.

— Пока, — я уже надеваю наушники, чтобы не «прощелкать» момент включения в эфир. С этим у нас очень строго.

Обычно на радио я приезжаю немножко заранее и, если Елка никуда не торопится, мы пьем кофе вместе в студии или в монтажной.

Однажды мне тоже довелось выручить ее, когда она запланировала улизнуть с работы пораньше. В тот вечер я пришла задолго до начала своего дежурства, и мы даже рискнули поставить в эфир запись ее голоса.

Никто ничего не узнал. Елка рисковала значительно больше, но я позволила уговорить себя на эту авантюру только потому что у ее девушки был день рождения, и готовился какой-то приятный сюрприз.

Возможно, я симпатична Елке как человек как раз по причине того, что не смотрю на нее как на ненормальную, и никогда не задаю слишком личных вопросов.

Все остальные «звёзды» нашей радиостанции меня в упор не замечают. Для них я пустое место, примерно наравне с обслуживающим персоналом.

И хотя Ёлку они уважают за немалые достижения в профессии, но уверена, что для большинства «элитных питерских» она все такая же «выскачка из низов», как и я.

Прилежно начитывая в микрофон сводку свежих новостей, я размышляю только о том, как бы мне исправить то, что натворила. С Зиминым, на те же грабли! Эх...

Я даже почти забываю о странной встрече с Клаудиа, которая показалась мне не вполне адекватной. Сначала эти вопросы, потом наорала на кого-то в трубку так, что ее бедная Крис втянула голову в плечи и сидела тихонько, как мышка.

А с виду такая миленькая, что в подобное верится с трудом! Я понимаю, публичность ее профессии накладывает свой отпечаток, но у Клаудиа, кажется, нет ни одной фотки, где бы

она не улыбалась.

В тех интервью и записях, что я видела, уста ее буквально «источают мед» на окружающих, она приветлива и общительна со всеми, будь то поклонник или журналист, или просто кто-то мимопроходящий. Да и говорит так складно — заслушаешься.

Да, имидж это мощь!

Интересно. Как Зимину работается с такими «многоликими» людьми?! Хотя, он ведь тоже не так прост.

При мысли о нем сердце снова начинает беспомощно трепыхаться в груди, и я неконтролируемо волнуюсь. Но это приятное волнение.

Черт, как же этот Зимин тонизирует! Одним только воспоминанием о себе. Я не хочу попасться в чьи-то сети, но готова к нормальным и адекватно развивающимся отношениям.

А Зимин и адекватность это, вообще, совместимо?!

Борьба за чувства

Антонина

Промаявшись примерно с полчаса за сочинением короткого текста и выбором наиболее обновляющейся у ZIMMA странички в соцсети, я, наконец, пишу ему в директ текст следующего содержания: «Привет. У меня все в порядке, пожалуйста, не беспокойся. Если захочешь пообщаться — буду рада, пиши».

Но даже эти пару строк даются мне непросто. Естественно, я никак не подписываюсь, потому что мое имя и без того значится в профиле отправителя.

Сразу вижу статус «прочитано». Это приятно.

С замиранием сердца жду ответ, который почему-то не приходит. Че за хрень?! Пишу ему опять через час: «На всякий случай, это А.Брежнева (ты хоть читаешь?)»

«Спасибо, ваша информация принята к сведению» — следует скупой ответ.

Поколебавшись самую малость, я бездумно, даже сердито строчу ему дальше: «Данил, ты обижен?»

«Вам отвечает менеджер ZIMMA, меня зовут Антон», приходит мне.

Сникаю и хмурюсь. Надеюсь, что мне пишет не Зимин, потому как если да, то троллит он меня знатно.

Хотя, стоп. О чем это я? Зимин уже звезда международного масштаба! И нет, наверное, в нашей стране человека младше тридцати, кто не слышал бы о нем, одна только я периодически забываю об этом факте.

Конечно, за него отвечает помощник, что логично. И совпадение его созвучности с моим именем — просто совпадение.

Разумеется, теперь план о нашей переписке и его последующей просьбе дать мой номер телефона с треском проваливается.

Номера Данила у меня нет, хоть он и говорил, что не сменил его за эти годы. Неужели сохранил специально для меня?!

Увы, но его номер остался в мусорке железнодорожного вокзала, на той злосчастной sim-карте, которую я, не подумав, когда-то выбросила.

До боли закусываю губу и, забыв о гордости, быстро строчу этому Антону: «Не могли бы вы дать мне номер, по которому можно созвониться с ZIMMA?»

Статус «прочитано». Но ответа нет.

Я перечитываю свое послание и запоздало понимаю, что ему наверняка ведь часто пишут подобное. Однако теперь я настроена более чем решительно! Поэтому пишу дальше: «Будьте добры, передайте Данилу Зимину, что его номер просит Антонина Брежнева».

И, о чудо! Через каких-то минут пять мне приходит заветный набор цифр. Я смотрю на них, радуясь и не веря. Неужели простил?!

Немедленно заношу этот номер в память телефона. Немного раздумываю над тем, как бы назвать безликие цифры, но в итоге подписываю их без особой оригинальности: Данил.

Мне хочется набрать его прямо сейчас, но работа не дает расслабиться. Я терзаюсь в сомнениях до самого окончания своего дежурства, а потом трусливо решаю, что он, должно быть, уже отдыхает и звонить ночью некрасиво.

Однако в какой-то момент все же понимаю, что просто не нахожу себе места.

Так и не найдя в себе силы позвонить, пишу: «Привет, извини меня, пожалуйста, за спонтанность (Тоня Брежнева)». Добавляю грустный смайл и отправляю.

Ну, блин. Что это еще за дурацкое слово «спонтанность»?! Жалею о нем.

Абонент «Данил» тут же набирает меня. Сердце бешено колотится, когда я хватаюсь за трубку:

— Але?

— За что извинить? — спрашивает без приветствия. Голос его звучит сухо и отрывисто, — за спонтанность?!

Чувствую, как его там всего «чертыхает». Впрочем, меня тоже.

— Ну да, за... ээ, — я даже заикаться начинаю. Делаю паузу.

— Вернее, за то, что уехала, не попрощавшись, — делаю над собой усилие, чтобы говорить с ним без дрожи в голосе. Даже непринужденно, — меня там девушка предложила подвезти, а я не стала отказываться. И написала тебе в соцсеть, чтобы ты не волновался!

— Спасибо, что не на Главпочтамт до востребования! — холодно усмехается, — ладно, я понял. Удачи тебе.

— В каком смысле? — тревожно уточняю.

— В прямом. Рад был повидаться, Тонечка! Если я так неприятен тебе, что ты доверяешься лишь бы кому, с целью свалить от меня побыстрее...

— Нет, это не так! — поспешно перебиваю, — просто мы с тобой тогда не поняли друг друга.

— А мне казалось, наоборот, — Данил очень категоричен.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне казалось, мы договорились, что я сбавляю обороты, а ты будешь относиться ко мне, — его голос начинает звучать чуть тише, и как бы вкрадчиво, — как к человеку.

Это озадачивает меня.

— Я отношусь к тебе как к человеку, а ты ко мне как отнесся?! Как к мешку с картошкой?

Я слышу, что Данил смеется, но как-то нежно, по-доброму. Не даю ему продолжить:

— А я всего-то хотела обычного человеческого свидания!

— Ты еще не поняла?! — уточняет он насмешливо, — со мной не может быть обычных свиданий. Я не какой-нибудь там обычный чувак, который днем сидит в офисе, а по вечерам бегаю к тебе. Что неясного?

Я замолкаю, едва дыша. В глазах неожиданно вскипают слёзы, потому что отчетливо, и до конца только сейчас понимаю — мы из разных миров.

В отличие от него, я не селебрити, поэтому мы с ним даже пообщаться элементарно не сможем. Слишком много условий и ограничений!

— А где ты сейчас?

— Уже не в Питере, — бросает без эмоций, — в следующий раз Питер по плану примерно через год. На пару часов, концерт и полетели дальше. Ладно, пока. Удачи тебе.

В ответ я только бестолково угукаю, не понимая, как мне удержать его «на проводе».

— И тебе. Пока. Извини, — снова добавляю зачем-то, — если ты меня не так понял...

— А как это ещё можно понять?! — Зимин взрывается, — ты ж меня нах... посылаешь всякий раз, когда видишь! А я, как тупой олень, продолжаю ждать. Но на этот раз все! Дошло! Расслабляйся! И будь счастлива. Пока.

Сбрасывает вызов. Я сижу, потрясённая до глубины души.

Конечно, его тоже можно понять. Но нах... я его никогда не посылала, что за бред?!

Зимин сам виноват, что я каждый раз сбегая — он ведёт себя слишком провокационно. Не умеет по-другому. Видимо, так и не научился! Значит, и мозгов не прибавилось.

Усмехаюсь. Звезда, блин! Кумир миллионов.

Возвращаюсь домой на такси, стараясь не думать о нем вообще. Хотя, меня все же не покидает смутная надежда, что он ещё когда-нибудь позвонит или напишет мне.

Но проходят дни, а этого не происходит. Не может же быть, чтобы на этом все и теперь уже навсегда? Ну, глупо ведь очень. Даже кофе вместе не попили. У меня есть его номер, а у него — мой.

Промаявшись с недельку в гордом ожидании, я пишу ему первой: «Данил, привет, как дела?»

Данил

Внутри меня порхают болезненные глубокие чувства, когда ее имя загорается на экране моего телефона. Дыхание спирает как у малолетки сопливого. Смс!

Я знал! Отхожу в сторонку.

Блть. Парни шумят, не давая никакой возможности уединиться, даже просто сосредоточиться. Хоть в сортир иди! Так и делаю.

Но походу передумываю и заворачиваю в комнатушку, оборудованную под маленький тренажерный зал. Я в Москве, на студии.

Она принадлежит нашему продюсерскому центру, здесь даже жить можно. Иногда я остаюсь на студии с ночевкой, так как все необходимое для этого есть — душ, диван.

С некоторых пор я не люблю возвращаться в свою одинокую, модную съемную квартиру на Арбате. Вот уж никогда бы не подумал, что роскошь бывает такой холодной!

Я давно уже не получаю удовольствия от одиночества, как вначале своего переезда в столицу. А от временных девок в квартире только мутит.

За время своей жизни в Москве я убедился, что все или почти все здесь насквозь циничны. В том числе, и я.

В моей пустой жизни Антонина Брежнева как глоток чистого воздуха! Она настоящая, и все, что она делает или говорит, настоящее тоже. Я так чувствую, я чувствую ее — нравится ей это или нет.

Даже все мои случайные подружки походили на нее внешне. Я пытался подменить суррогатом нечто истинное, но каждый раз, неизменно разочаровываясь, продолжаю хранить в себе ее образ. Ни дать ни взять, лирический герой, мать твою!

Только разве ж я виноват в том, что опять повелся на ту химию между нами, которая никуда не делась?! Если и виноват, то сполна расплачиваюсь за это потерей сна и покоя из-за нее. Как будто мало мне своих проблем...

В качалке, к счастью, ни души. Общение с Тонечкой для меня процесс интимный, пусть даже это будет просто переписка.

— Зима, пришел новый материал от Юрия Шмильевича! Еще, Егор написал, что будет в течение получаса, — Тоха залетает туда почти вслед за мной, не успеваю я прочитать сообщение.

Психую. Киваю, едва взглянув на него:

— Я понял, щас буду, Тох.

Сегодня мы ждем Егора Крида, намечается интересное сотрудничество. Он сочинил для нас двоих песню — сейчас коллаборации в тренде.

На часах десять вечера, а нам еще предстоит «писаться»! Почему-то складывается так, что почти все в шоубизе полуночники. Это удобнее для большинства, а первая половина дня, как правило, существует только для отдыха или личных дел. Ну, или для вечных передвижений в пространстве, как у меня.

Звукорежиссёр уже заканчивает свои настройки в «аудиобудке», и сегодня мы только «пробуемся». Иными словами, смотрим музыкальную композицию «вживую» — «работаем» совместное звучание, текст, музыку, хотя до финального исполнения еще далеко. Впереди нас ждут этапы согласований и предложений.

Тоша, наконец, уходит, и я вцепляюсь в телефон. Смакую эту смс, как чашечку долгожданного кофе утром!

В помещении повисает непривычная и, я бы даже сказал, благословенная тишина. Привалившись спиной к стене, читаю коротенькое сообщение. Фак. И это все?!

Ну, хоть что-то...

Улыбаюсь. Позволяю себе «зависнуть», обдумывая ответ.

Решаю сменить тактику в нашем общении, чтобы хоть немного продвинуть его вперед, добавить прогресса. Обычные «правила игры» тут, видимо, не сработают. Так что никакого флирта!

Понимаю, что лучше будет «пожестче». Я не звоню ей. Хотя очень хочется.

Пишу два слова «Привет, работаю», и сбрасываю ей весь свой рабочий график на ближайший месяц — пусть перезагрузится. Жду реакции.

Тоня долго думает. Собираюсь уже вернуться к пацанам, когда приходит ответ. Читаю: «Хочешь, я приеду в Екатеринбург и попьем где-нибудь чаю после концерта? (в закрытом заведении)».

Екатеринбург в моем списке значится на послезавтра. Я улыбаюсь снова. Ни х. я!

Пишу: «Спасибо, нет». Она ещё не готова.

Но больше не отвечает. Наверное, в обмороке от собственной смелости, а тут еще такой облом.

Жду следующего смс, радуясь, что переписка уже завязалась, и Тоша от меня никуда не денется. Мне придется быть нестандартным и очень терпеливым, чтоб развести ее на правильное свидание. Такое, как я хочу!

Думаю о том, как сильно я вообще, в принципе хочу ее...

Слышу, что уже приехал Крид и спрашивает обо мне. Заставляю себя отлепиться от стенки, от телефона, и выйти к парням.

Ответа я пока что не дождался. Но он будет, я знаю, я чую Антонину, как хищный зверь...

Звонит Катя-Клаудиа.

— Але? — лениво откликаюсь, обнимая Крида.

Она здороваается, болтает какую-то рабочую хрень, а потом вдруг говорит:

— Давай увидимся просто так?

Молчу. Ее голос становится сиплым и плаксивым, а в словах сплошной яд, когда она заговаривает о Тоне. Я понимаю — ей больно. Мне тоже, только от другого.

И у меня, в отличие от нее, есть надежда.

— Не увидимся, Кать. Прости, — отвечаю по-честному.

— Че, все так серьезно, Дань?! — спрашивает уже спокойнее, и без иронии.

— Да, — отвечаю, — пожалуйста. Просто пойми!

«И отвали», думаю про себя.

Игра в кошки-мышки

Антонина

Целую неделю я ходила злая на Зими́на, и все буквально валилось из рук от разочарования. Его последний ответ в смс меня просто убил.

А ведь я, при всей своей немалой загруженности, даже решилась взять пару дней за свой счет на двух работах, заранее зная, насколько адски непросто это будет!

Но предложила, не задумываясь. А он сказал — спасибо, нет. Прекрасно.

Зря я убеждала себя забыть о нем, и вот, свой единственный выходной, воскресенье, целиком посвятила безделью и просмотру клипов ZIMMA. Всех, кроме тех, где он с Клаудиа.

Он все равно не узнает, а мне захотелось!

Итак, вечер. Сажу в пенной ванной и вдруг, наэлектризованная его музыкой и голосом, поддаюсь сиюминутному порыву. Беру в руки телефон.

Новых смс нет.

Ругаю себя за эту «чисто фанатскую» инициативу, от которой его наверняка уже тошнит, но снова пишу первой: «Привет, смотрю твой клип, скучаю...».

Эх, была не была! После многоточия добавляю сердечко.

Это в последний раз, честно. Отошьёт меня — и я уже успокоюсь! Насовсем. Клянусь. Отправляю.

Данил

Целая. Долгая. Сука. Неделя. И смс приходит! Так, темп примерно понятен. Ничего не изменилось. Где люди обычно берут терпение и силы?!

Читаю. По тону, как будто, зажмурившись, прыгает в пропасть. Вот теперь можно звонить. Она уже тепленькая, а скоро будет горячей...

Общая стратегия у меня уже имеется. Пошаговая тактика тоже, что, конечно, неплохо, только вот Антонина нифига непредсказуема.

Я-то думал, она еще долго и нудно будет выламываться, писать всякий бред по типу о погоде-о природе, но нет. Пишет, что соскучилась, и это дает просто вау-эффект! Хотя, уверен, стоит мне написать в ответ что-то подобное, как она тут же включит заднюю. А написать очень хочется, много чего...

Одно могу сказать точно — эта инициатива дается ей непросто. Я прямо вижу, как ее там плющит не по-детски после каждого отправленного мне смс.

Тонечка уже родной для меня человек, поэтому боюсь того, что скажу. Вернее, ее реакции на это.

Тогда придётся начинать все заново. Но блдь, как это делать с моим рабочим графиком?! Ладно, хер с ним, прорвемся. Для нас же зарабатываю. Тут главное, чтоб пока зарабатываю, замуж не выскочила!

Попытка не пытка. Но это будет нереально круто, если она воспримет правильно мое предложение. Это сразу плюс сто шагов вперед в наших непростых отношениях!

Я закрываюсь в примерной, снимаю микрофон с уха. Делаю резкий вдох, как перед погружением в воду, и сам же смеюсь над своей робостью. Берусь за телефон, набираю...

— Привет, — ее голос немного растерянный. Совсем не ожидала?!

— Привет, не занята? — спрашиваю.

— Нет.

И молчит. Наверное, думала, что я ей буду в ответ смс-ки строчить. Всю ночь. Усмехаюсь.

Нет, я как бы и не против, но мне важно слышать Тоню, когда скажу то, что скажу. Загнать ее в угол как зайца, не дать возможности долго думать!

— Мальш, я так соскучился! — говорю абсолютно от души. До чего же это приятно, говорить девушке правду.

Но что-то идет не так.

— Данил, это Тоня, — уточняет она зачем-то. Напрягается, и напрягает меня.

— Я помню! — злюсь.

Специально, что ли, мучает меня такими шутками?! Или у нее в мозгу просто срабатывает стоп-кран какой-то на все, что касается меня?

— Ну, я подумала, — хмыкает, — вдруг перепутал с кем-то?

— Да с чего бы?! — я стараюсь оставаться спокойным и невозмутимым.

— Мало ли. Мы вроде бы, — пауза, — не малыши друг другу.

— А кто? — мне, правда, интересно.

Она ранит меня в самое сердце всякий раз, когда я слишком раскрываюсь перед ней. Это как в спарринге, открываешься — получи удар. С ней всегда так.

А я ведь мечтаю быть с ней ласковым! Нежным. Неторопливым. Таким, как ей, наверное, хочется.

Тоня, видимо, считает, что я со всеми так общаюсь, как с ней. Тут же внутренне даю себе установку не раскисать!

— Ну, пусть будет друзья, — предполагает неуверенно.

Она это серьезно?! Ну, хоть не прохожие.

— Хорошо, — легко соглашаюсь, — раз друзья, то я приглашаю тебя в Москву ко мне в гости! Приезжай.

Там перезагрузка. Тоша в трубке молчит, а в гримерку уже стучат. Стоит мне исчезнуть «с радаров» больше чем на пять минут в рабочее время, как в студии начинается паника.

— Але. Друг, ты меня слышишь? — говорю ей, открывая дверь.

Антон. Знаком прошу его постоять тут «на стреме», чтобы ко мне пока никто не ломился. «Десять минут» произношу почти беззвучно, и он кивает.

Эти минуты для меня очень важны. Хотя, с другой стороны, нах мне такая девушка, от одного разговора с которой я в перманентном неадеквате?! То боюсь, то психую.

Но она точно лучше, чем любая силиконовая кукла без мозгов, чем все куклы этого мира вместе взятые!

Хотя это не мешает мне быть сейчас очень злым на Тоню из-за того, что она ни х... не хочет мне помочь, от слова совсем! Только стопорит то, чего мы с таким трудом уже достигли.

— Ну, сделай ты шаг мне навстречу, друг, — прошу ее, — можешь не верить, но я тоже очень соскучился. Как и ты, сама же написала! Приедешь ко мне хоть на сколько-нибудь? Поживешь у меня. Я жду. Договорились?

— Но ты вроде был против Екатеринбурга, — она ошеломлена.

— Да, я там был часов пять всего. Ну, так как?!

— Ладно, друг, я подумаю! — смеется.

Но меня не проведешь — я уже слышу в ее тоне страшные сомнения.

— Жить у тебя это, пожалуй, будет лишнее, — рассуждает как бы вслух.

— Не переживай, приставать не буду, — с улыбкой обещаю, сам в это не слишком веря, — разве что ты не будешь против...

Она пугается. Вздыхает:

— Да нет, Данил, это, в самом деле, не очень удобно...

— Не очень удобно кому?! — перебиваю жестко. Снова пауза.

Перехожу в контрнаступление:

— Ладно, тогда давай сделаем вот что. Сможешь взять отпуск на несколько дней? Я знаю, как это будет нелегко, нам обоим. Но давай сделаем это. Слетаем на острова, в такое место, где можно затеряться! Я приглашаю, с тебя только загранпаспорт и купальник, можно и без него, номера или бунгало у нас будут разные. Ну так как, договорились?!

Жду ответа, затаив дыхание.

— О Боже, Данил, — выдает.

— Я хочу посвятить это время только тебе, — продолжаю настойчиво, — друг. Пожалуйста. Не откажи...

Антонина

Бунгало?! Я пытаюсь прикинуть, сколько это может стоить. Ого, Зимин! Вот это завелся от одного, в общем, довольно нейтрального моего смс, и теперь сыпет предложениями как из рога изобилия.

Причем одно другого неприличнее, потому что ехать за его счет, да еще на экзотические острова, неприлично точно. А у меня самой таких денег нет!

Или это его предложение пожить у него в Москве? Еще и зацепился за слово «друг», и теперь постоянно его приговаривает, видимо, чтобы присыпить мою бдительность.

Ага, так я и поверила. С его-то популярностью, он вряд ли поведет меня в кафе, театр или в ночной клуб, ну или там, элементарно погулять по Красной площади.

Значит, нам остается только сидеть у него в квартире и «дружить». Не в шахматы же он со мной играть собирается?! А потом еще и опа, кровать у меня одна и так далее.

Короче, опять тупик.

Никогда бы не подумала, что просто попить кофе с этим представителем поп-культуры вызовет такую массу организационных вопросов! Грущу.

— Дань, а давай я напишу тебе попозже? — предлагаю.

Просто хочу выиграть себе немножко времени для раздумий.

— Что тут думать, — «прет буром» Зимин, словно читая мои мысли, — если решили, то мне надо искать окно в графике уже сейчас! А тебе — на твоей работе. Или ты уже не хочешь увидеться?!

Я почти в отчаянии. У нас с ним все никак не получается найти такое решение, которое устроило бы обоих.

— Данил, пожалуйста, не напирай, — отвечаю я холодно, защищаясь.

— Я пока ещё ничем на тебя не напирал, — произносит двусмысленно, и мое живое воображение тут же рисует картинку нас, полуголых, где-то на песке или в бунгало. Видения, вообще-то заманчивые.

На секунду как кипятком обдает жаром, при мысли какой этот «танк» может быть в постели. Попробуй удержи оборону перед его сумасшедшим напором!

А мне так не хочется уподобляться многочисленным фанаткам ZIMMA, которые, без сомнений, лезут сами в его постель. Возможно, он даже привык к подобной схеме

отношений: отпуск, бунгало, секс.

Я далеко не ханжа, но задумываюсь, не обесценит ли это меня в его глазах? Я не хочу быть для него такой, как все. То, что он мне предлагает, пошленько и примитивно.

— Нет, Данил, уже подумала, — выпаливаю скороговоркой, — спасибо за предложение. Не подходит. Извини.

Повисает прямо-таки зловещее молчание. Я даже слышу, как тяжело Зимин дышит в трубку. Наверняка, бесится! Хотя, ему полезно.

— Ладно, я понял, что с тобой ничего не спланируешь, — выдыхает, наконец, — возьми ещё одну многолетнюю паузу и подумай не спеша. Только номер не меняй. Набрать тебя через пять лет, или не стоит?

— Зимин, — бешусь в ответ, — какие нахрен острова, ты сам вообще подумал, что сказал?! Я готова приехать к тебе в Москву даже на час, если ты так занят. Но не жить у тебя. Может, все-таки найдёшь для меня окошко для чашки кофе в своем плотном рабочем графике? Согласна даже приехать куда скажешь, хоть в офисе с охраной...

— Тош, — вдруг перебивает он меня, — я люблю тебя.

Конец игре

Данил

Она замолкает. Но мне, робкому, смущенному своим собственным признанием, все равно становится чуть полегче. Я даже радуюсь, что сказал это.

Вполне возможно, зря. Ответом мне служит тишина. Я уже почти привык, что сейчас получу от нее удар под дых, холодный ответ. И такой, что больше уже, наверное, «не встану».

— Тош, але, — срываюсь на фальцет. Ненавижу в себе эту слабость.

Не верит? Или вообще без взаимности?

— Дань, спасибо тебе...

Блдь. Зачем она благодарит?!

— Но откуда ты можешь это знать? — произносит то ли со страхом, то ли с сомнением.

Задыхаюсь от горечи. Где взять сигарету? Мне трудно отвечать на подобный бред. Как откуда?! От верблюда. Но я не хочу быть грубым с ней, ни за что.

— Я так чувствую, — терпеливо отвечаю, жарясь в собственном адреналине.

— Мы просто почти не знаем друг друга.

Это ж разговор глухого с немым, зачем?!

— А что чувствуешь ты? — осторожно подбирая слова, спрашиваю.

— Сложно сказать, — говорит она.

А мне сложно понять ее истинные мысли на этот счет. Считает, что не время, или все-таки я совсем не интересен ей?!

— Тош. Послушай, это важно. У тебя есть какой-то интерес ко мне? Как к мужчине, — на всякий случай, уточняю.

Мне нужна лишь ее искренность. Я хочу правды, какая есть, без прикрас.

— Конечно, — отвечает без пауз, и нечаянная радость тут же начинает потихоньку затоплять меня, — я же пишу тебе!

Логика железная, конечно. Но я все равно ликую как идиот. По лицу расплывается счастливая улыбка.

Я скучаю, я люблю, я хочу ее. Факт...

Антонина

— Ну, хорошо, беру инициативу в свои руки! — шутливо заявляю я ему.

Зимин молчит, внимательно меня слушая. Его признание что-то меняет во мне, переводит наши отношения на новый уровень.

Даже если это неправда, или не совсем правда, или уловка — неважно. Но к Данилу уже невозможно относиться, как до этого признания. Оно располагает к себе. Мне нужно сделать либо шаг вперед, к нему, либо шаг назад, уже окончательный.

К тому же, признание Данила вдруг избавляет меня от страха перед ошибкой, потому что я верю ему. Даже если это все по итогу будет ошибкой, пусть!

Единственное — мне самой лучше не спешить с признаниями, а то он очень уж активен. Того и гляди, поскачем вперед семимильными шагами, но хотелось бы четко понимать, куда.

И вообще! Я хочу насладиться процессом. Каждым малюсеньким шажочком на пути друг к другу. Хочу, чтобы этот путь стал незабываемым...

— И?! — вздрагиваю от вопросительной интонации в его голосе.

Кажется, снова замечталась. Улыбаюсь:

— Давай так. Ты сейчас в Москве?

— Считай, что уже нет. Утром лечу в Белоруссию на музыкальный фестиваль.

— Тогда просто скажи точно, когда снова будешь в Москве, хоть на час! Один, но свободный. Чтобы только мне... Я приеду.

— Часа нам не хватит, — я слышу дразнящие нотки в его низком чарующем голосе.

О Боги, неужели это вправду Данил Зимин, мой бывший ученик?! Кто-нибудь, ущипните меня — кажется, от него начинает «сносить» крышу. Я чувствую приятное томление в теле, и даже пугаюсь того, чего мне с ним еще хочется.

— Ээм... Для кофе в самый раз, — весело уточняю.

— К счастью, у нас есть преимущество, перед которым пасует даже мой нечеловеческий график, — говорит Зимин.

— И это?

— Ночь.

Озадачиваюсь.

— Полтора часа в воздухе, и я у тебя, — деловито продолжает, — постараюсь организовать, сегодня! Готовься.

— Ого. Боюсь даже спрашивать, к чему, — выдыхаю.

— К чему захочешь. Пределов нет! — по тону его понимаю, что он не шутит. Потом добавляет, — пределы устанавливаешь только ты...

От того, что Зимин говорит, перехватывает дыхание. В моей голове начинают свое беспорядочное кружение бабочки, и я понимаю — все, попалась. Ну, почти...

Неожиданная заминка

Антонина

Я как раз сижу в приемной нашего всемогущего Мискарьянца, когда звонит мой телефон. Хватаю его, не глядя:

— Але?

— Привет, а я уже под твоим подъездом, — слышу волнующий голос Зимины.

В панике смотрю на часы. Сегодня Герман Валентинович «полуночничает», и зачем-то решил вызвать меня к себе после смены.

Его неизменная секретарша Мелания тоже на работе, как и всегда, когда он здесь. Независимо от времени суток.

Начинаю нервничать. Данил приехал раньше на целый час! Вообще-то, я планировала, что после работы быстренько вызову такси и приеду домой задолго до него.

И у меня там все уже готово. Вчера я даже спецом брала выходной на своей основной работе для того, чтобы привести себя в порядок, а приглашенная клининговая служба сделала генеральную уборку моей квартиры всего за пару часов.

Я понимаю, что он вряд ли заметит, но «убила» бы на такую уборку полдня минимум, а приглашать его в неубранную квартиру не могу.

И да, я позвала его в гости! Но сегодня, кажется, все пошло наперекосяк.

— Данечка, привет, — растерянно тяну, понизив голос, — а я ещё на работе! Меня начальник вызвал. Жду в приёмной. Опоздаю к тебе, скорее всего.

— Шутишь?! — он злится, — ладно, тогда я выезжаю к тебе! Так будет быстрее.

Блиин... Тяжко вздыхаю. Но соглашаюсь, куда деваться! Диктую Данилу адрес, и кладу трубку.

Страшно злюсь на Германа Мискарьянца, который так задерживает меня.

И невольно усмехаюсь, представив его удивление, узнай он, что под нашим зданием его самую скромную сотрудницу терпеливо дожидается сам ZIMMA.

Но насколько еще затянется это ожидание?! Проходит примерно минут сорок, пока Даня тащится ко мне сюда по пробкам, а я все еще тоскливо сижу в приемной.

Беспокойно ерзаю на стуле, наблюдая за тем, как Мелания бесконечно и так мучительно долго соединяет своего шефа то с одним, то с другим абонентом. Ночь на дворе, ну, не гад ли этот Мискарьянец?!

Я уже почти готова уйти, когда мне снова звонит Данил, очевидно, подъехав к зданию, и в это же самое время Мискарьянец самолично выходит из кабинета, чтобы пригласить меня войти.

Хищно улыбается:

— Антонина, прошу.

Это весьма необычно. Встрепенувшись, я устанавливаю режим телефона на беззвучный, и иду в его кабинет с каким-то нехорошим предчувствием.

— Добрый вечер, Герман Валентинович, — холодно говорю, присаживаясь на предложенный мне стул.

На всякий случай, напускаю на себя строгий вид. Ну, не флиртовать же он тут со мной собрался?! А может, увольнить?

Хотя, сейчас мне плевать на все. Мое сердце поет от предвкушения встречи с Данилом Зиминным...

Кабинет нашего шефа небольшой, но сплошь заставленный броскими предметами роскоши. Чего здесь только не «поймает» случайный взгляд вошедшего — картины современных художников, антиквариат, какие-то немислимые статуэтки, награды и призы, связанные с его профессиональной деятельностью, но все как-то вперемешку, в совершенно диком и нелогичном, на мой взгляд, сочетании.

Наверное, если рассматривать каждый представленный здесь предмет по отдельности, это, безусловно, впечатляет. Но при таком своеобразном их «соседстве», скорее, попахивает дурным вкусом.

Герман Валентинович грузно падает в старинное кресло необъятных размеров за массивным столом из темного дерева. Я невольно засматриваюсь на этот стол, столь искусно украшенный резьбой и всевозможными «завитушками», изображающими какие-то знаки и символы, а еще, почему-то, гроздь винограда.

Впрочем, отвлекаясь я ненадолго. Потому что сейчас все мои мысли занимает даже не сидящий напротив меня с загадочным видом начальник, а ожидающий внизу Данил. Мое воображение уже ярко рисует его, беснующегося из-за моей непунктуальности в припаркованной под зданием машине.

Как ни крути, а я опаздываю на наше свидание уже более чем на час!

Между тем, Мискарьянц никуда не спешит. Улыбаясь, он так и буравит меня взглядом своих черных масляных, «армянских» глаз. Кажется даже, он ждёт, что я буду трепетать перед ним, как многие наши сотрудники.

Но я, погружённая в себя, просто смотрю на него, ожидая продолжения диалога.

— Антонина, — медленно растягивает он слова, как бы подчеркивая таким образом свое превосходство над внимающим ему собеседником, — ну, что сказать! Поздравляю. Вы удачно влились в наш коллектив, и ваша работа меня полностью устраивает.

И? Вот сейчас напрягаюсь. Нет, не то, чтобы я считала, что плохо работаю, но прочитать несколько раз за смену новости с листика, подготовленного дежурным редактором, и поставить в эфир музыку — он это что, слушает?!

Хотя, наверняка ведь хороший руководитель должен знать все. И внимательно следить за качеством работы каждого сотрудника, неважно, лично или через помощников.

Я уважаю эту позицию. Только ведь он пригласил меня не за тем, чтобы рассказать мне, какая я хорошая и соответствующая занимаемой должности?

— Поэтому я готов вас поощрить участием в нашем корпоративе, — продолжает он как бы задумчиво, — а в будущем, кто знает... Хотели бы вы вести дневной эфир?

Хочу ли я?! Уверена, что мое радостно-заинтересованное выражение лица говорит сейчас само за себя.

— В скором будущем я планирую расширить формат одной передачи прайм-тайма, — под прайм-таймом наш шеф подразумевает самое «рейтинговое» эфирное время на радио, — и нам понадобится соведущая...

Добродушно улыбаясь, он еще немного говорит о том, что мне необходимо поработать над дикцией, если я захочу претендовать на это место.

Я слушаю его, до конца не веря этому неожиданно свалившемуся на меня счастью. Не я ли мечтала сделать «рывок» в карьере на радио? И вот...

Как вспышка, мелькает мысль о том, что если однажды я смогу чего-то добиться сама,

то не буду только лишь приложением Данила Зимина в нашей паре. В том случае, если у нас с ним сложится.

Меня жутко смущает статус его бывшей училки, или сотрудницы фирмы по продаже металлопластиковых окон, более того, этот проклятый комплекс неполноценности очень сильно тормозит меня в наших отношениях.

Теперь я отчетливо понимаю это.

ZIMMA — звезда, и я чувствую в себе невероятный азарт соответствовать, приложу все усилия для этого!

Заверяю Мискарьянца, что немедленно займусь дикцией и ораторским искусством, и вообще окончу какие угодно курсы для повышения квалификации, поскольку очень даже планирую претендовать на место соведущей.

— Приходите в это воскресенье, в восемь вечера, — доверительно говорит он мне, и достает из недр своего необычного стола визитку с адресом известного питерского ночного клуба. Кладёт ее передо мной.

— Спросите у охраны клуба, как пройти на наш закрытый корпоратив, он будет проходить в вип-зоне. Визитка будет вашим пропуском.

Я присматриваюсь к ней, и даже замечаю размашистую подпись шефа в верхнем правом углу.

Ему звонят на стационарный телефон и Мискарьянец, поднимая, коротко кивает мне:

— Вы можете быть свободны, всего доброго.

Я киваю и встаю, на прощание мы улыбаемся друг другу. Окрыленная его приветливым тоном, беру визитку и выхожу за дверь.

Уже в приемной понимаю, что, будучи в эйфории, даже не поинтересовалась, по какому, собственно, поводу корпоратив.

Возможно, это какая-то дата, связанная с деятельностью «Питер плюс FM»? Я кручу эту визитку в руках, рассматривая его подпись и вручную нацарапанное время проведения корпоратива — «20.00», раздумывая.

Интуиция подсказывает мне, что радоваться пока рановато, так и сглазить недолго. Хотя, в общем и целом, все идет отлично.

Прощаясь с вечно занятой Меланией, я задаю ей вопрос об их обычном дресскоде на корпоративах, если таковой существует.

— Никакого дресскода нет, — удивляется она, почему-то глядя на меня как на дурочку, — одевайтесь как вам удобно...

Тремя часами ранее

Программный директор радио «Питер плюс FM» Герман Валентинович Мискарьянц увлечённо критикует пилотный проект новой, впервые вышедшей в прошлый четверг радиопередачи «По страницам истории», на селекторной линии телефона.

Его второй стационарный телефон начинает настойчиво мигать огоньками, и он, немного раздраженный тем, что обрывает на полуслове сам себя, берется за трубку.

— Минуту. Да? — рявкает.

— Герман Валентинович, — сообщает манерный голос секретарши, — с вами желает пообщаться Кристина Александровна Кац, пресс-секретарь певицы Клаудиа. Говорит, что срочно.

— Вот даже как? Соединяй.

Мискарьянц удивлен. Он спешит завершить селектор, и прерывает его, отключаясь от

громкой связи.

Он незнаком ни с Клаудиа, ни с ее помощницей, но уже предвкушает некий деловой азарт. Возможно, «Питер плюс FM» ожидает какое-то интересное предложение?

Вместе с тем, он не питает иллюзий по поводу того, что они всего лишь небольшая волна местного значения, и вряд ли могут всерьез заинтересовать сотрудничеством певицу такой величины как Клаудиа.

С присущей ему любезностью, Герман начинает разговор с Кристиной Александровной и, несмотря на доводы рассудка, уже втайне мнит о каком-то большом интервью или неформатном прямом эфире с певицей.

Но то, что он слышит дальше, поражает даже его порочное воображение.

Его собеседница просит о личной услуге для певицы. У нее есть информация, говорит она, что на «Питер плюс FM» работает одна девушка. К сожалению, Клаудиа располагает только фотографией девушки и была бы крайне признательна, если бы программный директор проверил свою личную почту прямо сейчас, и подтвердил либо опровергнул это.

Она намеренно не уточняет адрес этой самой личной почты, которую знают немногие. Искушенный интриган, он проверяет электронку тут же, не кладя трубку.

Там действительно оказывается фото девушки в лимузине, и он, заинтригованный, рассматривает его секунду-другую.

— Да, работает такая. А в чем конкретно вопрос? — интересуется с прохладцей в голосе.

— О, спасибо вам, — радуется Кристина Александровна, — кажется, нашли. Я соединю вас сейчас с Клаудиа, вы не против?

Он вежливо соглашается, не горя, впрочем, желанием разглашать какие бы то ни было сведения о сотрудниках. Даже столь незначительных, как Брежнева.

Очень симпатичная, неглупая девочка. Но что от нее могло понадобиться самой Клаудиа, да еще таким мудреным образом?!

Он тщетно силится разгадать эту неожиданную загадку. Как раз сегодня у нее рабочая смена в радиорубке, и все это кажется ему более чем странным.

Однако если у него есть возможность оказать услугу певице такого масштаба, то он своего не упустит.

Как знать, чем впоследствии она сможет пригодиться «Питер плюс FM», или даже лично ему, Мискарьянцу. Новые связи, да еще такие, никогда не бывают лишними!

Программный директор «Питер плюс FM», конечно, в курсе и того, кто такой Тимур Урусов. Ему известно, под чьей эгидой работает Клаудиа.

У певицы с Урусовым общая мать, пожилая и весьма легкомысленная миллионерша, давно уже проживающая где-то в Европе, если верить средствам массовой информации. Мискарьянцу известно даже, что она, в прошлом дочь богатых родителей, и мужей для себя подбирала соответствующих. Оба ее ребенка оказались хваткими и удачливыми, но с их отцами у нее не сложилось.

Довольный своей информированностью и полный радужных надежд, он здоровается с Клаудиа первым:

— Доброй ночи!

В их творческой среде ночные звонки на рабочие номера давно уже никого не удивляют.

— Доброй ночи, Герман Валентинович, — чарующий, незабываемый голосок. Слушая

ее, он даже жмурится от удовольствия как кот, греющийся на солнышке.

— Можно просто Герман. Как к вам удобнее обращаться?

— Можно просто Екатерина, — вторит ему она, и Герману даже кажется, что она улыбается.

— Екатерина, чем я могу быть вам полезен? — спрашивает напрямую.

— Вопрос очень деликатный, прошу меня заранее простить. Речь пойдет о вашей сотруднице, той, что на фото. Мне нужна любая компрометирующая информация об этой девушке! Как ее зовут?

— Антонина Брежнева. Но почему вы думаете, что у меня может быть такая информация?

— Герман, — она усмехается, невольно заражая его своей уверенностью в себе, — как известно, большую часть жизни человек проводит на работе. И кто как не шеф, знает все о своих сотрудниках?! Поэтому я очень рассчитываю на вас. Мы творческие люди, сочтемся! Вы должны знать, что вопрос цены для меня не стоит. Назовите любую цену.

Дьявол, да где же эта серая мышь могла перейти дорожку великой и прекрасной Клаудиа?! Герман в замешательстве.

Словно читая его мысли, она продолжает:

— Хочу, чтобы вы знали. Я доверяю вам. Это очень непорядочная девушка, она уводит чужих парней. Так я могу рассчитывать на вашу помощь?!

— Какого рода компрометирующая информация вам нужна? — осторожно спрашивает Мискарьянец, не отвечая ни да, ни нет.

— Любая! — повторяет она, — чем более ее порочащая, тем лучше. Прошу заметить, мне не важна правда, как вы понимаете, даже более того. Меня вполне бы устроила инсценировка этой правды. Главное — результат.

Он кивает.

— Информация в каком виде вас интересует — фото, видео, что?!

— Видео, фото... неважно. Фото будет достаточно. Как вам удобнее.

— Что ж, хорошо, — Герман тонко улыбается, — я понял вас. Да, вы можете рассчитывать на меня.

— Благодарю за понимание и такт! — живо откликается его собеседница, — поверьте, что вы очень, очень обяжете меня. Будьте любезны переслать мне номер счета, на который я могу перечислить аванс...

— Что вы, никаких авансов, — весело перебивает он ее, — и счетов. Как вы правильно подметили, мы люди творческие! Деньги меня не интересуют. А вот если бы вы, скажем, нашли возможность открыть цикл наших радиопередач по типу «Десять вопросов к звезде», и рекомендовали бы нас своим коллегам для участия в ней...

Тут Мискарьянец делает многозначительную паузу. Все-таки, как профессионал он на своем месте, и в своей голове уже творит, организует выход такой радиопередачи, которая удивит петербуржцев и не только их, и позволит «Питер плюс FM» выйти на новый, доселе невиданный рейтинговый уровень...

— То, в свою очередь, премного обяжали бы нас, — торжественно заканчивает.

— Конечно, — быстро реагирует она, — вы можете хоть завтра связаться по этому вопросу с питерским филиалом «Граффит стар», это продюсирующий меня лейбл! Я заранее даю вам свое согласие. Но все вопросы по организации воплощения вашей задумки в жизнь исключительно через них.

— О да, само собой, — заискивающе бормочет он, — весьма наслышан! Прекрасный лейбл...

— Но я надеюсь, ваша информация будет стоить того, — слегка осаживает его Клаудиа снисходительным тоном.

— Поверьте, результат вас порадует. Я вас не шокирую, если фото будут порнографического характера?!

В ответ она лишь мелодично смеется.

— Нет, то, что надо.

— В таком случае, еще раз благодарю и рад знакомству. Буду счастлив пообщаться с вами при личной встрече...

Когда Мискарьянец кладет трубку, его черные, чуть навывкате глаза разгораются адским огнем. Ухмыльнувшись, он приникает к монитору и долго еще разглядывает фото Антонины Брежневой.

— Вот ты и попалась, Аленка с шоколадки, плохая девочка, — бормочет, удаляя письмо с фото из своей почты, — придется тебя наказать...

В голове у него очень быстро созревает план. Клаудиа действительно обратилась по адресу, сама того не подозревая.

Мискарьянец развратник «со стажем». Иногда, в компании двух надежных дружков из своей диаспоры, он выбирается в закрытые вип-номера одного ночного клуба, в котором у них «все схвачено».

Они надевают маски и приглашают на свою «вечеринку» всегда только одну девушку, которую с удовольствием делят на всех. Но никакого криминала.

Как правило, на «маскарад» к этим людям сознательно идут девочки с их работ, мечтающие о повышении, или просто проститутки. В случае чьего-то недовольства, ничего не доказуемо — парни «отрываются» в презервативах.

Но не было еще ни одной неудовлетворенной, которая бы осталась после «маскарада» ни с чем.

Обычно это поощрение в виде значительного повышения по службе, или солидная прибавка к зарплате. По их негласной установке, девочка может быть приглашена только однажды.

О своем «свежем мясе» Мискарьянец всегда заботился лично, щедро раздавая прибавки к зарплате, повышения, эфиры или собственные рекомендации, если девушка желала сменить работу.

Схема «лямур де труа», или вернее, порочного квартета, до сих пор еще ни разу не давала сбоев и была хорошо отлажена.

Быть собой, любить одну...

Данил

Я замечаю ее издалека, и сразу выхожу из машины. Тупое волнение... Можно ли быть злым и счастливым одновременно?!

Получается, что да. Бешусь оттого, что Тонечка украла у нас целых два часа общения, но стоит ей появиться, как забываю обо всем и «ухожу» в привычную нирвану. Улыбаюсь. Застываю соляным столбом.

— Привет, — она подходит, сияя ответной улыбкой. Нерешительно целует в щеку, и я крепко обнимаю ее, прижимая к себе на несколько долгих секунд.

— Привет, — жарко шепчу ей в ухо. Не отпускаю.

Кайфую от этих простых живых эмоций, и чувствую себя сейчас нормальным влюбленным парнем.

Не знаю, как она действует на меня, но так действует только она! Я вдыхаю ее. Думаю о том, что мне нравится в ней все...

Я мчал по Питеру так, как никогда не мчу в городе, будто это могло бы ускорить нашу встречу. Но по итогу, все равно ждал на парковке.

Ждал с подспудным страхом, что Тоня в очередной раз накосячит, а потом снова будет извиняться, что встреча сорвется, и бог знает чего еще...

Но вот она пришла, и я поверил в эту встречу.

Сейчас, так некстати из второй машины выходят пацаны. Она дергается, и я нехотя разрываю наше объятие.

Антонина

— Здравствуйте, — уважительно здороваются со мной «шкафы» Данила, и я невольно краснею, вспоминая, при каких обстоятельствах с ними познакомилась. Киваю в ответ.

Хотя, не все ли равно?! Я забываю о них ровно через секунду, я смотрю только на него.

Данил выглядит очень притягательно, и дело даже не в его стиле или одежде — он хорош в любой одежде, просто я чувствую, как «плавлюсь» рядом с ним, растворяюсь в этой сумасшедшей энергетике!

Меня затягивает в Данила Зимина, как в воронку, медленно и неизбежно.

У «воронки» есть закон — каждое усилие выбраться из нее ведет к тому, что тебя засасывает только глубже. Но я и не сопротивляюсь этому!

Плыву по течению дальше, и получаю удовольствие. С маленькой оговоркой, которая, впрочем, тревожит меня все больше — уж слишком счастливым он выглядит сейчас.

Ну, а я не хочу никуда торопиться! И рада видеть его у себя дома, но не в своей постели. Во всяком случае, пока.

Мне сложно решиться. Я пригласила Данила к себе, не раздумывая, так сильно мне не хотелось ехать с ним куда-то «на съемную хату» или в отель. Как ни крути, но специфика его работы очень ограничивает наши возможности.

Он сам напомнил мне о том, что стоит только журналистам узнать о нас, как больше мне не дадут проходу, и спокойной жизни придет конец. Значит, встречи у меня, ночью, пока что лучший выход.

Но мог ли он неверно истолковать мое сегодняшнее приглашение?! Заговорить об этом

сейчас кажется мне неуместным.

Я мучительно размышляю на эту тему, пока Данил говорит что-то шкафам, не выпуская моей руки. Как будто снова сбегу.

Усмехаюсь. Мои опасения уже кажутся мне смешными, не стоящими, как говорится, выеденного яйца! Все просто — я скажу ему об этом позже, если возникнет неловкая ситуация. В конце концов, мы взрослые люди.

А может и не возникнет, ведь человеку, в первую очередь, важно общение со мной! Мы так долго не виделись, не считая той последней встречи, что можем запросто проговорить всю ночь напролет. Возможно, он захочет задать мне вопросы по поводу прошлого?

Что ж, я готова ответить. Выдергиваю себя из потока мыслей только тогда, когда шкафы садятся в свою машину, а Данил галантно открывает мне дверь другой.

Я сажусь на сидение рядом с водительским, и мы срываемся с места. Чуть-чуть приоткрываю окно со своей стороны.

Ветер оглушительно шумит, играя моими волосами, огни ночного города горят, и рядом близкий, такой глубоко волнующий меня человек — потрясающие ощущения!

— Парни просто проводят нас до твоего подъезда, — произносит он, включая в салоне музыку. Глядит на меня с обожанием, — ты не против?

— Нет.

Я откровенно наслаждаюсь комфортом черного кожаного салона его скоростной тачки, а еще, улавливаю насыщенный цветочный аромат. Интересно, откуда он здесь?!

Не успеваю додумать эту мысль до конца, как Данил наклоняется и одной рукой достает с задних сидений букет роз. Кладет мне их прямо на колени.

Даже не букет — целая туча из роз всевозможных цветов и оттенков! Утопая в них нос, я жмурюсь от удовольствия. Благодарю его, одаривая восхищенным взглядом. Розы чудесные.

Наверное, этот букет стоит целое состояние. Но сейчас я думаю только о той маленькой белой розочке, украденной для меня когда-то детдомовским мальчиком, и сердце мое сжимается от восторга, от благодарности ему!

В салоне тихо звучит медленная музыкальная композиция на английском. Она в тему — я прилично знаю английский, и автоматический «синхрон», как обычно, тут же включается в моей голове. Слушаю песню, слова которой настолько удачно вторят нашей ситуации, что чувствую необычайный душевный подъем.

Происходящее кажется настолько нереальным, что я даже не сразу понимаю, о чем речь, когда Данил выводит меня из этого блаженного оцепенения вопросом.

— Все в порядке? Че он вообще хотел?! — спрашивает он чуть-чуть ревниво.

Вздыхнув, вспоминаю о шефе, из-за которого так подзадержалось наше свидание. А ведь Даня наверняка выкраивал это время, как мог.

С грустью, я уже предчувствую, каким испытанием и проверкой на прочность станет теперь каждое наше свидание, с его-то публичностью. Данил берет мою руку и целует — это безумно приятно.

— Хм... да так, ерунда, рабочие вопросы, — «съезжаю» с темы, упиваясь этим странным, вдруг накотившим на меня трепетом.

С тайным удовольствием, я наблюдаю за тем, как уверенно Данил ведет машину. Сгораю в своих фантазиях, но решительно отнимаю у него свою руку, которую он, не выпуская, легонько поглаживает.

— Эй, следи за дорогой, — шутливо прибавляю.

Снова возвращаюсь к мысли, что сегодня никакого секса. Сказать сейчас?!

Его взгляд заметно темнеет, когда он смотрит на меня. Тоже, наверное, улетает в каких-то фантазиях...

— Я просто столько грязи в этом шоу-бизе насмотрелся, — говорит Данил, — будь поосторожнее, окей?!

Ого, вот это чутье! Удивляюсь.

Хотя, стоит ли ему сейчас рассказывать о моем разговоре с шефом?! Лучше уж потом, попозже, и пусть мы порадуемся моему успеху вместе. Вдруг ничего не получится?

— Сразу к тебе? — мягко уточняет Данил, и я утвердительно киваю:

— Ну, конечно!

Дальше долго молчим, и это даже кажется мне неприличным. Я пытаюсь найти темы для разговора, но мысли путаются и, может быть, именно поэтому все, что говорю, звучит как-то неестественно.

Он заметно спешит, разгоняясь на тех участках дороги, где это допустимо, что, в общем, не удивляет меня.

Я замолкаю, не отвлекая его. Сколько часов в нашем распоряжении?! Интуиция подсказывает, что сегодня он останется со мной до утра.

Данил

Дорога пролетает быстро. Мы уже почти в ее дворе, когда я вдруг вспоминаю о резинке.

Я позаботился о предохранении заранее, но, фак, пачка-то в бардачке, а бардачок как раз возле Тоши. Не смутит ли ее, если я его открою и быстро переложу презервативы в карман?! Не уверен.

Она ведет себя как обычно. То есть очень стеснительно, хотя могла бы уже чуточку провокационно, чтобы дать мне понять, как быть дальше.

И я стесняюсь ее тоже, что мне, в общем, не свойственно. Но не хочу все испортить!

Забалтывая Тонечку, осторожно открываю бардачок. Мы уже во дворе, хоть я ползу сейчас со скоростью улитки. Паркуюсь, одновременно с этим шаря по бардачку в поисках. Понимаю, что пачка укатилась куда-то далеко и так просто ее не достать.

Есть! Нащупываю один случайный, завалившийся пакетик, кладу его незаметно в карман куртки, но мне кажется, что этого мало, очень мало. Паникую.

Зависаю, и чертыхаюсь про себя. Она странно смотрит — от этого паникую еще больше.

— Все в порядке?! — интересуется, явно заметив мою внутреннюю борьбу. Блть. Нет!

— Все не просто в порядке, а это самый лучший день в моей жизни, — признаюсь.

Даже если я опять туплю, и что-то, как обычно, не так понял, но должен быть готов! Чтобы не бегать потом вниз, к машине.

— Один из лучших, в смысле, — торопливо добавляю, не горя желанием выглядеть маньяком в ее глазах. Самый лучший день, звучит очень стремно.

— В смысле, одна из лучших ночей?! — смеется она в ответ.

Одна из лучших ночей

Антонина

— Ееперный экибастос, — слышится откуда-то справа, стоит только мне выйти из машины с букетом в руках.

О Боги. Илья! Мой бывший парень. И столь витиеватое выражение я слышу от него впервые.

Мы давно расстались, но сейчас почему-то ожидаю от него какой-то совершенно идиотской сцены ревности! Наверное, потому что он тоже стоит с букетиком в руках. С ума сойти, снова розы.

Но то, что происходит дальше, «разворачивает» ситуацию примерно на сто восемьдесят градусов.

Радостный как щеночек, он подскакивает прямо к Данилу с вопросами.

— Вы — ZIMMA?! Можно совместное селфи?

Тараторит что-то дальше в этом духе, абсолютно игнорируя меня. Облегченно вздыхаю. Слегка ошарашенный его мельтешением, Данил утвердительно кивает.

Я что-то не припоминаю, чтобы Илюха был его фанатом, но вообще-то, парень он не агрессивный, и даже крайне коммуникабельный. Что тут же подтверждает своей болтовней или, вернее, монологом с неразговорчивым Зиминым. Наконец, замечает меня:

— Тонь, а как это?! Привет. А я тут... Вы вместе, вы знакомы?

— Нет, конечно. Только не зови журналистов, Илья, — пытаюсь шутить, — ZIMMA мой старый друг, хотя тебя это не касается. Пока!

Но он не отлипает:

— Я ждал тебя...

К счастью, в этот самый момент позади нас уже паркуются парни из охраны Данила. Они выходят из своего авто, недобро глядя на Илью, и этого оказывается достаточно, чтобы тот молча ретировался. Мой бывший исчезает так же внезапно, как появился.

Я слышу, что Данил прощается со своей свитой, и договаривается о встрече с ними здесь же, в пять утра. Машинально смотрю на наручные часы — времени и много, и мало одновременно...

Едем в лифте, смеемся.

— Откуда взялся этот черт?! — недоумевает он, ревнуя.

— Ну, ясно же, твой фанат, — отвечаю, не моргнув глазом.

Улыбаюсь ему. Ревность это, конечно, хорошо, но с ней лучше дозировано, чтобы не перегнуть, а то у нас и без того отношения непростые.

— Ну да, ну да, — Данил хмурится, — цветочки только забыл тебе передать!

— Я ж и говорю, как тебя увидел, забыл обо всем! — шучу в ответ.

Он замолкает. Мы выходим на нужном этаже, и от моей веселости не остается следа.

Все потому что между нами постепенно возникает, разрастаясь, невидимое, но вполне осязаемое напряжение.

Я, конечно, понимаю, откуда оно. Но все равно злюсь на себя за стеснение и дурацкую неловкость, пока ищу ключ от квартиры. В подъезде царит почти абсолютная тишина.

Медленно вставляю ключ в замок непослушными пальцами. Данил стоит совсем

близко, и я даже ощущаю его теплое, чуть учащенное дыхание.

— Помочь?

Отрицательно мотаю головой. Выставляю охапку роз как щит между нами, вручая их ему:

— Подержи, пожалуйста!

Он молча берет букет. Наконец, дверь распахивается, и я ступаю внутрь квартиры первой. Нашариваю рукой выключатель, зажигаю в прихожей свет.

Втайне люблюсь сверкающей чистотой и порядком, когда все на своих местах. Я люблю этот дом, и свою арендованную квартирку. Здесь все мило и уютно, как внутри, так и снаружи.

И пусть моей «норе» далеко до тех фешенебельных отелей, к которым он, вероятно, привык, но жить тут точно не стыдно.

— Вот, Данечка, располагайся, чувствуй себя, как дома, — весело бормочу ему, бросая сумку и ключи на маленький комод.

Скидываю туфли и, не глядя на Даню, захожу в кухню-студию.

Дверь в спальню предусмотрительно закрыта, чтобы это не выглядело как приглашение, и я даже заранее расставила на кухонном столе столовые приборы. Остается только достать из холодильника и по-быстрому разогреть приготовленный мною накануне вкусный ужин.

Быстро мою руки. Потом включаю чайник, и хватаюсь за дверцу холодильника. Но тут Данил «нападает» на меня.

Уверенно закрывает дверцу и разворачивает к себе, взяв за запястье и талию. Я по инерции впечатываюсь в его рельефный торс. Он обнимает нежно, но крепко, и пальцы его уже скользят по моему затылку, удерживая и надежно фиксируя меня на месте.

Мы сейчас так близко друг к другу, что я вижу его расширившиеся зрачки, и даже крапинки на радужках миндалевидных серых глаз. Эта жесткая хватка вкупе с голодным взглядом никак не напоминают прелюдию к романтичному поцелую.

Его и не происходит.

Данил просто впивается в мои губы, выкачивая из легких воздух, и всякий проблеск разумной мысли из мозгов. Мое безмолвие только распалает его.

Напор парня, его сила и откровенное нетерпение вдруг зажигают, как спичку, меня саму. Пугаюсь.

Это наш первый поцелуй, но в нем нет ни трепета, ни нежности. Данил пожирает меня. Мягко впечатывает в стену кухни, и безо всякого стеснения даёт почувствовать свой каменный пах.

Целует тягуче сладко и самозабвенно, и я, ведомая древними, как мир инстинктами, даже, кажется, отвечаю ему. Однако, прочувствовав всю мощь его желания, тут же быстро прихожу в себя и решаюсь сказать Зимину «стоп».

— Данил, — мягко отстраняю его. Он замирает.

Отворачиваюсь. Убираю его пальцы с маленьких пуговичек на моей блузке, и замечаю, что некоторые из них уже расстегнуты. Когда он успел сюда добраться?!

Застегиваюсь. Данил вопросительно смотрит в мои слегка ошалелые глаза. Я стремительно выскальзываю из его объятий и присаживаюсь за стол. Улыбнувшись, пытаюсь перевести все в шутку:

— Дань, присаживайся. Ты прямо выбиваешь у меня почву из-под ног своим напором! — улыбаюсь, — ну, а я предлагаю не торопиться. У меня, кстати, есть вкусный

плов, ты ведь наверняка голоден?

— Да, — он хитро прищуривается, и медленно присаживается рядом со мной, — очень. Но это не про еду.

— Я поняла, — смеюсь, — но пока могу предложить только плов. Любишь настоящий, узбекский?! И овощной салат.

— Пока? — уточняет с обреченным видом.

— Пока.

— А точнее? — продолжает веселить он меня. Вся штука в том, что этого не знаю даже я!

— Зимин, не наглай! — легонько стучаю его по носу салфеткой, — ты же знаешь, как я этого не люблю.

— Знаю, — теперь он тоже улыбается, хоть и выглядит все еще слегка напряженным, — но это и все, чем ты можешь утолить мой голод?!

— Нет, конечно, — заверяю. И тут же начинаю перечислять, — есть еще фрукты, конфеты, кофе... килограммовая банка нутеллы непочатая. Короче, все, что ты найдешь здесь съестного, все твое!

Данил смеется. Проворно перехватывает меня за руку, когда я пытаюсь встать из-за стола:

— Не надо ничего! Просто посиди со мной.

Я смотрю на него. Еще слишком опасно, причем нам обоим. Но кто-то же из двоих должен быть разумнее, значит, придется мне. Без вариантов.

И пусть Зимин чуть поостынет! Его взгляд по-прежнему полыхает жарким огнем, возбуждая в моем теле, как по щелчку, волнующие шевеления тех самых пресловутых бабочек.

Я ловко уворачиваюсь, и перемещаюсь от него подальше, к плите. Включаю телек. Несу какую-то чушь, лишь бы он не заметил, что я периодически «подвисяю» в его присутствии. И чтобы не молчать, конечно же.

— А можем что-то приготовить вместе, хочешь? Говорят, это переводит отношения на новый уровень...

Данил наблюдает за тем, как я бездумно хватаюсь за гейзерную кофеварку и, наполнив ее кофе и водой, ставлю на плиту. Кофе точно не будет лишним.

Он встает и подкрадывается ко мне с плавной, хищной грацией профессионального танцора. С виноватым видом признается, что не умеет готовить.

— Но я хочу готовить с тобой! — тут же оживляется.

Я решаю не мучать его и себя совместной готовкой, и разворачиваю его обратно к столу:

— Ладно, это если закончится плов, а его у нас много! Подожди, пока разогрею, окей? И не смотри на меня так. А то я все роняю. И теряюсь.

Зимин улыбается мне счастливой трогательной улыбкой, вероятно от моего чистосердечного признания, и сдается. Поколебавшись, усаживается за стол. Просто ждет. Просит рассказать, как я живу, и как оказалась в Питере, впрочем, не задавая никаких неудобных вопросов.

Зима умный, он не хочет портить нам свидание.

Он даже не заговаривает о прошлом и не спрашивает, почему я бросила его тогда. Возможно, время этого вопроса однажды еще придет, но это уже не страшит меня.

Я суечусь на кухне, непринужденно с ним болтая. Теперь, когда напряжение между нами немного спадает, атмосфера свидания снова становится волшебной.

Оба голодные, мы радостно поглощаем пищу, заговорившись так, что кофе сбегает. Я вскакиваю, лишь только когда запах разлившегося по плите кофе становится едко-горелым. Бросаю бумажное полотенце прямо в черную жижу, не трудясь убирать сразу, чтобы не потерять ни минутки драгоценного времени.

Возвращаюсь на мягкий диванчик у стола. Мы общаемся как будто ровесники, как будто только что познакомились, и этих последних лет просто не было. Слегка флиртуем, но в меру.

Наевшись, Данил приобнимает меня и внимательно слушает мою болтовню о Питере. Он пахнет свежестью и изысканным парфюмом, который я вдыхаю с наслаждением, а еще, борюсь со своим тайным щенячим восторгом от того, каким он стал.

Зима выглядит очень брутально. В нем как-то резко поменялось все, даже манера речи, ставшая более уверенной, с четкими интонациями. Немного медлительная, но, может быть, это я на него так действую?!

Иногда мы случайно соприкасаемся. Едва дышу. Стараюсь не ерзать, чувствуя его крепкое, словно высеченное из камня, тело так близко. Зимин обжигает меня.

Одинаково зачарованные друг другом, мы долго, неспешно пьем кофе. Время пролетает незаметно. Данил иногда легонько, словно бы невзначай, поглаживает мою руку...

Я незаметно отодвигаюсь чуть подальше, глядя на часы. Скоро рассвет. Как жаль.

Я не готова отпускать его. Переняв "эстафету", расспрашиваю Данила обо всем подряд, и он, с нескрываемым азартом, очень воодушевленно рассказывает мне о главном деле своей жизни.

Слушать его настолько интересно, что когда в телефоне Данила срабатывает звуковое напоминание и оба мы, как по команде, смотрим на часы, у меня шок. 04.55 утра.

Это значит, пора прощаться. «Пацаны» вот-вот подъедут, если они уже не во дворе. Какие-то слова застревают у меня в горле.

Но неожиданно, вопреки законам логики, нас просто притягивает друг к другу и мы еще долго-долго целуемся, не обращая внимания ни на что. В какой-то момент это становится невыносимо.

Я задыхаюсь от того огня, что он мне «транслирует». Пасую перед требовательностью Зимы, отодвигаясь, впрочем, и пытаюсь привести в порядок одежду и мысли.

Телефон Данила настойчиво звонит.

— Мало, очень мало тебя, — глухо, как бы в укор мне, говорит он.

Сбрасывает вызов. Сжимает меня крепко, почти до боли.

— Прилетай ко мне через два дня в Сочи! — хрипло шепчет. Ловит мой взгляд, — давай...

Дрожь по коже.

Голова идет кругом. Я молчу, еще туго соображая после слишком жарких объятий. Но Зимин держит свое слово, не переходя грани дозволенного, хотя, не уверена, что мне намного легче, чем ему.

Он резко придвигается, и начинает горячо убеждать, постепенно наращивая напор. Уверяет, что мне нужно всего лишь сесть на самолет, а все остальное он организует.

Я отрицательно качаю головой. Отпроситься с двух моих работ сразу пока не представляется возможным.

Да и если говорить в целом, наши отношения еще так зыбки и невесомы, что я попросту боюсь идти у него на поводу.

У Данила стабильная гастрольная жизнь, а я должна быть независимой от него, во всяком случае, финансово.

Понимаю, что ему сложнее, но должна ли я прогибаться под его график, вернее, будет ли так всегда? Не может же он без конца приглашать меня в разные города, в разные отели? Не думаю, что это лучшее решение. Однажды мы просто устанем от такой жизни и разбежимся.

И потом, стоит мне уступить один раз, как это покажется ему приемлемым вариантом. Если я буду колесить за ним по стране, то какие перспективы меня ждут?! Нетрудно догадаться, что сначала это будет потеря работы, а затем, как следствие, квартиры.

Я понимаю, что Данька стоит всего и даже больше — для меня это человек, ради которого можно вообще послать все к черту! Но найти не просто новую, а хорошую работу в Питере ох как нелегко, да и моя квартира, и жизнь здесь стоят недешево.

— Пожалуйста, ну попробуй понять меня, — прошу его, — я всегда рада видеть тебя здесь, в Питере! Весь мой отпуск, и все мои выходные теперь твои! Но в Сочи через два дня, увы, никак. Прости...

Зима обреченно кивает, размышляя о чем-то.

— Ладно, разурлим как-то, — реагирует коротко.

Эту безнадегу тяжело переживаем мы оба. Желая хоть немножко утешить Данила, я обнимаю его.

Взгляд его темнеет, но он по-девичьи застенчиво опускает глаза и долго, сосредоточенно помешивает ложечкой невидимый сахар в холодном, давно остывшем кофе.

В воздухе повисает такое напряжение, что хоть ножом режь. Но я, вместо того, чтобы грустить, сижу и улыбаюсь. На ум почему-то приходят строки из стихотворения Сергея Есенина: «...Если б знала ты сердцем упорным, как умеет любить хулиган, как умеет он быть покорным...».

— Что там шкафы твои, не заждались? — спрашиваю у него.

— Кто?

— Секьюрити, — объясняю, и он смеётся.

Наконец-то отлипает от своей чашки, поднимая на меня взгляд внимательных серых глаз. Пожимает плечами.

— Подождут. А ты что, уже торопишься меня выпроводить?! Тош, а дай-ка мне номерок того фаната под подъездом, — вдруг неожиданно меняет он тему.

Удивляюсь.

— Зачем?

— Секрет, — хмыкает.

— Вот еще! Но он был бы польщен.

— Тонечка, я серьёзно!

— Я тоже, — спокойно реагирую, — потому что это как раз тот редкий случай, когда фанат не твой, а мой. Разберусь!

— Но он точно отвалит от тебя?! — сверлит взглядом.

— Точно, точно, — улыбаюсь в ответ.

Этот смешной мальчишеский приступ ревности вдруг поднимает мне настроение, хотя я считаю ревность без причины страшной глупостью. И серьезной помехой в отношениях.

Со вздохом поднимаюсь, чтобы проводить Данила, а иначе так он не уйдет. Никогда. Вот было бы здорово...

Любовь на расстоянии

Антонина

Последующие несколько дней проходят для меня как во сне. Вернее, в сладком горячечном бреде бесконечных переписок и болтовни по телефону.

Для нас с Данилом теперь просто перестаёт существовать разграничение дня и ночи, ведь мы постоянно на связи, 24/7. Но каждый из нас пишет или отвечает, когда удобно, и оба мы терпеливо ждем.

ZIMMA присылает мне забавные видосики своих передвижений по студиям и аэропортам, а однажды даже позвонил с видео прямо во время концерта! И пусть этот звонок длился всего минутку, я успела испытать удивительные эмоции, глядя со сцены в зал, на многотысячную толпу зрителей с высоты поднятой им руки...

Данил Зимин для меня человек уникальный! Постепенно я даже становлюсь абсолютной фанаткой его творчества, просматривая любые записи и клипы при первой возможности.

Вместе с тем, никогда бы не подумала, что быть звёздной подружкой настолько сложно.

Теперь мне постоянно приходится соблюдать осторожность, чтобы не привлечь к себе лишнее внимание. Уж не знаю, связано ли это с Ильей, но уже на следующий день после той встречи я натолкнулась в нашем дворе на девушку-репортера и парня с большой профессиональной видеокамерой.

Они вежливо, но весьма настойчиво расспрашивали местных о недавнем появлении здесь ZIMMA.

Оправившись от первого шока, я быстро сориентировалась и просто отмахнулась от расспросов навязчивой журналистки.

Честно признаться, я дико боюсь публичности. Но поняла это только сейчас, увидев перед собой, что называется, воочию этих ищущих «жареных фактов» людей.

Как Данил живет с такой публичностью?! Должно быть, очень непросто. К этому невозможно привыкнуть, можно только смириться.

К слову, думаю, что из числа его безумных фанаток наверняка бы нашлась парочка желающих придушить меня, всплыви информация о нас наружу. А может быть, даже и не парочка.

Так или иначе, но события последних дней неминуемо отразились на моей работоспособности, а еще, на внешности. Я стала вялой и рассеянной, перманентно погружённой в себя девушкой с тёмными кругами под глазами.

Теперь я редко сплю даже в те немногие часы, которые остаются мне в сутках на отдых. И часто просто лежу в своей постельке, глупо улыбаясь или грезя наяву.

Переписываюсь с Данилом, перечитываю полотна наших переписок, много думаю о нас, прекрасно сознавая, насколько это глупо, и даже опасно, так «погружаться» в человека!

Ну и пусть! Я не собираюсь жить и «любить его» по кем-то и когда-то придуманным правилам. Разумным, да. Возможно, я сгорю как мотылек в огне по имени ZIMMA, но это будет красивая смерть.

А может, нет, и нас ожидает сказочное будущее?!

В любом случае, если я в ближайшее время не успокоюсь, то меня банально уволят. Но

как это сделать, успокоиться и сосредоточиться?

Есть вариант, конечно, перейти с ним на новый этап, уступив жгучей страсти. Тогда наши чересчур яркие обоюдные эмоции неизбежно видоизменятся, и возможно, поблекнут, а возможно, станут глубже. Кто знает?

И кто бы смог сказать мне, как сохранить наш роман с ZIMMA втайне от этого мира?!

Данил

«Предлагаю увидеться в воскресенье!», пишу Тонечке. Тут же, со смайлом добавляю: «В Питере!».

Вот так. В это воскресенье мне придется смотаться в Таллин, но зато в тот день больше никакой обязаловки.

В Таллинский спецмагазин музыкальных инструментов по нашему заказу прибыло кое-какое студийное оборудование, и Вирмантас напряг меня тем, чтобы перед отправкой в Москву все проверить лично.

А из Таллина до Питера всего-то триста километров по прямой, ну, с небольшим хвостиком! Фигня вопрос, если ехать быстро.

Это я умею.

Трясемся сейчас в автобусе на концерт в Тулу. Парни посмеиваются оттого, что я нередко сижу подолгу один в каком-нибудь глухом закуточке, и улыбаюсь своему телефону.

Для них, конечно, без повода. Такого раньше не бывало.

Счастливым, спешу прочесть прилетевший ответ, и ох...ю. «Извини, но в пятницу не смогу». Печальный смайл.

Шта?! Это, типа, женские штучки? Дразнит меня, заводит посильнее или возбуждает внимание, которое и без того зашкаливает?

Грущу. Тоня итак ничего не позволяет мне в плане нашего сближения, так еще и от свиданий будет через раз увиливать?!

«Почему?», пишу.

А мне так хотелось помечтать вместе! Мечтаю сам. Откидываюсь на мягкую спинку сиденья поудобнее.

Так, бунгало закрытого типа. Солнце, океан, песок, и мы. Загорелые, голые, счастливые. Голые...

Дальше мысли ожидаемо принимают все более яркий и порнушный оборот, от которого меня отвлекает только звук нового смс на телефоне.

Надеюсь, у нее там несерьезная причина, которую легко устранить при желании!

«Дань, в воскресенье вечером у нас корпоратив на радио. А днем основная работа. Ты, как очень занятой человек, думаю, понимаешь».

И смайлики.

Нет. Не понимаю! Меня дергает от досады.

Чувствую неконтролируемую ревность и жалкую беспомощность что-либо сделать или сказать.

Можно ли уговорить ее каким-то образом бросить работу и корпоративы? Уговорить переехать ко мне в Москву?

Когда-то однозначно да, но сейчас вряд ли.

Нихрена. Я не хочу выглядеть авторитарным и неадекватным. А то еще соберет чемоданы и ищи ее потом!

Ладно, надо дать Тоне время, хотя бы какое-то.

Я полон горечи. Любая другая давно бы уже «развела» меня и на полное обеспечение, и на Москву! Но только не она.

Привычный ждать ее, я буду ждать дальше. Хотелось бы не слишком долго, но по сути, время мало значит для меня.

«Давай в какой-то другой день?», читаю.

Задумчиво кручу телефон в руках пару секунд.

«Давай», отвечаю ей уныло.

Между тем, ко мне уже потихоньку «стекаются» парни из команды.

«Ты не обиделся?»

«Нет»

— Зима, тут Юрий Шмильевич кинул тебе на почту каверы с новой аранжировкой! Посмотри, а, — просит Тоха.

На автомате тянусь за планшетом. Открываю по одной все кавер-версии, думая только о ней.

А ведь хорошая мысль, если бы Тонечка согласилась переехать ко мне как можно раньше! Многие вопросы отпали бы сами собой. Да и отношения наши значительно бы продвинулись.

Какой смысл оттягивать то, что рано или поздно произойдет?! Сколько нам еще держаться за ручки как школьники?

Или мне что, выпрашивать каждый поцелуй, каждую встречу?! Ведь бред же. Жить на два города это неправильно...

— Зима, че скажешь? Нормально загрузилось? — кружит надо мной Тоха.

С удовольствием отсылаю его со всем этим на потом, как раз под предлогом того, что ни хера не загрузилось.

Я просто не способен сейчас заценить эти каверы. Кладу планшет и снова удобно откидываюсь на сиденье, скрестив руки над головой.

Смотрю в окно. Если подобрать правильные слова, и выбрать момент, то все получится! Улыбаюсь.

Ну а что?! Тоня могла бы ездить потом со мной на гастроли, как, к примеру, горячо любимая жена дедушки русского рока Владимира Кузьмина.

Шила в мешке не утаишь! Однажды все о нас узнают. О том, что мы вместе.

Или родили бы бэбика, а может, и не одного!

Я даже замираю на минуту, пораженный гениальностью этого плана.

Я ведь не брошу музыку, даже ради нее. Иначе нам будет не на что жить, в рай в шалаше я не верю, да и вообще, музыка это мое призвание!

Тонечка говорила что-то об образовании, чисто по-учительски. Я ведь и не против поступить куда-нибудь, только по своему профилю, но уже сейчас зарабатываю в десятки, в сотни раз больше так называемых образованных и интеллигентных. Разве учатся не затем, чтобы зарабатывать?

Итог — нах нам эта любовь на расстоянии?!

Я все больше понимаю, что у нас серьезно. Это накаляет меня. Не откладывая, пишу: «Тонечка, я люблю тебя. А ты?»

«Я тоже», приходит ответ.

Радуюсь. Решившись, пишу дальше: «Переезжай ко мне, пожалуйста, в Москву!»

Жду. Голову кружит от распирающих меня сейчас всего положительных эмоций.

Сердце частит. Ну же?!

Кто-то подходит ко мне, что-то спрашивает, отвечаю. А ответа от Тони нет. Что ж так долго?!

Становится ясно, что она просто занята. Время-то рабочее. Я беру с нее пример, хватаясь за планшет. Подзываю Тоху к себе поближе, открываю почту от Юрия Шмильевича и начинаем работать.

Но для меня это не работа, а, на самом деле, удовольствие. Точно, что если найдешь занятие себе по душе, то не придется работать ни дня в своей жизни!

Мысли о Тонечке упорно крутятся в голове, в сердце, но я почти спокоен.

Не может же она вот просто так, безосновательно отказаться от такого прекрасного плана?!

Конечно, нет.

Я что, не найду ей тут работу на радио, если это так нужно? Да легко.

Телефон вибрирует входящим сообщением. Бросив планшет и Тоху, читаю: «Спасибо за предложение. Но это не телефонный разговор...».

От смс веет холодом, но меня бросает в жар. Набираю ее — сбрасывает. Пишет, что на работе, и извини. Гм. Ну, ладно, ясно!

Нежно пишу ей в ответ, что соскучился. Усмехаюсь, и по-девичьи щедро насыпаю в смс сердечек и поцелуйчиков. Красиво...

Преступление

Антонина

Ох, и денек сегодня выдался! Катастрофически задержавшись на основной работе, я прибегаю домой с «языком на плече» и твердым намерением не опоздать на сегодняшний радиокорпоратив.

Тем не менее, долго и придирчиво изучаю свой распахнутый настежь шкаф. Что на такие мероприятия обычно надевают эти креативные творческие люди?! Хотя, с учетом того, что это будет ночной клуб, вряд ли они там чем-то отличаются от людей нетворческих профессий.

Поэтому я решаю не слишком заморачиваться и, перекусывая по ходу дела песочным печеньем, выбираю вполне симпатичную блузку черного цвета с прозрачными вставками.

Раскладываю ее на гладильной доске и начинаю аккуратно отпаривать. Блузка абсолютно не офисного вида, но строгого кроя, и вместе с тем, струящаяся ткань и одно оголенное плечо делают ее интересным, очень даже «клубным» вариантом.

Под нее подбираю бюстгальтер телесного цвета и чёрные обтягивающие брючки в тон. Нахожу на верхней полке стеллажа в прихожей давно забытую коробку с красивыми туфлями на высоких тонких каблуках, а еще, новый клатч, густо усеянный мерцающими серебристыми пайетками.

Пожалуй, в комплекте будет самое то.

Жаль, что меня не увидит Данил. Или увидит? Весело одеваюсь и бегу к большому зеркалу, там критически осматриваю себя. Идеально.

Быстро поправляю волосы и макияж, а потом делаю селфи. Отправляю Данилу, и смотрю на часы. Времени в обрез!

Молниеносно выпиваю на кухне чашку шоколадного молока, чтобы немножко приглушить голод, и вызываю такси. Все равно приготовить и съесть что-то по-человечьи я уже не успеваю.

Обуваюсь в прихожей, перекладывая из сумки в клатч только самое необходимое — телефон, ключи, кошелёк. На всякий случай, сую еще пару купюр в карман брюк. Визитку-пропуск Мискарьянца туда же.

Мне звонит подъехавший к подъезду дома таксист, и одновременно с этим приходит оповещение о новом сообщении. Ответив на звонок, читаю смс от Дани. Расплываюсь в улыбке. Ага, впечатлен!

Ну, пусть поревнует. Он прислал для меня коротенькое видео из зала ожидания в Шереметьево — через полчаса у него рейс в Вильнюс.

В видео Дания просит меня много не пить и вести себя прилично, а еще, на пару секунд поднимает телефон вверх, показав всю свою «команду» и зал.

Довольная, стараясь не споткнуться в этих туфлях на ходу, я пересматриваю видео еще раз, и отправляю ему много-много сердец.

В такси тоже записываю для него коротенькое видео, но без слов, просто улыбнувшись в камеру. Просмотрев его и удовлетворившись, отсылаю.

Наконец, такси привозит меня ко входу в искомый ночной клуб «VELVET». Он расположен далеко не в центре, но и не на окраине. Раньше я никогда не бывала здесь, но

что-то точно о нем слышала.

Пока поднимаюсь по ступенькам, в памяти всплывают какие-то смутные обрывки информации о клубе, и мне уже почему-то кажется, что он ориентирован на людей нетрадиционной сексуальной ориентации. Ну, или еще с какой спецификой.

Впрочем, неважно. Захожу внутрь. Пройдя пару «кордонов» с охраной, протягиваю одному из охранников визитку Мискарьянца и задаю вопрос о месте проведения корпоратива радио «Питер плюс FM».

Замечаю неподалеку что-то вроде отдельной рецепции, на которой жирным выделено: «VIP зона». Туда-то меня и направляют.

Я долго бреду извилистыми и запутанными коридорами.

Внутри клуб устроен несколько странно — его разветвления напоминают мне пчелиный улей. Здесь совсем малоллюдно, но, скорее всего, это из-за того, что время не позднее. Для ночного клуба, тем паче.

Я радуюсь, что мероприятие будет проходить в закрытой зоне, а значит, там будут только «свои».

Приходит смс от Данила, приостанавливаюсь, чтобы прочитать. Он проявляет трогательную заботу, интересуюсь, на месте ли я и все ли в порядке.

Отвечаю и уже не прячу телефон в клатч — а вдруг что. Если не сориентируюсь, придется звонить Елке или кому-нибудь еще с работы.

Вообще, немного странно. Я иду по коридору вдоль рядов дверей, по типу номеров в гостинице. Могут ли там быть банкетные залы?! Ну а почему нет.

Охранник называл мне цифру, до которой я все никак не могу добрести, и сейчас сама себе напоминаю Алису, упавшую в кроличью нору и отчаянно ищущую входы и выходы.

Признаться, этот квест не самое приятное занятие после нелегкого рабочего дня.

Здесь тихо. Музыка из основного зала почти не слышна, а мои тонкие каблучки утопают в густом ворсе напольного покрытия так, что кажется, будто я ступаю беззвучно.

Весь интерьер вокруг меня выдержан в спокойных, золотисто-песочных тонах, это приятно расслабляет и успокаивает. Мелькает мысль сделать для Дани еще фотку себя любимой, но я быстро отметаю ее как глупую.

По счастью, здесь сегодня будет Ёлка, а это значит, что на корпоративе мне не будет слишком нудно!

Мне вдруг становится интересно, прибыла ли она уже сюда, поэтому, не сбавляя шагу, пишу ей смс.

Чуть не врезаюсь в какую-то случайную, открывшуюся дверь, из которой выскальзывает местный «шкаф». Судя по всему, охранник, но проходя мимо меня, он проходит и сальным взглядом по моей фигуре.

Я игнорирую мерзкого нахала, про себя изумляясь, как они вообще его здесь держат, такого хамовитого. Охранник с бейджем на пиджаке ухмыляется, как ни в чем не бывало, и держит дальше свой путь.

Стараясь забыть об инциденте, я болезненно морщусь и ускоряю шаг, пока не дохожу, наконец, до двери под номером девятнадцать.

Вхожу, машинально прикрыв за собой дверь. В уютно меблированном зале с горящим камином и роскошными светильниками на стенах царит абсолютная тишина.

Тут пусто, ни одного человека. И не похож этот зал вовсе на помещение для проведения корпоративов, а больше на холл какого-нибудь дорогого гостиничного номера...

По коже пробегает неприятный холодок, когда мой телефон мелодично звякает у меня в руках, оповещая о входящем сообщении. Открыв, читаю ответ Ёлки: «Какой ещё корпоратив?!»

Очевидно, что произошла какая-то ошибка.

Поленья в камине весело потрескивают, выводя меня, наконец, из ступора. Встрепенувшись, я стремительно разворачиваюсь по направлению к выходу, но как раз в этот момент улавливаю тихий шелест откуда-то сбоку.

Я поворачиваюсь на этот звук, и замираю от ужаса. Из открывшейся двери комнаты, бесшумные как тени, выходят трое обнаженных мужчин в масках.

Их лиц почти не различить, но крепкие, густо поросшие чёрной порослью волос торсы и то, что находится пониже, приводит меня в неопиcуемый шок. Я молча бросаюсь к входной двери, но вижу, как один из них опережает меня.

Кладет на ручку двери свою волосатую лапу с явным намерением никуда не выпускать. Застываю на месте, слушая, как он щёлкает несколько раз внутренней задвижкой.

Меня прошибает холодный пот. Происходит какой-то сюр, мне кажется, что все это страшный сон, и я вот-вот должна проснуться.

— Ну, здравствуй, зайчик, — произносит один из них с легким кавказским акцентом, — раздэвайся.

Я сначала пячусь, обезумев. Затем, скользнув взглядом по помещению, замечаю распахнутую дверь в спальню. Они не шутят.

Хочется что-то сказать им, уточнить или извиниться, попросить не трогать меня, но я не могу произнести ни слова. Даже мне становится понятно — в этом нет смысла.

Абсолютно не спеша, посмеиваясь, они мягко, словно хищные кошки, приближаются ко мне с разных сторон. Сужают кольцо, похоже, получая, какое-то садистское удовольствие от неторопливости своих действий.

Я действую, не раздумывая. Бросаю клатч в сторону камина одним резким движением, и они дергаются, машинально поворачивая туда головы.

Воспользовавшись их секундным замешательством, не оборачиваясь, бегу.

Минуя комнату с кроватью, залетаю в первую попавшуюся дверь. Тут мне везёт — за ней оказывается санузел, да ещё с защёлкой в двери!

Я закрываюсь ровно секундой раньше, чем в нее начинают ломиться мои преследователи. Если до этого момента мой ступор их, очевидно, только забавлял, то сейчас они взбешены по-настоящему.

Дверь в санузел сделана то ли из ДСП, то ли из дерева, но производит впечатление массивной. Теперь эта звериная масса извне ломает ее, громко матерясь и крича мне «Открывай, с. ка!».

К счастью, я не успела положить телефон обратно в клатч и теперь он все еще крепко зажат в моей взмокшей руке.

Я разжимаю пальцы и заставляю себя глубоко вдохнуть, перед тем, как набрать Ёлку. Силюсь вспомнить, по какому номеру звонить в полицию, и не могу.

Ловит ли тут мобильный интернет, чтобы поискать номер, и как быстро полиция приедет ко мне на выручку?!

Спасение утопающих, как известно, дело рук самих утопающих.

Я слушаю, как «голыши» сотрясают эту не самую надежную дверь — единственное препятствие между нами, и слушаю длинные, очень спокойные гудки в трубке.

— Тонь, привет, ты где? — откликается она, — какой, в пень, корпоратив?!

— По... помоги мне, пожалуйста. Ёлка, — трясусь как осиновый лист.

Дверь хрустит и содрогается, треснув в нескольких местах сразу. Я тут же отскакиваю от нее подальше. Прокашливаюсь.

— Я в клубе «VELVET», в вип зоне, номер девятнадцать! Позвал Мискарьянц. Меня хотят изнасиловать, я закрылась в туалете. Позвони в полицию, — выпаливаю на одном дыхании.

Выслушав, она коротко реагирует:

— Поняла! Я тебя спасу.

Бросает трубку. Я роняю свой телефон тоже, осматриваясь в поисках хоть чего-нибудь для обороны. Мягко говоря, я не боец, это понятно. Понятно также и то, что мои шансы против них крайне малы, чтобы не сказать — их нет вообще.

Но, если я найду хотя бы что-то, то живой не дамся, во всяком случае, в сознании!

Задерживаю свой взгляд на высокой, встроенной в стену до самого потолка душевой кабине, и в мою голову приходит спасительная мысль.

Я скидываю туфли и босиком бегу к шкафчикам. Молниеносно выдвигаю по одной все полочки, но в них только мыло, щетки, прокладки и презервативы. Какие-то тюбики с жидкостью, напоминающие лубриканты или мази. Игрушки для взрослых...

Дверь сотрясается очередным мощным ударом. В образовавшееся крупное отверстие просовывается мужская рука и пытается нашарить защелку.

Соображать приходится быстрее. Я выдергиваю длинный туалетный ёршик из его чаши, которые нахожу за унитазом. Ерш на тонкой металлической ножке, но выглядит довольно прочным.

В любом случае, ничего другого у меня нет! Поднимаю свой телефон с пола и запрыгиваю внутрь душевой кабины. Закрываю за собой стеклянные раздвижные двери, и фиксирую их при помощи ерша изнутри очень вовремя.

Потому что этот момент рано или поздно должен был наступить, и он наступает — «голыши» гурьбой вваливаются в помещение.

Забаррикадировавшись, я вцепляюсь в ручки дверей душевой кабины и в эту металлическую ножку крепко, до боли в суставах. Молюсь.

Смотрю сквозь толстое декоративное стекло на безликие жуткие маски и голые тела. Они застывают на какое-то время, разглядывая меня в моём укрытии. Ржут. Эти человекообразные определенно под кайфом, или просто психически больные!

— Вах. Оччень пэрэпуганный ципленок! Виходи давай, ципленок, — угрожающе начинает один, метнув мой туфель в стекло куда-то в область головы, — чут чут пощипаем, и отпустим.

Отрицательно мотаю головой.

— Разобьём стекло нах! Кровью истечешь, — обещает второй, — выходи сама. А то хуже будет.

Естественно, только крепче сжимаю ручки дверей. Они, конечно, понимают, что я держу их изнутри не просто руками, видят ерш, но делают попытку раздвинуть дверцы. Безуспешно!

Двое из них тараторят о чем-то на своем языке, который не понимаю, и только третий по-прежнему не издаёт ни звука. Я пристально присматриваюсь к нему, холодея.

Понимаю — передо мной Мискарьянц, если судить по росту и телосложению. Гашу в

себе очередной приступ паники, раздумывая, как бы мне обернуть это знание в свою пользу.

Мне во что бы то ни стало нужно потянуть время до приезда полиции.

— Извините, здесь какая-то ошибка, — говорю громко, стараясь, чтобы мой голос звучал поувереннее, — я не проститутка! Я зашла сюда случайно!

Они снова ржут, мерзко цокая языками. Говорят о том, что я забавный цыплёнок, но их терпение на исходе.

— Ми ждали именно тэбя, циплёнок. Виходи.

— Отпустим цэленькую, — прибавляет другой, дергая двери в очередной раз. Конечно, ни секунды им не верю.

Молчу.

— Глюпый ципленок! Нэправильный ответ! — он с силой лупит ногами по дверям, но я не сдаю свой последний форпост.

Пусть даже он и вправду разобьет сейчас дверь в осколки, я держу их так, как будто там, сразу за ними — смерть. Впрочем, для меня так оно и есть.

— А я вас узнала, Герман Валентинович! — продолжаю, перекрикивая шум от их возни как ни в чем не бывало, — но вы кое-чего не знаете обо мне.

Движение за дверью на секунду прекращается. «Ряженные» замолкают.

— Мой отец работает в питерской полиции! И поверьте, он жизнь потом положит на то, чтобы найти и наказать каждого из вас, — вру отчаянно и самозабвенно.

— Ну и кто у нас отэц?! Где работает? — следует вопрос.

— В киберполиции, — отвечаю.

Тут, главное, без долгих пауз, но я просто не смогу вот так сходу назвать конкретное управление или даже любое районное отделение. Поймать меня на лжи в таком случае местному будет легко, а вот о киберполиции можем поболтать. Как раз до приезда реальной.

— Дедов в кибэр полиции нэ бивает, — выдаёт один из голышей, и тут они как-то резко налегают на душевую вдвоём сразу. Дверцы трясутся под их напором. Я — тоже.

— Хотите проверить?! — кричу, налегая на них со своей стороны, не давая разлепить дверцы и ершиком, и руками. Он вдруг с сухим треском ломается, рассыпаясь на две неравные части.

Но мои палачи не замечают этого. Переключают всю свою большую мощь на стекло одной из дверей в попытке разбить его чем-то вроде стакана для зубных щёток.

— Вам это с рук не сойдет, Герман Валентинович! Еще не поздно остановить преступление! — пытаюсь перекричать я жуткий шум, — подумайте...

Побелевшими пальцами, со всей мочи впиваюсь в эти несчастные, шатающиеся ручки, намереваясь держаться до последнего. Очевидно, Мискарьянц не выдерживает этого жесткого зрелища первым.

— Все, хватит, — слышу я его глухой голос, и это останавливает их.

Пока они переводят дыхание, сжимаю зубы покрепче, чтоб не стучали от ужаса так сильно. Сердце бешено колотится в груди.

Мой обман с ершиком пока остается нераскрытым.

— Выходи, Тоня, — вкрадчиво обращается ко мне Мискарьянц.

Упорно стою на месте, замерев и вслушиваясь в то, что он скажет дальше.

Так. Спокойно, без паники! Они уже вступили со мной в переговоры, значит, не совсем обдолбанные.

Значит, надо продолжать, надо требовать гарантий, сделать вид, что я готова выйти

сама.

— Мы отпустим тебя! Уйдёшь домой. Сама, своими красивыми ножками, — произносит он спокойно и внятно.

Я снова вглядываюсь в эти велюровые маски, скрывающие злобные рожи, в обнаженные тела с покачивающимися членами, и мне очень хочется закричать, чтобы они сами убрались отсюда к чертям собачьим!

Вместе с тем, понимаю — это просто мои эмоции. Они не уйдут по-честному.

— Дайте подумать, — говорю.

Сглотнув, снова беру себя в руки, мысленно повторяя как мантру: «Скоро сюда приедет полиция».

Скоро. Но что, если нет?! Липкий холодный пот медленно струится по моей спине. Время сейчас кажется вечностью.

— Какие гарантии, Герман Валентинович?! — пытаюсь «торговаться» ослабевшим голосом.

Стою под дверьми, не двигаясь, и демонстративно держа поломанный ершик как целый. Они ничего не замечают.

Разбивать огромную душевую кабину в голом виде не очень-то удобно, эти люди и сами могут пораниться. Да и силенки, видимо, все в одном месте сосредоточены — они отнюдь не выглядят атлетами.

С такими жирными животами и тонкими руками без топора или тяжелого лома просто так кабинку не снести.

Если в этом аду и было безопасное место, то это именно оно, и мне посчастливилось угодить именно сюда. Но как долго еще я смогу держать оборону?

И почему они молчат?!

— Вихади, цыплёнок, — злобно шипит один из них, — я щас сам убью тебя нах...

А затем происходит невероятное.

И наказание

Антонина

По одному, в санузел заходят люди в черной спецформе, в берцах, в балаклавах, и с оружием в руках. Не в силах поверить в увиденное, я молюсь только о том, чтобы это были полицейские.

Ну не похожи они на обычных ментов, прибывших, да так быстро, по вызову! Это некий специальный отряд быстрого реагирования, ясно даже мне. Что происходит?!

Хотя, не все ли равно, кто прекратит это адское действие поскорее.

Вошедшие быстро и практически без шума кладут на пол голых. Происходит небольшая возня, но вот уже бойцы спокойно выводят их в наручниках в ту комнату, которую я условно окрестила гостиной.

Я вздрагиваю, когда к душевой подходит один из тех, что в балаклавах:

— Девушка, выходите.

Он обращается ко мне тихо и уверенно. Я послушно роняю ерш и, аккуратно разминая затекшие от напряжения пальцы, открываю створки дверей. Только сейчас замечаю, что глубоко расцарапала одним из острых краев ершика ладонь.

Оттуда прилично сочится кровь, но я, зажав ранку другой рукой, медленно и осторожно выхожу наружу.

Одна из дверей тут же с грохотом разваливается на куски прямо под моими босыми ногами. Я подпрыгиваю от неожиданности, а невозмутимый боец и ухом не ведет.

Дождается, пока доковыляю до него, и довольно бесцеремонно разворачивает меня к стенке, спиной к себе. Обомлеваю, но не сопротивляюсь, пока он быстро обыскивает меня. Отпускает.

— Предъявите удостоверение личности, — требует будничным тоном.

Обычно паспорт при мне всегда. Я вспоминаю, где оставила клатч, и объясняю это бойцу. Мы идём искать мою маленькую сумочку вместе. Находим ее на полу у камина.

Осмотрев при мне содержимое клатча, боец изымает паспорт. Затем подводит к сидящему на стуле мужчине в штатском, задумчиво созерцающему жалких, сгрудившихся на диване напротив него «гольшей».

Я сразу понимаю — он здесь главный. С отвращением смотрю на своих мучителей уже без масок и, по-прежнему, без трусов, пока боец кладет перед главным мой паспорт на ворох каких-то других документов, по-видимому, принадлежащих преступникам.

Мужчина переводит заинтересованный взгляд на меня, и сходу задаёт вопросы. Он просит назвать мою фамилию, имя, отчество и объяснить, с какой целью я, собственно, здесь нахожусь.

Несмотря на крайнее волнение, отвечаю ему спокойно и по сути.

Мискарьянц теперь даже не смотрит на меня, пряча взгляд. Тем не менее, кавказцы все еще пытаются сохранять независимый вид перед группой захвата. Но у них это откровенно слабо получается.

Я слышу, как им задают вопросы о наркотиках, и вижу, как перетряхивают их личные вещи.

«Главный» медленно, чуть не по слогам перечисляет им какие-то, то ли имена, то ли

прозвища, ожидая реакции. Но кавказцы впадают в ступор и все отрицают. О попытке изнасилования, как ни странно, речь не идет.

Я тихо сижу в своем углу, горя одним желанием поскорее уйти отсюда.

Наконец, на меня обращают внимание. Проверив на непонятном оборудовании все мобильные телефоны, включая и мой, «главный» спрашивает кавказцев обо мне.

— Да ми просто пашутили, господин начальник, — с добродушной улыбкой принимает один из них «огонь допроса» на себя. Остальные согласно кивают ему, как китайские болванчики, — дэвочка сам пришёл!

В изумлении, я немедленно встречаю в их диалог, добиваясь ясности. Объясняю, что пришла на корпоратив по приглашению своего начальника, а тут такое. Мискарьянц багровеет, но я называю «главному» и радиостанцию, на которой мы оба работаем, и его должность. Страна должна знать своих героев!

Хотя, уверена, что личность Мискарьянца, как и моя, уже давно ими установлены.

— Это был просто дружеский розыгрыш, — без эмоций подтверждает он, — действительно, моя сотрудница. Но девочка не изнасилована. Можете проверить!

Теперь уже багровею я.

— Но была бы, — так же спокойно резюмирует мужчина в штатском, разглядывая меня в упор, — весьма пикантные у вас розыгрыши, Мискарьянц. Может, и нам вас разыграть как-нибудь?

Тот меняется в лице.

— Огромное вам спасибо за спасение! — не сдержавшись, говорю я.

Нервы мои уже ни к черту, но, благодарение Богу, напряжение потихоньку начинает отпускать.

— Фактажа нет, командир, — аккуратно продолжает настаивать на своем Мискарьянц.

— Ты мне дурочку тут не включай! Не люблю этого, — перебивает его «главный», и мой вероломный программный директор трусливо замолкает, — ладно, считай, что с девочкой пока закончили. Но разговор о наркоте только начинается. И больше от меня поблажек не жди!

Он кивает кому-то из своих, и на стол перед ним тут же ставят обычный с виду, черный чемоданчик.

Я должна на это смотреть?! Неужели Мискарьянц еще и наркоман?!

Впрочем, чему я удивляюсь. Такое «голое» представление, не считая, собственно, самой попытки группового изнасилования, можно давать только под кайфом!

Тут меня неожиданно поднимают и, к большому моему облегчению, отдают паспорт и личные вещи.

Кажется, главный ждет только, когда меня выпроводят, чтобы продолжить допрос. Он коротко говорит мне на прощание, что теперь какое-то время мне нельзя покидать Питер, а также нужно оставаться на связи. Мне могут позвонить и вызвать для дачи свидетельских показаний.

Я без второго слова диктую свой номер телефона одному из оперов, проводившему меня до самых дверей номера. Записав, он любезно открывает передо мной дверь:

— Вас мы больше не задерживаем.

— До свидания, спасибо, — говорю, обращаясь к нему и ко всем сразу. Закрываю за собой дверь.

В целом, своей манерой поведения и даже немножко внешне «главный» напоминает

мне полковника Нечаева из фильма «Бой с тенью». Ассоциация мне нравится, но встретиться с этим матерым ментом мне бы не хотелось больше никогда.

Чуть-чуть выдыхаю. Бреду по длинному коридору, спотыкаясь как пьяная. По пути не встречаю ни души, ни одного человека даже из персонала клуба, которые, видимо, притаились где-то по норам как мыши.

В отличие от этой, будто вымершей VIP зоны, в основном зале гораздо более многолюдно. Возле выхода из клуба ко мне даже начинает клеиться какой-то парень, что вызывает почти физическое ощущение тошноты.

Глядя сквозь него, я молча выхожу на парковку и ловлю такси. Он быстро отстает.

Звоню Елке прямо из такси.

— Ну что ты, мать, жива?! — радостно отзывается она после первого же гудка, — Леха сказал, вроде все обошлось. Успели.

— Леха, кто это?

— Брательник мой, — объясняет, — он опер в Управлении по борьбе с наркотиками.

Делает паузу, поколебавшись немного, и продолжает:

— Только никому, ладно?! Есть один секрет. Он научил меня когда-то как правильно звонить из телефона автомата, и что сказать, чтобы группа захвата выехала сразу. Ну, это вообще-то для очень критической ситуации в жизни. Как у тебя.

— То есть, — медленно соображаю я, — типа наркота, или что-то связанное с этим, что их может заинтересовать?!

— Да. Но заинтересовать их можно только специфической информацией, которая простым обывателям не известна. Но мыслишь ты правильно! Они приезжают куда раньше обычных ментов, да еще шмануют будь здоров всех, кто попадетсЯ.

— Ого, — выдыхаю, — Танюш. Спасибо тебе это звучит... слишком просто! Ты мне жизнь спасла...

— Спасибо за хорошее дело это много, — перебивает, — будет мне плюстик в карму!

Усмехается.

— Правда, шеф Алексея тоже выехал, это чревато последствиями, но будем надеяться... я, знаешь, рада, что хоть кто-то прищемит нашего за яйца! Как ты туда попала вообще?! У нас же все в курсе, что он творит в «Вельвете» с телками. Ты не знала?

— Да откуда?! — теряюсь, — он ведь меня пригласил на корпоратив туда, понимаешь? Я ж ни сном, ни духом. Вроде бы как там весь наш радио коллектив должен был собраться...

— Лично пригласил? — недоверчиво переспрашивает она.

— Лично, — подтверждаю упавшим голосом, — в кабинете, через Меланию свою. О повышении говорил. Ну дура я, да!

— Вооот, — тянет Елка, — он-то, наверное, подумал, что ты не против, раз он озвучил...

— Да клянусь тебе, он говорил со мной без всякого подтекста! — взвиваюсь, — во всяком случае, я ничего такого не заподозрила.

Мой запал потухает так же быстро, как и возник:

— Но вообще я дура, Тань. Значит, именно об этом и подумал! Но такой жести я не видела даже в фильмах — вышли голые кавказцы в масках, и я только чудом сбежала в санузел, оттуда звонила тебе, держала оборону до последнего... короче, до сих пор трясет.

В трубке повисает недолгое молчание.

— Водка, коньяк есть? — мягко спрашивает она, — выпей. Или капельки какие

успокоительные. Короче. Ты в Питере, детка, а в Питере нельзя быть наивной! Мелания тоже, если не ошибаюсь, в «Вельвете» побывала, а до того трудилась у нас прекрасной уборщицей. Будь поаккуратнее в следующий раз.

— Ага, если доживу до следующего раза, — бормочу, — Алексею своему, кстати, передавай от меня огромное спасибо! Реально спасли, ребят. Это он, что ли, меня до двери из номера проводил?!

— Нет, он к тебе не подходил даже. Вообще, из-за шефа понервничал за ложный вызов, но нет худа без добра! Эту жирную грузинскую задницу хоть потрясут немножко, — произносит злорадно, — Мискарьянец извращенец, это все знают.

Я помню, что у нее с моим бывшим начальником взаимная неприязнь. Бывшим, потому что ни за что на свете не собираюсь возвращаться к работе на «Питер плюс FM», пока Мискарьянец там программный директор, во всяком случае.

Вскоре мы заканчиваем разговор. Очухиваюсь только дома. Как раз в тот момент, когда я пытаюсь вставить ключ от квартиры в замок, звонит Даня.

Запоздало замечаю от него пару незамеченных мною смс. Как назло, кровь с руки снова начинает течь от неловкого движения. Морщусь, и сбрасываю вызов.

Все потом! Я просто не смогу сейчас жизнерадостно врать о том, что все хорошо, или прикидываться равнодушной. Даня почувствует фальшь, я знаю.

В квартире первым делом сбрасываю с себя всю одежду, засовываю ее в стиральную машинку и встаю в душевой поддон. Откручиваю воду, сделав ее погорячее.

Согреваюсь и успокаиваюсь понемногу под струями воды, смочив лицо и голову, вымыв волосы шампунем. Тщательно намыливаю тело от макушки до пят, пытаюсь смыть с себя стресс и все плохие мысли...

После долго стою в мокром поддоне душевой кабины. Вытираюсь насухо. Завернувшись в широкое банное полотенце, торопливо пишу Данилу смс о том, что у меня все окей и созвонимся завтра.

Мне не нужно его сочувствие! Я не готова рассказать ему о том, что случилось, да и не вижу в этом никакого смысла.

Плечусь на кухню, достаю аптечку. Обрабатываю и туго забинтовываю ранку на руке, а по лицу текут неконтролируемые горькие слезы. Они от жалости к себе, я знаю. Но не знаю, как мне остановить это.

В голове вдруг молнией мелькает мысль о работе на радио. Метнувшись в спальню, я начинаю лихорадочно искать в тумбочке среди бумаг свой трудовой договор с радиостанцией. Грозят ли мне какие-либо штрафные санкции за невыход на радио, за досрочное расторжение договора в одностороннем порядке? Это должно быть прописано там. Нахожу его, вчитываюсь, ищу...

Но снова звонит Данил, и строчки начинают «прыгать» у меня перед глазами. И снова я малодушно не готова ответить.

Потому что нос заложен от слез, а сама я двух слов не свяжу, да и не хочу связывать. Мне ли сейчас говорить о любви?

Задумываюсь. Что стало бы с моей жизнью дальше, если бы мне не пришли на помощь, если бы разрядилась батарея на телефоне или Елка не ответила, если бы... Смогла бы я строить отношения с Даней Зиминим дальше?! Едва ли.

Бросив контракт, я выключаю везде свет и забираюсь под одеяло. Внезапно, как последствие стресса, на меня наваливается дикая усталость. Хочется только одного —

свернуться клубочком и провалиться в сон.

Я подумаю обо всем завтра! О Дане Зимине, в том числе.

И к черту любые санкции за невыход на работу — что толку их искать, если я уже решила. Я все равно никогда туда не вернусь. Пусть Мискарьянц только осмелится предъявлять мне претензии!

Поколебавшись, нащупываю в кромешной темноте телефон и проверяю будильник. Данил. Ну нельзя же быть таким настойчивым!

Пишу еще одно коротенькое смс о том, что у меня все в порядке, но неудобно говорить, перезвоню завтра, устала. Затем устанавливаю режим «без звука» и кладу телефон рядом с кроватью.

Меня немного знобит. Вынужденная выползти из своей на удивление уютной кровати, я отбрасываю это одеяло и иду искать пуховое зимнее. Нахожу. На всякий случай, проверяю замок на входной двери.

Где-то в мозгу все еще мигает огонек тревоги и беспокойства, но я, крепко обхватив себя руками и подтянув колени повыше, укрывшись до ушей, каким-то чудом засыпаю...

Из переписок

Это же время, из переписок в WhatsApp

Питер

«Ладно, не бери в голову. Звонила с Адмиралтейского из автомата?»

«Так точно). Серьезные дяди с собакой туда уже наведались?»

«И не только с собакой). Но ты молодец, у них глухо. Хотя шеф очень зол (это его обычное состояние) и не верит, что М-ц ваш ни к чему не причастен»

«Если обычное, то переживёт»

«В точку. Но больше так не делай, разве что тебя саму пригласят в номера)»

«Мне не грозит!) У меня на М-цев аллергия»

«Умница. Сеструх, а я вообще чего пишу то... Расскажи мне про девочку;)»

«Какую?»

«Про Антонину Брежневу»

«Конкретнее?!»

«Не замужем, в отношениях, не в курсе?»

«Офигеть)... Понравилась?»

«Почему?)... Да»

«Не в курсе, но вроде не замужем. Думаешь подкатить?)»

«Хочу»

«Алексей! Ее сегодня чуть группой не изнасиловали. Может, дашь ей время дух перевести?)»

«Чуть не считается! Хорошая? Не из твоих хоть?»

«Не из моих) Хорошая, дружим. Не обижай ее. Будешь клянчить о посредничестве?»

«О сводничестве), но не буду. Взрослый мальчик, разберусь»

«Случайная встреча, цветы, серенада под окном? Это вау)»

«Я попроще привык) На допрос завтра вызову»

«Привык? Я многого о тебе не знаю, оказывается)»

«Тань, я не по этой части) Считай, просто запала в душу. Даже сам не ожидал... Такая милая, отважная) глаза красивые»

«Да ты романтик, Алексей!»

«Романтизм мало в нашей работе. А тут видишь, нашел...»

Таллин-Москва

«Едем в Питер. Часа на два. Вся жизнь на колесах. Заеб. ся я(»

«Ппц!(сочувствую. Он к ней?!»

«Ну получается, что да! Т. к в рабочем графике дел у него там нет, насколько мне известно»

«Тупо свидание?! Или что-то случилось? Антош, порасспрашивай»

«Да он же ниче не рассказывает! Надо и все. Лицо кирпичом. Непрошибаемый Танцоров в отеле ждать оставили, едем только втроем: он, я и Санчо. Юрика сказал не брать, бесит его Юрик. Вообще, весь такой дерганый стал, нервный. Это все, что я знаю»

«Хоть разок попробуй?»

«Да он и нах послать может!(Не буду, Крис, прости. Я своей работой дорожу»

«Если дорожишь, то не забывай, кто тебе помог ее найти. Че, прям сильно так влюблён?!»

«Сильно не то слово, Крис(. Никогда такого не было, отвечаю. Он теперь если не работает, то мечтает, а если не мечтает, то работает. Спит по несколько часов в сутки. Все»

«И что говорит Юрий Шм.?!»

«Он не в курсе. Но с Зимой там явно перетерли что-то насчёт Питера»

«Я уже не про Питер! Работе интрижка Зимы мешает, не? У нас уже дважды переносилась совместная запись трека. Моя шефиня теперь перманентно не в настроении. Я так устала от этого, не могу передать как»

«Сочувствую, Крис, поверь. Но мы-то что можем сделать?»

«Ты можешь, Антон. А ну давай проинформируй аккуратно Юрия Шм. на тему того, что у Зимы теперь все дороги ведут в Питер! (Вода и камень точит) Кстати. Он ее в Москву забрать не планирует?»

«Крис! Ты нормальная? Я ж для Юрия Шм. никто!(Я только помощник Зимы. А сам Зима мне про свою личную жизнь ничего не рассказывает. Никогда. Только поручения даёт, все. Без расшифровки. Ты меня слышала?»

«Это ты меня услышь, Антошка. Придется постараться с расшифровкой! Не можешь напрямую с продюсером: мол, устает очень наш звездный мальчик, попробуй окольными путями. Подумай, напрягись. Или ищи другую работу, на этой нам нужен свой человек!»

«Тебе не стыдно, Крис?»

«Нет. Мы же говорим правду друг другу?»

«Ты же знаешь, что я ваш...»

«Вот и докажи»

«Ладно, я посмотрю, что можно сделать. Но ничего не обещаю»

«Мы даем тебе время, но не затягивай. И переписку нашу не забудь удалить»

«Я всегда удаляю. Ну ты и стерва, Крис»

«Взаимно). Работа у нас такая (и очень хорошо оплачиваемая, заметь!). Так что ничего личного. До связи»

«Да»

«Я жду. Не забывай!»

«Я ничего не забываю. До связи»

Размолвка

Антонина

Я вскакиваю по звонку будильника, смутно понимая, что это уже далеко не первый. Хватаюсь за телефон.

Так и есть, проспала! Блин, почти на полчаса. Очень плохо.

Как волной, меня всю вдруг окатывает острой тревогой. Я вспоминаю то, что было вчера. Перевожу взгляд на телефон снова — там несколько неотвеченных от Данила. И одно смс, двадцать минут назад. Читаю: «Подъезжаю к тебе».

Твою ж мать! Единственно точное и емкое выражение для данной ситуации. Рывком выпутавшись из одеяла, подскакиваю к зеркалу. Ужас. Опухшее от рыданий лицо и всклокоченные волосы, не говоря уже о том, что я катастрофически опаздываю на работу.

Поразмыслив секунду-другую, выбираю из всех зол меньшее.

Ну, во-первых, Данил должен был согласовать со мной свой приезд! Я же ясно сказала, что не смогу увидеться в воскресенье. Где здесь уважение моих личных границ?

Правда, сегодня понедельник, но это никак не отменяет того, что о визите все равно неплохо бы предупреждать заранее. Это элементарная вежливость.

Во-вторых, с любовником он меня надеялся, что ли, застать, весь такой внезапный?! Если речь не идет о доверии ко мне, то о чем вообще может идти речь...

Убедив саму себя, таким образом, в том, что поступаю правильно, быстро строчу ему смс: «Привет, а я уже на работе. Можем увидеться в мой обеденный перерыв в час дня, если хочешь. Раньше не могу. Наберу, как будет возможность».

Вот так! «Смягчаю» текст смайликом-поцелуем. Будет знать, что такие сюрпризы неуместны. Отправляю. Статус «прочитано».

Удовлетворенная, я уже бегу в ванную умываться, как вдруг какой-то необычный шум с улицы привлекает мое внимание. Потеряв всякую бдительность, совершенно машинально выглядываю в окно. И обомлеваю, встречаясь взглядом с только что вышедшим из машины Данилом.

Это ужасно.

Одним своим появлением здесь он немедленно обращает на себя внимание моих прогуливающих по двору соседей. Окружившие его молодые люди радостно галдят, и охранники выходят из машины Данила тоже.

А мы так и стоим оба, замерев, глядя друг на друга.

Я все испортила!

Я соврала, а он поймал меня на лжи. Взгляд Данила полон неприкрытой боли и горечи. Чувствую подступающую от безысходности дурноту.

Мне кажется, что хуже уже ничего быть не может, но он, развернувшись, возвращается в машину, и что-то в этот миг обрывается во мне. Работа, вчерашнее, и вообще все вдруг становится неважным и мелким.

Ругаю себя почему зря, беспомощно наблюдая, как его авто медленно выезжает со двора. Могу ли я как-то остановить это?!

Хватаюсь за телефон и звоню ему. Как ни странно, Данил отвечает:

— Да?

— Дать, вернись, — прошу его взволнованно, — пожалуйста!

Он выдерживает паузу.

— Нам нужно поговорить, — продолжаю я серьезно, — поверь, это важно.

Блин. Ну да, я виновата! Но не уедет же он теперь, даже не выслушав меня?!

Я расскажу ему все, конечно. Про Мискарьянца, и про то, как мне было плохо вчера.

Я успела забыть этого человека как страшный сон, и век бы еще не вспоминала, если бы не эта неприятная необходимость рассказать Данилу о произошедшем.

— О чем? — наконец, отзывается.

— О том, почему мне пришлось соврать тебе. И, кстати, — зачем-то глупо уточняю, — я действительно очень опаздываю на работу!

Данил реагирует ожидаемо холодно:

— Не смею задерживать!

Психую.

— Данил! Ну, просто вернись. Ладно? Хоть на пять минут. Это что, так трудно?! Извини, мне, правда, жаль, что так вышло, но у меня были причины соврать тебе. Веские.

Данил

Не выношу неясных моментов.

Разрастающаяся глубоко внутри меня паника не даёт дышать. Я вцепляюсь в руль, стараясь не гнать машину.

— Так назови мне их. Это тоже не должно быть трудно! — говорю ей.

Сидящие рядом парни тактично помалкивают. Смотрят в окна.

Я слышу — она колеблется.

— Нет, — отрезает, — только не по телефону!

Обидно?! Есть немного. Нет. Не немного!

Потом добавляет, через паузу:

— Ну что ж такое! Возвращайся ненадолго. Я не отниму у тебя много времени, обещаю.

И тут до меня доходит — даже в глазах темнеет. Резко свернув, паркуюсь у обочины.

Да она же бросает меня! Как тогда.

Только в этот раз решила соблюсти приличия, сказав мне об этом лично?! Бросить в свой обеденный перерыв, или, чего уж там, прямо сейчас, не откладывая?

Все нутро скручивает болью. Тяжело сглатываю подступивший к горлу ком. Что же там вчера случилось такого, на корпоративе, который снова разрезал мою жизнь на «до» и «после»?

Неужели не смогла отказать тому недоумку с цветами? А может, он и сейчас с ней?!

От этой версии потряхивает. К такому я нихера не готов.

— Ты щас с ним, что ли?! — грубо спрашиваю.

Пусть говорит, как есть.

Парни, вижу, замирают тоже, и я, вдруг вспомнив, что не один, панически хватаю чьи-то сигареты и выскакиваю из машины.

А зажигалку-то я забыл.

Если все это правда, то я даже не знаю, как жить дальше...

Антонина

— С кем? — удивляюсь.

Бред какой-то. Он не желает вернуться даже на километр назад, зато придумывает какие-то новые вопросы. Очень обидно!

Это так своеобразно проявляется звездная болезнь, или как еще назвать бычье упрямство Данила?!

Весь мой запал откровения как рукой снимает. Я что, должна его умолять? Воздержусь. И совершенно не готова «исповедоваться» по телефону.

— Ну что ж, хорошо, — спокойно реагирую на истерику Данила, — я поняла. Значит, не вернешься?

Ничего страшного, подожду, пока сам перебесится.

— Ладно, тогда пока, я собираюсь на работу.

Никакой реакции. У него что там, приступ буйного помешательства?

— Ты не против, если я перезвоню позже? — добавляю.

— Зачем, ты же не любишь говорить по телефону?! — ерничает.

Это хорошо! Значит, уже пришел в себя.

— Эмм, — подвисаю, — то есть, тебе не звонить?!

— Не трудись. Хорошего рабочего дня, — продолжает издеваться он, и я холодею от ужаса.

Это что же, конец всему?!

Я думала, что выплакала свой «лимит» слез на ближайший год еще вчера, но мои глаза снова начинает предательски пощипывать.

«Беги на работу. Не стой как истукан. Ты сейчас все равно уже ничего не сможешь сделать» — бьется в голове, как птица, навязчивая мысль.

— Дань, мне действительно неудобно разговаривать, — выпаливаю на одном дыхании, — поэтому извини, но...

— Я помогу тебе! — дерзко отвечает Зимин, и кладёт трубку.

Майор Ивакин и прочие неприятности

Антонина

Чистый трэш и полный аллес, или что там еще можно включить в этот перечень?!

После разговора с Данилом я собираюсь на работу с умопомрачительной скоростью, пока телефон разрывает от рабочих звонков. Одеваюсь секунд за сорок пять, как в армии. Выбегаю за дверь, хватая сумку на ходу и гремя ключами.

Моя работа, на первый взгляд, находится недалеко от дома. Но это только на первый взгляд. Если учесть фактор тотального невезения в виде неожиданно разразившегося ливня и бестолкового водителя автобуса, въехавшего в мусорный бак на одной из остановок, становится понятным, что являюсь я на работу со страшным опозданием.

Но на этом мои неприятности не заканчиваются! Вернее сказать, они только продолжают с удивительной регулярностью. Потому что в то утро меня не дождался важный клиент с крупным заказом, а никто из коллег, увы, не смог или не захотел меня подстраховать.

Получив выволочку от начальства, погружаюсь в работу. С трудом выкраиваю несколько свободных минут, чтобы черкнуть в отдел кадров радиостанции письмо о том, что я разрываю с ними контракт, и все вопросы к Герману Валентиновичу.

Времени думать о Даниле Зимине у меня не остается совсем, что, конечно, к лучшему.

Завершает этот чудный день звонок из полиции! Некто майор Ивакин, представившись по всей форме, «приглашает» меня прибыть к ним в управление в самое ближайшее время.

Это всего лишь формальность, говорит он. Мне нужно будет только ознакомиться с протоколом задержания и поставить пару подписей в качестве свидетеля.

Интересуется, удобно ли мне побеседовать с ним сегодня, или в какой-то другой день. Я решаю не откладывать, заехав туда сразу же после работы.

Эх, напиться б и забыться! Но это не наш метод. А еще, сейчас мне более чем всегда нужен спокойный и трезвый ум.

— Да, давайте сегодня вечером, — подтверждаю я свой визит в управление, с трудом поборов накатившую дурноту.

Записываю номер его кабинета, затем мы согласовываем время и прощаемся.

Перед этой встречей мне придется позвонить дяде Ване. Очень неловко беспокоить его, хоть и мента, но уже глубоко пожилого человека, однако будет совсем не лишним получить подробные инструкции, или просто дружеский совет о том, как правильно общаться с ему подобными.

Конечно, придется потерпеть и дядькины нотации на тему того, что я вообще попала в их «поле зрения».

Разумеется, я не собираюсь тревожить его подробностями «голой» вечеринки, а просто скажу, что случайно попала с коллегами в ночном клубе.

И, что бы мне ни «заливал» сегодня уважаемый борец с нелегальным оборотом наркотических средств, я буду вычитывать от и до каждую подsunутую им бумажку!

Данил

— Ну че, как он там?! — слышу осторожный шепот.

Сбрасываю наушники на стол. Все равно ведь давно уже тупо и бесцельно сижу, без

музыки, пляясь в одну точку. Проверять телефон каждые десять минут. Депрессируя. Заколебался!

Нахожусь сейчас в двухуровневом номере гостиницы «Астория» в Новосибире, вечером здесь концерт.

Сегодня я «пустой». Но отменить, как всегда, ничего невозможно.

Откидываюсь в кресле, и снова долго рассматриваю высокий потолок с лепниной. Нахрена брать такие дорогие номера?! Лично мне бы стоилась любая камора. Но Вирмантас настаивает, типа имидж.

После концерта интервью согласно пресс-релиза, афтепати, потом вылет в Вильнюс в пять утра. В Вильнюсе участие в сборном концерте. Оттуда — Дубай, на сутки. Я привычен к жесткому гастрольному графику.

И в дороге обычно творю «в репертуар» что-то новенькое. Сейчас тоже пытаюсь, но все, что выходит, только маниакально-депрессивное!

В Дубае будем снимать клип на совместную композицию с Клаудиа. Как мог, я оттягивал момент записи из-за этой дурочки.

Еще, хотелось, чтобы она пожестче прочувствовала мое неприятие. К ней, из-за той ситуации, и вообще! Хотя, тянуть с треком дальше нет никакого смысла.

— Закрылся! Слушает русский рок и загоняется, — продолжает Антон за дверью. В его голосе вселенская грусть. Но до моей ему далеко точно.

— С чего ты взял, что русский рок? — улыбаясь, я выхожу из комнаты.

Вообще-то, номер мой, но парни из команды часто приходят ко мне «погостить». Посмотреть хороший телек, попить кофе на веранде балкона, поваляться в джакузи — сам-то я, кроме душа и спальни, в номере обычно никуда не захожу.

Голый по пояс, я слегка разминаю затекшие от долгого сидения мышцы и с удовлетворением подмечаю зависть в глазах Антона при взгляде на мое тренированно-татуированное тело.

Ну, а кто ему мешает походить в ту же качалку?

Беру органайзер, но вижу там только Тонины глазки — темные, манящие, затягивающие меня в свой гибельный омут. Антон прав! Я загоняюсь, дурею, схожу с ума...

Мне нельзя на нее смотреть, нельзя о ней думать. Факт. Но где, в чем или в ком мне искать спасение от этих дум?!

Юрик и Санчо сидят за нардами. На инкрустированном столике рядом с ними батарея бутылок с дешевым пойлом. Выжидательно глядят на меня как хорошо натасканные охранные псы. Мутит от ассоциации.

— Зима, там телки приехали, — вдруг застенчиво сообщает Антон, — танцоры с ними в сауне парятся. Ты не хочешь?

Краснеет как девочка. Я удивляюсь откуда-то взявшемуся во мне осязаемому отращению к связям без эмоций. Люди уже кажутся мне животными, но давно ли я сам был таким?!

Усмехаюсь. И рывкаю:

— Антон. У нас выезд через час, кто следит за таймингом, ты или я?! Иди скажи, пусть трахаются быстрее. И проверь там все перед выездом.

Решаю побыть чуток сволочным. Ну, для разнообразия. Не отказываю себе в удовольствии пошпынить и охрану.

Парни резво разбегаются по номерам. Ну а я, разогнав всех, опять впадаю в глухой

ступор. Иду в душ, чтобы как-то убить время.

Так нельзя. Это может плохо закончиться...

Мой маяк, мой светоч, моя девочка. Где ты сейчас, с кем?!

Я ведь дал тебе только время подумать, чтобы не рвать нашу связь по-живому, с мясом и с кровью. Потому что я снова врос в тебя, глубоко, как дерево корнями. Охренеть. Всего за одну встречу.

А ты хочешь покончить со всем этим, покончить с нами. Ты думаешь, это реально?!

Из переписки в WhatsApp

«Юрий Шмильевич, готовы ли вы дать нам ответ по поводу продажи вашего проекта?»

«Нет. Мне нужно ещё немного времени для принятия окончательного решения»

«Сколько?»

«Поймите, ZIMMA для меня не просто проект или бренд. Парень мне практически как сын, к тому же он очень талантлив. Вы и сами знаете это, иначе не предложили бы мне подобную сделку»

«Хорошо. Но вы уже определились с ценой?»

«Вопрос не в цене. Кроме того, у нас с ним масса незакрытых текущих контрактов»

«Вам не о чем беспокоиться — все незакрытое юридически перейдет к нам и будет отрабатываться ZIMMA согласно ранее принятых договоренностей, и уже в составе «Graffiti Star»

«Я понимаю. Но вы также должны знать, что условия моего сотрудничества с ZIMMA практически для него кабальные. Мы работаем 90/10. Его процент 10»

«Вы только что открыли «Graffiti Star» ключевой момент вашего с ним соглашения:). Означает ли это, что вы согласны? Итак, Юрий Шмильевич, назовите цену за подопечного, и со следующей недели проект ZIMMA переходит в полное юридическое владение нашего лейбла?»

«Я дам вам ответ в ближайшее время»

«Когда?»

«Завтра, во второй половине дня вас устроит?»

«Да, спасибо! Надеемся на успешное сотрудничество. Вы можете звонить Тимуру Эльдаровичу лично. Он будет ожидать ваш звонок»

«Договорились»

Новый поворот

Антонина

С неудовольствием захожу в неприметное серое здание полицейского управления. С другой стороны, чего мне печалиться, у меня сегодня абсолютно свободный вечер! Данил мне не звонил и, видимо, не собирается. Я тоже. Пока, во всяком случае.

Плетусь, убеждая себя, что это очень даже хорошо, что не сижу сейчас дома, погружаясь в невеселые думы. Занятость — благо для человека с проблемами. Впрочем, без проблем тоже. И все-таки, для проблемного особенно!

Здоровуюсь с постом охраны на первом этаже, и тактично осведомляюсь у дежурных, можно ли мне пройти к майору Ивакину в кабинет номер четырнадцать. Называю свою фамилию.

Один из них набирает майора при мне по аппарату внутренней связи. Получив «добро», кивает на открывшуюся передо мной с противным тонким писком пропускную перегородку.

Говорю «спасибо», иду дальше. Веселею при мысли о том, что майор, вероятнее всего, и есть брат моей Елки — фамилия у него та же.

Дядя Ваня, конечно, повздыхал о произошедшем, но, убедившись в том, что ни к каким наркотикам я отношения не имею, посоветовал говорить ментам правду и только правду. Само собой, я не собиралась поступать иначе.

Еще, он немного успокоил меня целым спичем на тему того, насколько тяжела и неприятна работа борцов с наркопреступностью.

Я даже прониклась к ним уважением и вполне осознаю, что моя задача сегодня максимально помочь им, но разумно и без лишних эмоций.

Постучав в дверь кабинета номер четырнадцать, вхожу. Со своего рабочего места мне навстречу поднимается молодой улыбчивый мужчина, на вид немногим более тридцати лет.

Тридцать пять, может быть. Он хорош собой, высок ростом и атлетически сложен. Блондин. Похож на Елку, думаю с затаенной радостью.

— Здравствуйте, — произошу, робея, — я Брежнева Антонина, по вызову майора Ивакина...

— По приглашению, — мягко поправляет. Выдерживает паузу, отодвигая для меня стул за небольшим приставным столиком напротив его рабочего.

К счастью, блондины-атлеты вообще не в моем вкусе, так что эти его улыбочки и подчеркнутая галантность — мимо. Мою бдительность таким не притупить.

Привык, наверное, «работать» таким макаром с женской аудиторией!

— Пожалуйста, присаживайтесь, — произносит с бархатцей в голосе. А голос у него приятный, да.

— Спасибо, — я с готовностью сажусь, делая серьезное лицо.

Спокойно смотрю на него, ожидая продолжения диалога.

— Если хотите, можете снять верхнюю одежду, — предлагает Ивакин, указывая мне на высокую вешалку у входной двери, и это сразу настораживает. Беседа затянется?

— Благодарю, мне удобно и так, — расстегиваю куртку.

Здесь, вообще-то, не слишком жарко, а я мерзлячка. К тому же, волнуясь, обычно мерзну еще больше.

— Чай, кофе? — его пронзительно-синие, «Елкины» глаза смотрят на меня неожиданно ласково. Даже с какой-то легкой иронией, — да вы не стесняйтесь.

— Нет, спасибо, — отказываюсь, не раздумывая ни секунды.

Украдкой наблюдаю, как майор раскрывает лежащую перед ним папку-скоросшиватель и выуживает оттуда стопку бумаг. Не решаюсь заговорить о Елке, но вспоминаю, что его, кажется, зовут, Алексей Васильевич.

— Алексей Васильевич, это ведь вы? — на всякий случай, уточняю.

— Да, можно просто Алексей, — еще одна обаятельная улыбка.

Деловито и обстоятельно, он начинает пересказывать информацию, содержащуюся в протоколе задержания известных мне лиц в ночном клубе.

Внимательно выслушиваю, после чего майор протягивает мне этот самый протокол на подпись. Читаю еще внимательнее. Долго. Втайне радуясь, что мои показания в нем числятся как «свидетельские при перекрестном допросе подозреваемых».

Выдохнув, я размашисто расписываюсь внизу листа напротив своей фамилии и, повинувшись подсказкам болтливого майора, вручную дописываю под подписью фразу: «С моих слов записано верно».

— Ставьте дату того дня, — диктует майор, — и время, двадцать часов пятьдесят пять минут.

Ну, вот и все. Почти расслабляюсь, когда он озвучивает неприятный вопрос:

— Вы будете писать заявление о совершённой в отношении вас попытке изнасилования?

Всерьез задумываюсь.

С одной стороны, как говорится, сама дура, но с другой, ведь таких, как Мискарьянц, надо наказывать?! Чтобы в следующий раз, как говорят, неповадно было.

Ну, и с третьей. Изнасилования-то, по сути, не было. А по допросам да очным ставкам, к гадалке не ходи, затаскают.

Хмурюсь, делая мучительный выбор. Поднимаю глаза на майора — он смотрит на меня с сочувствием.

— Нет, Алексей Васильевич, — отвечаю коротко.

Кивает.

— Я понимаю вас. Но спросить должен был.

И тут же весело, неожиданно продолжает:

— А не хотите ли кофе, но не здесь, и с пирожными? Я знаю одну чудную кофейню поблизости.

Удивляюсь такой смене риторики, и вежливо отказываюсь.

— А вы, наверное, брат Танюши Ивакиной? — не удерживаюсь от вопроса.

— Брат, — усмехается, — по фамилии вычислили?

— Да, — подтверждаю, — спасибо вам, Алексей Васильевич!

— Просто Алексей, — снова поправляет зачем-то, — все-таки очень, очень жаль, что вы отказываетесь от моего приглашения.

Улыбаюсь и молчу в ответ, застегивая куртку. Вполне возможно и даже, скорее всего, что он отличный парень.

Но с некоторых пор я вся, буквально до краев наполнена другим человеком, и не могу думать ни о ком больше. Особенно после наших горячих поцелуев, и той, предпоследней встречи.

Я чувствую, что совершенно потеряла голову. После него невозможно даже подумать о ком-то другом. Все мужчины для меня как будто бы разом исчезли, вымерли как динозавры, испарились — остались только люди, безликие и одинаковые.

Но все это, конечно, не значит, что теперь я начну уподобляться его фанаткам и названивать, или надоедать ему еще как-нибудь. Нет.

К тому же, у меня все еще слишком много проблем, которые нужно решать, а любовь подождёт своего часа! Я не хочу ее торопить. И в том, что это именно любовь, уже даже не сомневаюсь.

Впрочем, Данилу Зимину еще очень рано об этом знать. А то, что мы писали в смс-ках друг другу, не считается!

Это был просто флирт. Кто мы друг для друга по-настоящему, покажет только время.

Простившись с майором, я уже выхожу из здания управления, когда телефон в кармане вибрирует входящим сообщением. Читаю смс от Данила: «Привет, удобно говорить?»

Примирение

Антонина

Остановившись прямо посреди улицы, я немедленно пишу ему ответ подрагивающими от волнения пальцами: «Да», и «Привет» вдогонку. Данил тут же перезванивает.

— Але, — произношу ровно, стараясь ничем не выдать своего радостного смятения.

— Привет, — пауза, — я просто хочу уточнить статус наших отношений.

Он говорит сухо, деловито.

— И... еще кое-что! Если ты хочешь быть со мной, то не должна врать мне. Никогда. Если хочешь остаться просто другом, тоже.

Слегка опешив от суровости его тона, я даже не сразу нахожусь, что ответить. Моя широкая улыбка меркнет.

— Слушай, ты сейчас серьезно?! — отвечаю немного сердито, — люди врут друг другу по мелочам, это нормально. Но если ты неврастеник или патологический ревнивец, то, конечно, у нас ничего не выйдет, не стоит даже начинать. У меня были причины соврать тебе! Я не изменяла или что-то подобное, и вообще ничего такого страшного не произошло, но ты не захотел даже выслушать...

— Я слушаю, — спокойно перебивает.

Делаю паузу, чтобы перевести дыхание, и в этот момент кто-то подходит ко мне.

Так близко, что я даже улавливаю приятный аромат мужского парфюма, и оборачиваюсь. Майор Ивакин! Неожиданно. Но что ему нужно?

Он улыбается, приостановившись в шаге от меня и явно желая что-то сказать. Тактично ждет окончания разговора.

— Ну, так что?! — нетерпеливо интересуется Данил.

Его голос звенит от напряжения, и я теряюсь, не зная, как лучше поступить в этой ситуации. Неверно истолковав мое молчание, майор мягко замечает:

— Простите, что помешал. Но уже довольно поздно, я провожу вас, если позволите?

— Кто это?! — «взвывается» голос Данила в трубке.

Мысленно застонав, принимаю решение «рубить» ему правду-матку.

— Майор Ивакин, — докладываю упавшим голосом, — я только что давала показания как свидетель в Управлении по борьбе с наркопреступностью. Алексей Васильевич тоже закончил свою работу и предлагает проводить меня до остановки.

Данил замолкает.

— В целях безопасности. Алексей Васильевич ведет дело, по которому я свидетельствовала, — добавляю на всякий случай.

— Ни фиги себе, — реагирует ошарашено, — ладно, а когда сможешь перезвонить? Ты же не шутишь?! Я буду ждать. Вызови такси.

— Хорошо, — соглашаюсь.

— Да, пусть майор побудет с тобой, пока ждешь, — добавляет Данил.

Вздыхаю, искоса поглядывая на застывшего словно на вытяжку картинку-майора. Даже при тусклом уличном освещении заметно, как стильно он одет и какой зеркальной чистотой сверкают его красивые модные туфли.

Однако. Неужели они все тут, такие красавчики на работе?! Или это какой-то тайный

дресс код борцов с нелегальным наркооборотом?

— Вызови такси и сразу позвони мне, как будешь дома, — требует Данил. И повторяет, — я буду ждать. Хорошо?

Счастливая, я прощаюсь с ним ненадолго и кладу телефон в карман.

Как, оказывается, все просто и легко, когда говоришь только правду. Почему же, находясь в отношениях, мы часто многое умышленно искажаем или додумываем сами?!

Ведь глупо очень. Опомнившись, я снова достаю телефон из кармана и благодарю майора, попутно объясняя, что собираюсь вызвать такси.

— Зачем такси, я подвезу вас! — тут же предлагает он, снова выбивая меня этим из колеи, — моя машина рядышком, на парковке. Куда вам нужно?

— Что вы, это неудобно, — отрицательно качаю головой.

Но майор продолжает настаивать на своем и даже уверяет, что возможно, нам по пути. Просит назвать адрес.

Тут до меня доходит — я ему нравлюсь! Он улыбается так обезоруживающе, что на него даже не получается рассердиться за настойчивость.

— Нет, это неудобно, — повторяю решительно и тут же, при нем звоню в службу такси. Слушая гудки в трубке, прибавляю, — пока мы с вами разговариваем, машина бы уже приехала!

Так и происходит, потому что такси прибывает буквально в течение десяти минут, пока мы еще немножко болтаем. Мне даже не приходится просить майора постоять рядом, он охотно остается со мной и сам.

Время уже действительно позднее, и эта отдаленная от центра города, слабо освещенная улица не самая безопасная, несмотря даже на близость полицейского управления.

С момента вызова мною такси, как по мановению волшебной палочки, майор меняется. Мой страх того, что он начнет пытаться флиртовать, к счастью, не оправдывается.

Он перестает быть навязчивым, и какое-то время мы спокойно говорим ни о чем. Снова став серьезным и даже слегка отчужденным, он производит приятное впечатление. Но я все равно чувствую облегчение, когда такси, наконец, подъезжает. Благодарю майора. Мы прощаемся.

Дома сразу, едва разувшись и присев прямо в коридоре, я набираю Даню.

— Рассказывай, — требует он сходу подробностей.

И я вываливаю на него целый ушат информации, хотя, само собой, в значительно смягченной версии. Примерно в той, которую озвучила дяде Ване. Вообще, Зимин не производит впечатления тревожного человека, но все же довольно долго отчитывает меня за то, что я была неосторожна и не рассказала ему обо всем сразу.

— Я испугалась, — говорю, впрочем, чувствуя, что он не очень-то верит этому, — там был какой-то антинаркотический рейд. Шманали всех, извини за выражение, в том числе и меня! Пока я под подпиской о невыезде. Не знаю, как надолго. Прохожу по делу как свидетель, но все равно это очень неприятно, можешь мне поверить.

— А я подумал, ты решила меня бросить! — признается, шокируя меня.

— Да с чего ты это взял?!

— Ну раз нет, то значит супер, — отвечает уклончиво, — когда увидимся?

— Когда захочешь, — выдаю, не подумав.

— Круто, — жарко дышит в трубку, и я почти физически ощущаю его ликование.

Мое собственное тело тут же отзывается. В плену сладкого томления, я тоже уже

предвкушаю скорую встречу. Ненадолго замолкаем, оба.

— Ладно, раз ты пока невыездная, приеду сам, — коротко резюмирует Данил, — осталось только придумать, когда.

— Давай, — быстро соглашаюсь, — а где ты сейчас?

— В Новосибирске, в гостинице. Но уже завтра на рассвете лечу в Вильнюс, а оттуда в Дубай. На сутки.

— В Дубай, ого. Неужели у тебя и там концерты?

— Нет, снимаем клип на новый совместный трэк с Клаудиа, — отвечает Данил как-то обреченно.

Мне тоже становится невесело.

— Ясно. Пакуешь чемоданы на завтра? — спрашиваю, лишь бы не молчать.

— Я их пакую минут за пятнадцать в среднем, — усмехается, — мое время на сборы из любого отеля! Все опыт, сын ошибок трудных.

Я улыбаюсь тоже, но идиотская, растущая в геометрической прогрессии ревность больно скребет мое сердечко своими когтистыми лапами.

И с тоской вспоминаю о том, как их прошлая совместная композиция гремела на всю страну, это был хит о любви номер один! Я закрывала глаза и уши. Тогда казалось, что они пели отовсюду. Неужели и в этот раз будет также?!

— А че там за майорчик, кстати, с чего он добренький такой? — вдруг вспоминает Данил с ревнивыми нотками в голосе, — простите, провожу... что это было?!

Хмыкаю. Вот не получается говорить всю правду, не получается! Что будет, если я начну рассказывать Данилу обо всех, кому понравилась, или он мне, что еще хуже? Не сойдем ли мы с ним оба с ума в один далеко не прекрасный день?!

— Да так, вышел из здания почти одновременно со мной. Просто вежлив очень, — откликаюсь, — не бери в голову. Кстати! Я тебя ревную к Клаудиа.

Слышу его довольный смешок в трубке, и продолжаю, умело смещая фокус с майора на певичку:

— Видела ваш прошлый клип. Может быть, я ошибаюсь, конечно, но она там всю песню смотрела на тебя как кошка на мясо!

— Это режиссёрская задумка! — смеётся, — ну, ладно. Ты права. Не встречу я тебя семнадцать с половиной дней назад, у нас бы с ней точно сложился... ээ, романчик.

— Романчик? — тяну недоверчиво.

Сердце, гулко ухнув, вдруг проваливается куда-то в пятки. Значит, да. Она влюблена в Данила! Я тоже заметила.

— То есть, ты хочешь сказать, что не встречу меня снова, у вас с ней могли бы сложиться отношения и со временем, ну теоретически, семья?!

— Ну нет, такого я бы не сказал точно! — восклицает Данил, и от веселости его тона меня тут же "отпускает", — какое богатое воображение. Как у всех девочек, да? Понимаешь... в шоу-бизе, да и вообще, все так легковесно, что ли. Бывает, конечно, у кого-то что-то серьёзное. Но лично для меня, чтоб ты знала, единственный человек, с которым можно задуматься о настоящей семье — это ты.

Он говорит об этом просто, но с такой трогательной и даже почти детской откровенностью, что я замолкаю. От удовольствия. Дыхание перехватывает — я чувствую, как краснею.

Все потому что это очень важное для меня признание, важные слова.

— Мне так приятно, — отвечаю ему, — я могу признаться тебе в ответ, что это взаимно! И вообще, Данил. Я так соскучилась...

Он слушает меня, затаив дыхание. Но слова почему-то быстро иссякают. Наверное, от волнения.

— Я бы слушал тебя вечно, — подтверждает он мою догадку, — но уж лучше бы увидел!

— Теперь это зависит от тебя.

— Не от меня, — вздыхает, — вернее, не только. И не ревнуй к Кате, слышишь?! У неё нет шансов. Я даже постараюсь объяснить ей это.

— Хорошо бы! — радуюсь.

Данил больше не вспоминает о майоре, и вообще ни о чем постороннем. Мы говорим только о нас. Сейчас, сидя на неудобном стульчике в полутемной прихожей и слушая его, я чувствую себя абсолютно счастливой.

На экране вдруг загорается вторая линия — Елка. С той поры, как она спасла меня, мы сдружились еще больше, и как раз завтра вечером должны увидеться. Я пригласила ее к себе в гости, и даже решила испечь пирог с вишней по такому случаю.

Данька, как и большинство парней, не любит долго говорить по телефону. Поэтому, договорившись со мной о точном времени следующего «созвона», он нежно прощается.

Все во мне горит и пышет ярким пламенем из сплошь положительных эмоций. В этом пламени есть все — от страсти до любви, самой искренней и глубокой.

Это случилось совсем не быстро и, наверное, даже незаметно, зато теперь я в полной мере ощущаю ее. Любовь.

Как ни странно, но тем сильнее и страшнее мысль о близости с Данилом. Это не комплексы, скорее, что-то непонятное, необъяснимое, или возможно, просто страх нарушить нечто прекрасное и недосказанное между нами, нарушить ощущение волшебства.

Вместе с тем, я хочу перейти с ним эту грань, и как можно скорее.

Улыбаясь собственным глупейшим, лишенным всякой здравой логики мыслям, перезваниваю Елке. Здравуемся, болтаем. Она моментально, каким-то внутренним чутьем улавливает мое возвышенное и романтическое настроение, и я брякаю, не подумав:

— Танюш. А я, наверное, скоро в Москву перееду!

— Почему вдруг? — удивляется.

— Да нет у меня тут перспектив никаких. Фирма, в которой я работаю, планирует проводить сокращение. Мы же только посредники на этом рынке, нас почти полностью поглотили производители. Скоро это посредничество не будет работать совсем!

— Ясно. Но почему Москва?!

— А почему бы и не Москва? — весело парирую.

Подруга неожиданно загорается моим энтузиазмом:

— Да и правильно! Я, такая же, как ты, авантюристка! Поддерживаю. И вообще, помочь могу. У меня в Москве есть приятельница очень хорошая, работает в крупном издательстве. Если тебя так к СМИ тянет, составит протекцию! Только они, наверное, поставят тебе условием доучиться журналистике хотя бы на заочном. Сможешь?

Я с изумлением убеждаюсь, что окончание этого дня, будто в противовес его такому грустному началу, открывает для меня целую лавку чудес! Окрыленная ее предложением, горячо выражаю свою готовность доучиться чему угодно хоть дважды.

Похоже, Татьяна Ивакина в моей жизни и есть тот самый добрый ангел, которые так редко, случайно или вовсе нет, но встречаются. На долгом или недолгом жизненном пути

одним людям встречаются другие люди, разные. И все они для чего-то нужны и чему-то учат.

Кто-то просто опыту, а кто-то несет в себе добро и радость, и даже, возможно, перемены. Глобальные.

Из переписок в WhatsApp

«Татьяна. Я, кажется, пропадаю...»

«Алексей. Не пугай меня с утра пораньше:). И крестись, если кажется. Что опять случилось?»

«Опять Антонина Брежнева. Но такая новизна чувств — восторг! Тем, что вообще мной не заинтересована, можешь себе такое представить?!:) Короче, получил я вчера очередной отворот-поворот:(»

«Зато разобрался, откуда восторг:) значит, ты уже на полпути к выздоровлению!»

«А тебе бы только шутки шутить! Я тут на полном серьезе голову ломаю, как мне с ней хотя бы одного свидания добиться...»

«Ок, не буду мешать:))»

«Злая ты:) а мне, между прочим, помощь нужна»

«Какого рода помощь?:)»

«Есть одна идея, ты главное поддержи»

«Надеюсь, без криминала:) Излагай. Тоня, кстати, в Москву собирается. Насовсем. Я ей там помочь хочу немного с работой...»

«В Москву, почему?!»

«Извини, подробностей не знаю»

«Ну ты с ума сошла, ей помогать? Лучше мне помоги!»

Рай в песчаных дюнах

Данил

Международный аэропорт Дубай встречает нас простором, ультрасовременными интерьерами и длинными рядами пальм в кадках. Этот аэропорт — автономный кондиционированный мир с бесконечными магазинами, ресторанами, отелями, спа-центрами и ещё чем угодно.

Солнце и горячий воздух нещадно палят и обжигают легкие только за его пределами, внутри же — комфортный туристический рай. Исключительный сервис. Исключительная безопасность.

Мы проходим паспортный и таможенный контроль в рекордно короткий срок. Мог ли парень вроде меня когда-нибудь даже просто помечтать о таком месте? Вряд ли. Фантазии бы не хватило.

Забираем багаж и выходим в город. На спецстоянке уже ждет авто представительского класса — в «Graffit star» обо всем позаботились.

Я знаю, что ими арендовано сразу несколько крутых локаций в Бурдж-Халифа, а также местное видеоборудование и студия звукозаписи.

Вообще, звук мы будем писать попозже, в Москве, но это уже их заморочки. Красиво жить не запретишь, да и Вирмантас привык смотреть Тимуру Урусову в рот, ни в чем тому не переча.

Смотрю на часы. Разница во времени между Питером и Дубаем один час. Мысленно прикидываю, что пока заселимся, обед, съёмки допоздна, туда-сюда... короче, послушать Тошу по радио я не успеваю!

Слушать ее ночные эфиры с некоторых пор стало моим тайным маниакальным пристрастием. Ее голос радует, и я могу слушать его бесконечно. Все равно я редко сплю в то время, когда она работает.

Еще, мне всегда мало Антонины. Поэтому «догоняюсь» как могу, компенсируя недостаток общения прослушиванием скучных питерских новостей по ночам. Музыка, которую она ставит, мне ни о чем, хотя, уверен, что эту музыку выбирает не она. А жаль.

Даю помощнику задание найти и записать для меня сегодняшний ночной эфир на «Питер плюс FM». Уточняю, что нужны только новости.

Он удивляется, но фиксирует эту информацию в своем органайзере, никак не комментируя.

Наконец, прибываем на место. Отель «Четыре сезона», равно как и наш обед, на высоте. Я чувствую себя почти как шейх Рашид. Видимо, «Graffit star» спецом задает мне соответствующее рабочее настроение. Значит, все должно быть очень круто.

После душа и перекуса едем работать. Машинально повторяю про себя текст песни, хотя сегодня в этом нет большой необходимости. Почти в каждой ее строчке про любовь, а в голове — сплошь Антонина!

На улице самый солнцепек. Я смотрю сквозь идеально чистые стекла авто на прохожих, и они слепят мне глаза своими белыми одеждами. Выходим в густой тяжелый зной, обволакивающий как кисель, и бредем сквозь него до самого съёмочного павильона. Стараюсь не вдыхать раскаленный воздух слишком глубоко — такое впечатление, что им

можно подавиться.

Зато практически любое помещение в Дубае кондиционировано, и в павильоне ожидаемо царит холодный спасительный полумрак. Едва войдя, я с головой окунаюсь в закрытую творческую атмосферу.

Здесь все суетятся: осветители устанавливают свет, операторы занимаются видеоборудованием, и повсюду вполне живописно навалено всякой аппаратуры.

Катю, нашу главную звезду, мы замечаем чуть ли не с порога. Она сама встречает нас. Впечатляет откровенным вечерним «луком» после яркого солнца и пыльного зноя улицы. Визажисты тоже уже постарались на славу — Тоха даже подвисает на минуту.

Катя замечает это и, победно улыбаясь, задерживает на мне долгий взгляд своих густо усыпанных блёстками глаз, от которого делается не по себе.

Хищно улыбается. Здравуемся. Она подходит, близко, и вообще ведёт себя так, как будто этого последнего разговора не было. Ну и супер! Не терплю бабских истерик.

Клава профессионал, и мы почти сразу приступаем к работе. Меня чуть-чуть готовят примеры, затем я переодеваюсь и выхожу на площадку.

По задумке режиссёра, в клипе предусмотрено несколько локаций: в баре, на пляже и в постели. Сегодня снимаем сцену в баре.

Листаю сценарий. В постели, конечно, Тонечке не понравится — я должен быть голым, в белых простынях. Катя подо мной, надо мной... ну, не совсем голый, конечно. Торс. Но снято будет уже понятно как.

Хотя, может, и к лучшему?! Пусть посмотрит на меня, на мое тело. Может это что-то зажжет в ней, или ревность подтолкнёт Тоню к тому, чтобы подпустить меня, наконец, к себе поближе?

Я так давно хочу ее, что это даже кажется странным! Не могу нацеловаться досыта, мне всегда ее слишком мало. Если раньше я робел, то сейчас вообще не вижу смысла тянуть со сближением. Чего она ждет?! Мне этого не понять.

Я не хочу давить на нее, но... короче. Щепотка ревности нам точно не повредит!

Задумавшись, не сразу замечаю, что нас с Катей снимают. Пластично изгибаясь, она красиво приземляется рядом со мной на высокий стул у стойки бара. Я уже покручиваюсь на таком же.

Смотрю, как шевелятся Катины ярко-красные губы, повторяющие незамысловатый мотивчик нашей песни. Наблюдаю ее улыбки и ужимки, а передо мной — Антонина Брежнева. Голая.

Минуты текут, но голос Алана возвращает меня к реальности, беспощадно выдирая из мира сладких грез и мечтаний.

— Стоп! Снято. Шедеврально, Данил, — режиссёр радостно жестикулирует, — было очень чувственно. Смэш-кат. Перерыв!

Было очень чувственно это, наверное, антикомплемент от режиссёра-гея. Алан очень модный и очень дорогой, но уже почти штатный в «Graffiti star».

Вся съемочная группа вдруг куда-то теряется. По павильону ползет приятный запах сигарет и кофе, а услужливый Тоха уже тащит для меня огромный картонный стаканчик с двойным эспрессо.

Катка становится странной. Взглянув на нее, я с какой-то внезапно накатившей безнадегой понимаю, что разговора «по душам» не избежать. Мне же, напротив, хочется отойти от нее подальше.

Отдохнуть от Кати, подышать воздухом свободы. Но она упрямо накатывает на меня как волна, постепенно подбираясь, обрушиваясь, завлекая в свое пустое общение.

Нахально нарушает мое личное пространство прикосновения и глупыми вопросами, и душит меня каким-то приторным, хотя наверняка мега эксклюзивным парфюмом.

— По-моему, это хит! — мурлычет, прижимаясь ко мне без спроса. Обнимает, как бы в шутку, — Алан говорит, что ещё бы чуточку больше страсти... поддать... попробуем? А может, порепетируем вне площадки?!

Ну, точно, как кошка. Лукаво шурит глазки с длинными замысловатыми стрелками и ждёт моей реакции, не стесняясь Тохи. А он даже не думает скрывать свой щенячий восторг ею. Наблюдает за нами, капая слюной. Меня сейчас воротит от них обоих.

Катя предложила мне это впервые! Раньше все ограничивалось полунамеками и горячими взглядами.

Меня забавляет ее напористость.

Хотя, ведь не появишься в моей жизни Тоша, я пошёл бы с ней репетировать. Но сейчас — нет. Меня больше не интересуют случайные связи.

— А мне Алан говорит, что все итак супер! — отзываюсь, снимая с себя ее цепкие руки, уже всю изучающие мое тело.

Хихикая, Катя пытается увлечь меня куда-то за декорацию. Думает, я так играю с ней. Но я упорно остаюсь на месте, глядя на нее откровенно насмешливо.

— Погуляй немного, ладно? — бросает она Антону капризно, заводясь от моей холодности еще больше.

Он переводит вопросительный взгляд на меня, и я коротко киваю.

Антон уходит. Катя кладет руки на ремень моих брюк, поглаживая.

— Детка, не напрягайся так! Я буду нежной, — пытается острить.

Смеётся и играет со мной, стараясь укунить в прямом смысле, словно мы с ней давно уже любовники.

В который раз, я грубо отодвигаю ее от себя.

— Кать, успокойся, — прошу, — и послушай.

Она настораживается, но только на мгновение.

— А я уже все забыла, — жарко шепчет, — подумаешь, захотел уединиться с фанаткой...

— Ты опять не поняла? — удивляюсь.

На самом деле, мне не хочется делать ей больно.

— Ты меня не интересуешь, — терпеливо объясняю, — фанатки, и кто-либо еще здесь не причем.

Она замолкает, бледнеет. Замирает в неподвижности. Я разговариваю с ней, как с душевнобольной:

— Помнишь, о чем мы с тобой говорили?!

И Катю как отрезает. Какое-то время мы просто молчим.

— Как ты узнала про ту девушку, кто рассказал? — вырывается у меня зачем-то.

Она хмыкает и театрально вздыхает. Выдает в ответ нецензурное словечко, но тут же снова улыбается, по-детски доверчиво заглядывая мне в глаза.

А ведь с виду — девочка девочкой! Но я-то уже знаю ее, такая по головам пойдёт. Та еще щучка.

Объективно отмечаю, что Катя красивая. Сейчас почему-то особенно. Но это холодная,

не трогающая меня красота. Какая-то бездушная, медийная.

— Считай, просто узнала, — блестит глазами, не отрывая от меня загадочного взгляда.

Я радуюсь, что не успел оказаться с ней в одной постели — девочка очень «липучая».

— Ты же был другим со мной раньше?! — продолжает.

— Все, что было раньше, забудь! Я в примерке с Тохой, если что. Встречаемся на площадке через полчаса, — заключаю жёстко и иду, не оглядываясь.

Лучше горькая правда и не затягивать с этим! Тем более, когда так долго доходит.

Не хочу никакой жести, но мне все еще предстоит разобраться, кто из моей команды сливает информацию. Катя ничего не расскажет.

— Ладно, я подожду тебя! Потому что точно знаю, чем ты так зацепил Тоню Брежневу, — несется мне в спину. Одно это имя останавливает.

Я замедляюсь и оборачиваюсь. Умом понимаю, что не стоит развивать эту тему с Катей, но спрашиваю раньше, чем успеваю подумать:

— Чем?

Во всём, что касается Тони, я больной! Меня легко завлечь любой информацией.

— Своим статусом, конечно, — Катины глаза разгораются диким огнем, — но я этого не боюсь. У нее в Питере все слишком серьезно с ее парнем!

— С каким парнем?! — напрягаюсь.

Да врет она все, это ж ясно.

— Есть у нее начальник на радио. Любимый, — ехидная усмешечка, — не знал?

— И что?

— Ну, у него тоже статус. Старый грузин, жутко неприятный, как по мне, но любовь у них была сумасшедшая! — хохочет.

— Ты че покурила?! — мрачно спрашиваю, и с каждой секундой все больше жалею, что позволил втянуть себя в этот тупой треп.

В ответ Катя уверенно озвучивает имя, которое мне не о чем не говорит. Потом радиостанцию и адрес, они верные.

— Долго готовилась?! — презрительно хмыкаю.

— Да. Мне она интересна. Тоня, — отвечает просто.

— Почему?

Воспроизвожу в памяти того парня с цветами под подъездом, но он никак не тянет на старого грузина и программного директора питерской радиостанции.

— Потому что она интересна тебе, — пожимает плечами.

Крадучись, обходит меня по кругу.

— Но рано или поздно придет время, когда эта Тоня тебе надоест. Тогда она вернется к Герману, если он ее простит, конечно...

Я молча разворачиваюсь в сторону примерки, не собираясь слушать дальше ее бред. Катя на удивление резво догоняет меня:

— Герман даже уволил ее, когда узнал о ваших свиданиях! Не веришь?! Он может подтвердить тебе. Хочешь?

Останавливаюсь.

— Ты че, купила какого-то мужика на радио?!

Катя фыркает:

— Он потом простит ее, увидишь. Не беги от правды. Милые бранятся, только тешатся! И кто знает, вдруг в это время рядом с тобой окажется кто-то более достойный?!

Скрестив руки на груди, перекрывает мне собой дорогу. Прожигает страстным взглядом.

— Более достойный это ты, что ли?! — усмехаюсь.

Я, честно, не хочу грубить, не хочу портить нашу запись сегодня. Но от этого Германа у меня уже скулы сводит, а внутри вскипает глухая, едва контролируемая ярость. Боюсь сорваться и наорать на Катю, чтоб не лезла, куда не просят.

— Ну, я, — снова дерзко подходит.

Стою, не двигаясь.

— Тебя трахнуть, что ли, некому, Катя?! — интересуюсь. Это, в самом деле, удивительно.

— Есть кому. Да меня полстраны хочет! Но мне не нужен лишь бы кто, — отвечает без запинки.

— А кто тебе нужен? Тот, кто не хочет тебя?

Я вижу, что попал куда-то в больное место. Ее всю передергивает.

— Думаешь, самый умный, да?! — вскрикивает запальчиво.

На нас обращают внимание, но ей уже все равно. Катю несет дальше:

— Ты многого не знаешь. Но узнаешь, Данечка, скоро. И тогда придешь ко мне сам. Ну, а я еще подумаю, простить ли мне тебя. Хорошо подумаю!

Развернувшись, удаляется, взметнув вверх нелепый шлейф над мини-юбкой. Мнит, наверное, что за ней осталось последнее слово.

Дура! Но меня уже тоже всего трясет. Хочу позвонить Тоне немедленно, чтобы спросить, кто такой этот Герман Мискарьянец и какую он сыграл роль в ее жизни.

Мне очень надо знать это. Знать, чтобы не позволить тоскливой, постепенно захлестывающей меня безнадеге разрастись, пустить во мне корни, отравить существование. Имя ей — ревность.

А еще, неясность, которую я так ненавижу.

Я не верю Кате, не верю никому! Зато верю в Антонину Брежневу, и верю в нас. Мы обещали говорить правду друг другу. Все остальное не так уж важно.

Берусь за телефон, но сегодня, кажется, все против нашего разговора. Алан беспричинно сокращает перерыв. Меня дергают со всех сторон по самым разным рабочим вопросам, в результате чего я никак не могу найти возможность уединиться больше чем на пять минут.

Но пять минут маловато для того, что я хочу ей сказать.

Это не мешает нам обмениваться какими-то нейтральными смс-ками типа: долетел норм, работаю, скучаю...

А все из-за того, что мы ещё не достаточно, мать твою, близки! До сих пор я тщательно подбираю слова в страхе излишне надавить на нее своими чувствами, быть навязчивым. Это все еще так тяжело. Но необходимо, я понимаю.

В студии работаем до глубокой ночи, расходясь в редкие перерывы с обиженной Катей в противоположные концы съёмочного павильона.

Возможно, странно, но наш конфликт никак не влияет на результат проделанной работы, а напротив, даже добавляет в запись какую-то перчинку. Катя становится веселой и злой, непривычно молчаливой за кадром.

Она царапается как дикая кошка, прикасаясь ко мне по сценарию, и явно стремясь причинить физическую боль. Меня это только смешит, а ее, судя по всему, сексуально

заводит.

Катя как будто обдумывает, с какого фланга нанести по мне следующий удар. Я чувствую ее яростное напряжение и какую-то нечеловеческую сосредоточенность на мне. Она хочет сбить меня с ног своим напором, овладеть хитростью или силой, добиться своего любым путем!

Из всего этого мог бы выйти неплохой секс, но я уверен, что она бы тут же использовала против меня эту информацию.

Обычно такое поведение присуще мужчинам. Но эта девочка не привыкла к отказам, да и вряд ли ее даже можно назвать девочкой.

Она — хищник, расчетливый и опасный, благодаря своему влиянию в этом мире. Моем мире, в том числе, и у меня нет никакого желания играть с ней. Даже если я уже случайно зацепил ее интерес.

Ближе к ночи Тоха приносит мне запись радиоэфира. Вместо голоса Антонины я, нахмурившись, долго слушаю как вещает какая-то тетка. Может быть, это замена или что-то типа, не может же Тоня работать там каждый день?!

Прошу у помощника записи предыдущих эфиров, которые пропустил из-за занятости, и он находит их. Но там та же херня — чужие голоса.

Пытаюсь покрутить в голове сказанное Катей. Сопоставляю факты, выстраивая хоть какую-то логическую связь. Без увольнения, без Германа Мискарьянца.

И у меня ни хрена не получается.

Неспадающее напряжение

Антонина

Ленивую размеренность моего абсолютно свободного субботнего утра нарушает неожиданный звонок Елки. Что могло ей понадобиться в такую рань?!

Пока обмениваемся дежурными приветствиями, я бреду на залитую теплым солнечным светом кухню, чтобы запустить кофемашину. С наслаждением вдыхаю аромат кофе, немедленно заполонивший все вокруг.

— Какие планы на день? — жизнерадостно интересуется Танюшка.

Честно признаюсь, что никаких. Отоспаться на выходных, разве что.

— Отоспитесь на природе! — тут же выдает она, — как сказал Гоша, он же Гога, он же Жора — я приглашаю вас на пикник.

Смеюсь. Но дальше все действительно происходит как в этом прекрасном советском фильме.

Она прямо таки безапелляционно настаивает на пикнике, утверждая, что ждут только меня и прямо сейчас заедут, никаких особых приготовлений не нужно! Тут я, признаться, зависаю.

Вообще, Танюха как-то уж слишком активно «взялась за меня» после того случая со спасением. Прямо как те японцы, которые считают, что мы в ответе за тех, кого спасли. Если еще точнее, эта мысль принадлежит древнекитайскому мыслителю Конфуцию, но суть от этого не меняется.

Еще, подружка наверняка думает, что я до сих пор тяжело переживаю потерю работы на радио. Это не так.

Впрочем, все ее тревоги вызывают во мне только положительные эмоции, ведь, на самом деле, это так приятно — знать, что кто-то о тебе искренне заботится. Тем более, человек посторонний.

Словно читая мои мысли, Таня добавляет, что не позволит мне в выходной день скучать в одиночестве!

Я улыбаюсь и благодарю, не мешая ее болтовне. Конечно, соглашаюсь, пусть и без особого энтузиазма.

— Хорошо, но какой-то часик на сборы мне все равно нужен, — отвечаю ей, взглянув на настенные часы, — я как раз собиралась в магазин. Что взять?

— Только свое хорошее настроение, — довольно откликается она.

— И куда же мы поедем? Я в любом случае что-то куплю, лучше подскажи мне...

Она немного озадачивается, поэтому я решаю выбрать что-то на свой вкус — фруктов, сыра, воды, возможно, легкого спиртного. Вообще-то, я не пью и Таня за рулем, но ее девчонки, наверное, не откажутся.

— Ладно, а кто там будет? — спрашиваю, намереваясь узнать об их вкусовых предпочтениях.

Таня рассказывает, и подробно.

Мы поедем на ее маленькую дачку в Лопухинку, живописную деревеньку под Питером, говорит она, где будут только свои. Точнее, несколько ее ближайших подруг. Ах, да, и один мужчина...

— Помнишь, «Москва слезам не верит» вспоминали? Так вот. Мясо не терпит женских рук, как говорил этот Гога. Даже таких, как мои, — смеётся, — хотя я умею все или почти все! Но на дачу без шашлыка не езжу, поэтому с нами будет Алексей, вы уже знакомы. Я попросила, ну, он не отказал. Короче, готовься. Через час мы у тебя.

Расстраиваюсь. Конечно, отказаться теперь, услышав об Алексее Васильевиче, было бы с моей стороны неслыханной грубостью.

Черт! Предчувствую, что не смогу расслабиться, если он и там будет преследовать меня своим общением и галантностью.

— Кстати! — продолжает Таня, — на всякий случай, собирайся так, чтобы остаться у меня с ночевкой, если задержимся.

Что?! На какой еще случай? Ночевать я предпочитаю у себя дома. Даже проживание в отеле в поездках мне дается с трудом. Люблю, когда все привычное на своих местах, и я сама себе хозяйка.

— Возьми все необходимое и не переживай, дом большой, у тебя там будет своя комната, — предлагает она.

— Нет, я не могу с ночевкой, — твердо отказываюсь.

— Но почему? — удивляется, — у тебя ж завтра выходной! Сама говорила, что дел никаких, отоспаться только...

Уговаривает, расписывая мне красоты местной деревни, а я, тем временем, мучительно соображаю, как бы соврать половчее.

Казалось бы, ну что здесь такого? Всего лишь ночевка с друзьями.

Однако если, к примеру, спроецировать эту ситуацию на Данила — хотелось бы мне, чтобы он заночевал где-нибудь с Клаудиа и их общими друзьями? Едва ли.

Хотя, вероятнее всего, в Дубае они размещены в одном отеле. Но не в одном же номере?!

И потом, это работа. Ключевое.

Даня говорил, что врать нехорошо. Он прав. Почему я хочу соврать Тане что угодно, лишь бы не ехать?

Потому что там будет этот опер, ее брат. Я отказала ему, а мы всегда бессознательно избегаем людей, которым отказали.

Кроме того, я чувствую себя обязанной ему за тот случай в клубе. И это для меня еще хуже — быть обязанной человеку, который неприятен.

Итак, какой вывод? Никто не может заставить меня общаться с ним. А еще, я легко могу позволить себе говорить то, что думаю.

— Тань, да я, это, — мнусь немного, решив говорить правду и только правду, — дело в том, что я, кажется, понравилась твоему Алексею.

— И? — заинтересованно уточняет она, ничуть не удивившись.

Неужели он говорил ей обо мне что-то?!

— А у меня парень есть, — продолжаю, — теперь понимаешь? Ему будет неприятно, если он узнает, что я... ну, что поехала на пикник с другим парнем, который рассчитывает на какие-то отношения, да еще с ночевкой.

— Так пригласи его поехать с нами! — легко предлагает.

Я слегка опешиваю. Затем, после паузы, отвечаю, тщательно подбирая слова, чтобы не сболтнуть лишнего:

— Тань, вообще-то, он москвич! У нас отношения на расстоянии, и видимся мы

нечасто, к сожалению. Сейчас он в Москве. Так что это невозможно.

— А что, он абьюзер, или дремучий домостроенец?! — с любопытством спрашивает она, — ну, из серии, запрещает тебе общаться с друзьями?

— Нет, конечно, — смеюсь, — я что, похожа на безумную женщину, чтобы общаться с таким?!

— Не похожа, — она смеется тоже. Мне кажется даже, что я слышу в ее голосе облегчение, — тогда поехали с нами!

Пока я еще немножко раздумываю, продолжает:

— И поверь моему опыту — нет, я, конечно, не хочу сказать ничего лишнего, исключительно твое дело и так далее, но. Отношения на расстоянии это знаешь, такая штука сложная... фигня, короче, а не отношения!

— Знаю, — соглашаюсь я с ней. А затем делаю еще одно признание, — поэтому и хочу переехать в Москву!

— Ну да, ну да, — произносит Таня задумчиво, — это мудро. Но не мудро отказывать друзьям и сидеть одной дома в выходные до самого отъезда в столицу.

Тут уже замолкаю я, и она очень технично склоняет меня на свою сторону. В итоге приходим к компромиссу — едем без ночевки, только до вечера!

Но едем. Почему-то радуюсь. Ведь дома действительно скучно и беспросветно, только фильмы смотреть да книжки читать. Все это я успею на пенсии.

— А... Алексей, — робко начинаю, но Танюшка тут же перебивает меня:

— За кого ты его принимаешь?! За маньяка или полового агрессора? Можешь все время сидеть возле меня, если страшно. Торжественно клянусь защищать твою честь до самого позднего вечера...

Вот так, шутя и смеясь, мы принимаем окончательное решение — едем на пикник в Лопухинку!

Время на сборы пролетает для меня незаметно, но в удовольствие. Все же, это приятные хлопоты.

Купив в ближайшем супермаркете то, что запланировала, я одеваюсь для пикника. Очень просто: джинсы, кроссовки и удобная толстовка.

Несмотря на яркое солнце в небе, сегодня прохладно. Необычайно теплая в этом году зима сменилась жаркой ранней весной, совершенно пленившей жителей нашего холодного региона буйством красок и зелени.

Подумав, я кладу, на всякий случай, с собой в сумку и спрей от комаров. Не дожидаясь звонка, выхожу во двор. Сажусь подождать ребят на лавочку.

Они заезжают за мной минута в минуту, как договаривались! Словно, действительно, ждали только меня. Да еще не на маленькой Ёлкиной машине, а на чьей-то большой и комфортной.

За рулем — Алексей Васильевич. Даже в спортивной одежде майор смотрится неотразимо, что легко объяснимо при такой подтянутой «бойцовой» фигуре. Все-таки, он опер, а опера регулярно сдают нормативы по физподготовке. Девчонки от таких обычно млеют.

И улыбается он мне соответствующе! Поздоровавшись, сажусь подальше от него, стараясь «не отвечивать».

С подружками Тани знакомимся уже в машине — девочки как девочки, нормальные и адекватные. Я, наконец, расслабляюсь, решив получить максимальное удовольствие от

поездки.

Танюха, как обычно, разряжает атмосферу шутливым общением, и дорога уже не кажется мне ни долгой, ни скучной. Мы открываем окна пошире, и мчимся навстречу ветру и приключениям!

Алексей включает музыку. От него в нашу сторону плывет ощутимый, терпкий шлейф дорогого парфюма. Иногда он ловит мой взгляд в зеркале заднего вида, отчего я снова чувствую себя неуютно.

Вероятно, мне бы даже польстило внимание такого парня, если бы не Данил Зимин. Но что такое этот Алексей, да и все мужчины мира с ним в сравнении?! Ничто.

Никто, вернее. Я радуюсь, когда мой телефон начинает звонить под его трек в нашем салоне. Все они сейчас непринужденно общаются, даже не догадываясь, что в эту самую минуту мне звонит исполнитель песни!

Это кажется невероятно романтичным. Убрав звук, я еще какое-то время мечтательно созерцаю экран своего айфона, прежде чем положить его обратно в сумку.

Перезвоню чуть позже, решаю я, о чем и пишу Дане, слушая, как бешено начинает колотиться в груди мое глупое сердце... Ну что поделать, если я уже влюблена как кошка!

Улыбаюсь своим мыслям. Пока все идет прекрасно, и вскоре случай перезвонить ему представляется. Друзья вдруг вспоминают о красивом озере Рудица где-то неподалеку.

— Тонечка! — слышу я голос Алексея, выныривая из собственных мыслей и встречаясь с пронзительным взглядом его внимательных голубых глаз, — а Рудица как раз нам по пути. Вы как, не против заехать?

Все в салоне теперь, как по команде, вопросительно смотрят на меня. Я, конечно, соглашаюсь.

Буквально через считанные минуты его тачка сворачивает с широкой асфальтированной дороги на узкую щебневую.

Чем дальше, тем все зеленее лесополоса вокруг нас, где солнце мягко пробивается сквозь тощую листву деревьев, в которой пушистые хвойные причудливым образом перемешаны с полуголыми лиственными.

На миг у меня даже перехватывает дыхание от этой дикой «загородной» прелести расцветающей весны, которая почти всегда скрыта от нас, городских жителей.

Дорожка круто сворачивает куда-то вправо, машина выруливает на нее и мы, наконец, видим перед собой водоем. Дружной, но нестройной гурьбой вываливаем из машины и сразу же, не сговариваясь, идем к воде.

Сама природа вычертила форму этого озера в виде ровного круга, а вода в нем оказывается темной и загадочной, прямо как на картине Виктора Васнецова «Аленушка».

Озеро ослепительно блестит на солнце зеркалом и я, любясь им, медленно подступаю к тому месту, где берег уходит в воду. Смотрю, как лениво плещутся у ног невысокие волны. Так и хочется погладить их по прохладным «спинкам»! Не удержавшись, приседаю и пробую воду рукой...

В отличие от зачарованной озером меня, Елка с девчонками довольно быстро теряют интерес к природе. Пока я все еще торчу на берегу, они, городские создания, успевают вернуться к машине за термосом с кофе и чашками. Кутаются в пледы из-за сильного ветра.

Я решительно отказываюсь от кофе и пледа, любезно предложенных Алексеем, и отхожу от ребят чуть подалее. Перезваниваю Данилу.

Слушая гудки в телефоне, замечтавшись, просто медленно бреду вдоль берега.

— Але? — отзывается трубка его красивым низким голосом.

— Привет, — радостно выдыхаю, и присаживаюсь в укромном местечке у берега прямо в густую траву-осоку.

Данька радуется мне не меньше, засыпает вопросами. Я коротко рассказываю, что выехала на пикник с друзьями.

Краем уха отсюда слышу, как звонко хохочут девочки над шутками компанейского Алексея.

— Умничка, — реагирует Даня, — ну правильно, че дома сидеть! А где это?

Объясняю. Он кажется искренне довольным за меня.

— А ты как? Съёмки в Дубае закончились? — спрашиваю, принципиально не уточняя ничего по поводу их отношений с Клаудиа. Захочет — сам расскажет.

— В общем, да, — вздыхает он то ли раздраженно, то ли устало.

Недолго молчим.

— Тош... я очень соскучился, — вдруг признается.

— Я тоже, — отвечаю, чувствуя, что он хочет о чем-то спросить меня.

Возможно, о чем-то важном.

Но Данил продолжает молчать, поэтому я спрашиваю первой:

— Что с тобой? Тебя что-то беспокоит?

— Не то, чтобы беспокоит, — говорит он, и тут же задает неожиданный вопрос, — просто скажи. Ты больше не работаешь на радио?

— Нет, — отвечаю, слегка опешив, — а откуда ты узнал?!

— Я слушал твои новости. Часто, — признается, — но потом, вместо твоего голоса в эфире почему-то зазвучали чужие.

— Ну да, — говорю просто, — моего голоса там уже не будет.

— Почему ты ушла оттуда? Если не секрет? — настойчиво продолжает расспросы.

— Не секрет, — отвечаю, и мучительно принимаю нелегкое решение.

Не врать. Или, во всяком случае, недоговорить что-то. Так будет лучше. Для всех. Какая-то птица возле меня в ветвях ивы начинает кричать, оглушительно и громко. Не могу понять, что ее так напугало.

— Из-за конфликта с нашим программным директором, — продолжаю, — ничего, стоящего твоего внимания. Ушла и ушла!

Я смотрю на водную гладь, чуть подернутую рябью, и пытаюсь унять какое-то странное волнение. Природа вокруг меня словно замирает.

— С Германом Мискарьянцем? — спокойно спрашивает Данил.

Меня обдаёт холодом от этого, произнесенного им, имени. Гадкая птица продолжает кричать.

В этот, в высшей степени, драматический момент кто-то аккуратно, но уверенно выдергивает из моей руки телефон. Обомлев, я вскакиваю и оборачиваюсь.

Несколько секунд просто наблюдаю, как неизвестный, ухмыляющийся оборванец лет двадцати прячет мой айфон за ворот своей грязной, растянутой футболки.

Деловито бросает мне:

— Слышь, давай без шума. Серьги, деньги сюда. Все, что есть...

Алчно блестит пустыми наркоманскими глазами, разглядывая серьги в моих ушах. Подарок мамы.

Я пячусь от него, осматриваясь в поисках ребят, но он неожиданно приближается. Не

оставив мне пространства для маневра, вцепляется в плечи мертвой хваткой. Что-то шипит как змея, требуя повиновения.

Исхитрившись, я выворачиваюсь и бью его ногой в колено. Хватка на мгновение ослабевает. Уже в следующую секунду бегу от наркомана прочь, огибая большой раскидистый куст на своем пути.

Там, за ним — наши!

Но, как оказалось, не одни. Вижу парочку таких же отморожков рядом с ними, а за мной, ломая кусты, уже несется их подельник. Ситуация патовая.

Я растерянно торможу возле своих и чужих, с надеждой вглядываясь в безмятежное лицо Алексея. Раньше, чем успеваю что-либо сказать или подумать, он начинает спокойно и методично «укладывать» этих парней на землю.

Корчась от боли, они послушно валятся друг на друга в траву карточным домиком, что называется, без особого шума и пыли.

Алексей действует на загляденье хладнокровно, даже красиво, как в хорошем кино. Прибежавший вслед за мной воришка на миг теряется.

Затем неожиданно достает раскладной нож. Щелкает им, сверкнув на солнце лезвием и, пританцовывая, направляется к Алексею. Самоубийца!

Но девчонки ахают и испуганно жмутся друг к другу. С сильно бьющимся сердцем, я тоже смотрю на майора — он по-прежнему выглядит невозмутимым.

Переводит взгляд на меня и даже, кажется, подмигивает, перед тем как технично обезвредить вора. Все мы шумно выдыхаем.

Алексей отнимает у преступника нож, словно играючись. Усмехается и кладет его к себе в карман. Толкает вора на землю, и тот беспомощно откатывается к своим стонущим собратьям по разуму. Жалко тормозит их.

Неожиданно, я замечаю тяжелый взгляд Елки, устремленный на брата.

— Леш, — произносит она едва слышно, но при этом довольно злобно, и догадка молнией пронзает меня.

— С ума сойти! — восклицает кто-то из девочек, выдирая из рук одного из валяющихся в траве свою сумку.

— Я к этому непричастен, — так же тихо отвечает Тане Алексей. Затем повышает голос на ее воинственно настроенных подруг, — девочки, отойдите!

Снова смотрит на меня, словно проверяя, не испугалась ли. Неужели кровавое зрелище со спасением было разыграно в мою честь?!

Ужасно. Пошло. Невообразимо.

Задыхаясь от возмущения, я подсакиваю к нему, вынуждая обернуться. В этот момент я думаю только о Дане, который, наверняка, шокирован тем, что наша связь прервалась так неожиданно. Да, к тому же, после вопроса о Мискарьянце!

Черт. Что ему известно, и откуда?!

— Верните, пожалуйста, телефон, — прошу громко, глядя не на воров, а на Алексея. Я не собираюсь скрывать от него своей догадки.

Он странно смотрит, затем, охнув, хватается за бок. И оба мы, как по команде, опускаем взгляды вниз, туда, где он сейчас медленно отнимает от своей светлой футболки руку. Под ней расплывается темное пятно. Красное.

Это кровь! Качнувшись, я чувствую, как в моих глазах темнеет от ужаса, когда вижу торчащую в теле Алексея рукоять ножа. И резво поднявшегося позади него вора...

Цепляясь за остатки сознания, я крепко удерживаю раненого на ногах, ожидая нового нападения. Но преступники, вместо этого, молниеносно пускаются наутек.

В эти минуты все происходит как будто в замедленной съемке.

Оседающий на моих руках Алексей мягко, плавно достает откуда-то из внутреннего кармана пиджака пистолет. Стреляет им вслед. Кто-то из девчонок возле нас взвизгивает, и зажмуривается.

Один из убегающих, вероятно, раненый в ногу, падает.

Я держу майора, как могу, но из-за тяжести его тела мы все же оказываемся на земле.

— Все нормально! — улыбнувшись, ободряюще говорит он мне. Как раз перед тем, как потерять сознание.

Конец или начало?

Антонина

От сердца моего отлегают окончательно, только когда к нам, ожидающим в приемном покое городской больницы, вместо дежурного врача выходит сам Алексей Ивакин.

Он немного бледен, но это и понятно. Подшучивая, рассказывает о своем состоянии и даже показывает перебинтованную поясницу.

К счастью, рана его оказалась неопасной. Можно сказать, повезло. Благодаря тренированному мышечному «корсету» нож преступника рассек только пару косых мышц и вошел в тело, не задев никаких жизненно важных органов.

Алексею советуют заночевать в больнице, дабы проконтролировать утром отсутствие сепсиса. Но этот упрямец, приняв антибиотик, упорно отказывается от госпитализации. Зато клятвенно обещает явиться на осмотр к врачу завтра-послезавтра.

Вздыхнув, его недоверчивая сестрица отправляется к хирургу, чтобы лично убедиться в том, что он только что нам тут поведал. Но Леха только смеется.

Танины подружки, пожелав парню скорейшего выздоровления, разбегаются тоже. В итоге мы остаемся с ним вдвоем в пустом полутемном больничном коридоре.

Подходим к окну. Вообще, эта история закончилась вполне благополучно. Алексей мент, притом хороший, поэтому полиция прибыла по его вызову на место быстро и провела все следственные действия оперативно. То есть, в считанные часы.

Раненый Лехой преступник тут же сдал своих подельников, что позволило «по горячим следам» найти их и наши вещи. Напасть с холодным оружием не просто на гражданских, а на опера, это серьезно. Поэтому промышляющим на озере и прилегающей к нему территории воришкам уже не избежать самого сурового наказания.

Мы стоим с Алексеем у окна, и какое-то время просто смотрим друг на друга. Начинаем говорить, одновременно. Но все же, на секунду, он опережает меня.

— Прости, — говорит он мне, хотя это я должна просить у него прощения.

Отрицательно качаю головой.

— Нет, ты прости! — почти не замечаю, как легко мы переходим на «ты» ввиду нестандартности ситуации, — если бы я не отвлекла тебя в тот момент...

— Я сам не должен был отвлекаться, это непрофессионально! — перебивает, — давай... просто забудем?

— Давай.

Замолкаем.

— Ты, конечно, не пойдешь со мной на свидание? — спрашивает он так грустно, что я невольно улыбаюсь.

— Нет, Леш.

— Почему?

Скашиваю глаза в окно, запоздало вспоминая, что во всей этой суматохе забыла позвонить Данилу.

— Ладно! — Алексей даже не дает мне ответить. Неожиданно притягивает к себе.

Обнимает и целует в лоб. Пораженная его нежностью, я даже не сопротивляюсь.

— Пока, — произносит и уходит, не оглядываясь.

Я стою и смотрю ему вслед, желая испытать сожаление. Хоть какие-то чувства. Но их нет.

Зато с радостью и спокойной душой лезу в карман за телефоном, чтобы перезвонить Даньке. Включаю звук. Ну, конечно, миллион пропущенных! Мне даже не приходится слушать гудки.

— Ты в порядке?! — Данил взбешен.

— Да, — тихо отвечаю.

У меня нет ни сил, ни желания ссориться или спорить. Зато я просто рада слышать его голос. Не спеша, в двух словах, объясняю ему, что случилось.

— Почему у тебя все время что-то случается? — сердито спрашивает, — что такое, Тоня?! Почему я должен постоянно волноваться?!

— Ты прав! — соглашаюсь, — стоит тебе появиться в моей жизни, как все начинает идти наперекосяк! Я не знаю, почему так, честно. Но уже заметила.

Данил смеется, я же продолжаю возмущаться:

— Не знаю, как это связано, но это правда.

— Тогда хватит валять дурака, — говорит очень серьезно, — короче. Переезжай ко мне в Москву! Теперь будем вместе. Всегда. По-взрослому.

— Дань, — перебиваю с досадой, — эээ... это все хорошо, конечно! Но не так просто! Давай не будет торопить события. И, насчет Мискарьянца...

Делаю маленькую паузу. Я, конечно, хочу переключить его немного с темы переезда, да и все равно же этот вопрос возникнет. Только теперь он перебивает меня:

— Тонь, плевать я хотел на Мискарьянца! Ты не поняла! Я предлагаю тебе не просто переехать. Выходи за меня замуж.

Замираю.

Данил

Она молчит, я улыбаюсь, а бесконечная вторая линия на моем телефоне мигает как обычно.

Но сегодня все не как обычно! Поэтому никуда не тороплюсь, наслаждаясь моментом. И все же, не сдержавшись, шутливо предупреждаю:

— Только в этот раз меня так просто не кинуть. Если откажешь, я подготовлю такое похищение, что тебе уже не спастись... ах!

— Да, я слушаю, — отзывается потрясенно.

— Да, это в смысле да?!

В ответ Антонина Брежнева только смеется.

— Помучить меня решила? Как всегда? — ненадолго решаю прикинуться обиженным. Потом нежно добавляю, — подожди же, придет и мое время...

Но она вздыхает, и я начинаю всерьез беспокоиться.

— Тонь, ну хватит! — тихо прошу ее, — так что?!

— Ответ тебе нужен прямо сейчас?

— Нет. Через пять лет, — начинаю злиться.

— Да, наверное. Да! — произносит, наконец, взволнованно.

Бешусь. С трудом обуздав себя, перевожу дыхание. Вообще, стараюсь говорить спокойно:

— Что значит «наверное»?

— Нет, я, — она снова запинается. Слушаю, почти не дыша, — люблю тебя, конечно,

Данил. Но просто не знаю, стоит ли нам так торопиться?!

— Да мне все равно, я не настаиваю, — легко соглашаюсь.

— В смысле? — настораживается.

— Для меня ведь неважен именно брак, — признаюсь ей абсолютно честно, — для меня главное, это быть вместе. Переезжай ко мне, а все остальное разрулим. Ну, так как, переезжаешь?

Тонечка расстраивается — слышу по голосу.

— Мне это очень приятно слышать, спасибо, — бубнит, — но что ты предлагаешь, жить гражданским браком?! У тебя, в Москве?

— Да, ты все правильно поняла, — улыбаюсь.

Вот что им нужно, этим женщинам?

Замуж? Нет. Жить вместе? Тоже не очень. При этом говорят о любви! Неужели просто поддакивают?

Но ездить на свидания, раз в полгода, хер знает куда, чтобы просто посидеть и попить чаю вместе, не устаивает уже меня!

Ладно, пусть подумает, переварит это. Все равно ей уже никуда от меня не деться. Так или иначе.

Терпеливо предлагаю:

— Тонь, мне тут продюсер уже телефон обрывает, я перезвоню позже, можно? Где-то через минут двадцать.

— Хорошо, — отвечает взволнованно, и грустно.

Я чувствую, как Тоню раздирают какие-то вопросы, сомнения, но решаю отложить все на потом.

Мне действительно нужно перезвонить Вирмантасу, а остальные сто неотвеченных пока подождут. Усмехнувшись, бесцельно глазею в окно автобуса, на котором мы прямо сейчас добираемся из национального аэропорта Белоруссии в Минск.

Сегодня здесь запланировано проведение сборного концерта российских звёзд в рамках одного известного музыкального фестиваля, сразу после чего мы с командой возвращаемся в Москву.

Я выжат как лимон от вечной дорожной тряски. На подъезде к парковке Дворца культуры наш автобус сразу с двух сторон зажимает безликая фанатская толпа. Раскачивает его.

Это очень напоминает мне нашествие зомби. Визжа как умалишённые, люди пытаются разглядеть хоть что-то сквозь стекла автобуса, не зная даже толком, какую конкретно «звезду» или звезд автобус везет на фестиваль.

Похоже, им все равно. Я смотрю в пустые и мутные, горящие охотничьим азартом глаза через защитную темную пленку на окнах, и вместо тщеславного удовлетворения испытываю жуть.

Я так устал от них от всех, мне нужно только творчество! Хотя, само собой, понимаю, что «зомбики» его неотъемлемая часть.

Более того, без них нет и меня как творческой единицы. Знаю, на что подписался, и знаю, что далеко не все из поклонников нашего творчества такие.

Но, как раз в эту самую минуту, автобус, накренившись, грозит перевернуться. Даже с конца его салона слышно, как истошно ругается водитель.

Еще, страшно хочется пить. Я ищу и никак не могу найти бутылку с водой, удивляясь

Тохе, который, надвинув на лицо бейсболку, умудряется дрыхнуть посреди всего этого хаоса.

Попутно звоню продюсеру, и почему-то долго слушаю гудки. «Воспитывает», наверное. Где-то с десятого поднимает.

— Да, Юрий Шмильевич? — весело рапортую.

Предчувствие грозы

Данил

— Даник, дорогой, — нестандартно начинает продюсер, и это как-то сразу напрягает.

Вначале просто интересуется, на месте ли мы. Я отвечаю, но Юрия Шмильевича уже как будто всего изнутри распирает важная информация, которой ему не терпится поделиться.

Еле дослушивает меня, чтобы затем продолжить с пафосом:

— Хорошо. Ты не зря трудился все эти годы и твоя карьера, наконец, делает новый виток! Кажется, мои молитвы услышаны.

Че он несет? Где Вирмантас и где молитвы, какой еще виток?!

— Вы о новом сотрудничестве, или что имеется в виду? — неподдельно заинтересовываюсь.

— Ты самородок, мой мальчик! И поверь, еще станешь звездой номер один в руках настоящих профессионалов. А мне, увы, больше нечего тебе дать. Ты перерос наш скромный лейбл, признаю. Я передаю тебя «Graffiti star»...

Тут Юрий Шмильевич выдерживает драматическую паузу. Ненавижу этот театр, но как продюсер он и вправду гениален.

Если не считать того, что мой мозг сейчас просто отказывается, мягко говоря, принимать озвученную действительность.

— Не благодари, — усмехается.

— И в мыслях не было! — дерзко отзываюсь, — меня вполне устраивает и наш скромный лейбл.

Он, похоже, даже на какую-то секунду теряется. Потому что просто замолкает. Не ожидал? Или все уже решил, без меня?!

— Не горячись так, Данил, — в его тоне ощутимо сквозят стальные нотки, — ты должен быть благодарен, а что я слышу вместо этого? Документально, если хочешь знать, ты уже там, в их главном московском офисе! Тебе уже даже к нам заезжать без надобности...

Меня передёргивает. Я перебиваю его:

— Юрий Шмильевич, давайте обсудим это по приезду в Москву!

Мой голос звучит жалко, паника захлестывает меня.

— Да что тут обсуждать, Дань? — произносит недовольно. И я, не ожидавший такого предательства от него, почти теряю всякую надежду, — ты не понимаешь, какой уровень работы тебя ждет?! Не дури. Это ж не сравнить...

— Подождите! То есть, как передаете... Как вещь, по телефону?!

В моей груди давит и жжёт не выраженными чувствами.

Слил как тушку, вместе с брендом! Да, у него есть все права на мое имя, мои песни.

Я батрачил на этого человека за нищенский процент несколько долгих лет, почти без единого выходного. Но не жаловался, и был рад тому, что имел. Потому что знал — эта работа в счет моего будущего.

А теперь он так просто, ни слова не сказав, взял и отдал этот бренд и меня самого, как крепостного, в бессрочное пользование человеку, которого, он знает, я не уважаю.

Тимур Урусов — тупой высокомерный мажор, хотя и хваткий, не спорю. Но конкретно

для него я бесталанный выскочка, детдомовец, что он не раз давал мне понять при личных встречах. Не особо церемонясь.

Так что это вообще удивительно, чем я его заинтересовал! Хотя, нет, если вспомнить о его нахальной сестрице.

Выходит, они решили, что я буду безропотно пахать на одного и трахать вторую?!

Но так не будет. Пошлю их всех, и начну, пожалуй, с Вирмантаса.

Не беда, обойдусь без брэнда ZIMMA и без старых узнаваемых песен. Я запишу новые неважно, с новым продюсером или без него!

— Не стоит так со мной разговаривать, Данил. Не ценишь ты добра, — злобно цедит Юрий Шмильевич, — забыл, откуда взялся, без роду и племени?!

Вот тут становится окончательно ясно, что дальнейший разговор с ним не имеет смысла.

— Вам-то что до моего происхождения? — спокойно реагирую.

— Ладно, давай не будем ссориться! — произносит он уже более миролюбиво, — тоже не хочу, знаешь... Ты же мне как сын.

От этой наглой лжи я морщусь. Все-таки очень хорошо, что мне не приходится видеть сейчас его рожу перед собой.

Было бы очень непросто сдерживать эмоции.

— Эй, Данька, — весело спрашивает, видимо, расценив мое молчание как смирение и покорность судьбе, — ну ты чего, завис там?

— Юрий Шмильевич, а... мне уже как, в Москве в ваш офис не являться, сразу идти в «Graffit star»? — решаю закосить под дурачка.

Хотя мне убить его хочется.

Слышу, Вирмантас усмехается, продолжая играть в доброго дядю. Только вот актер из него так себе!

Автобус, накренившись, наконец, выбирается из фанатской пробки благодаря подоспевшим ментам, и Тоха просыпается. Почему-то во всех странах бывшего Союза фанаты особенно дикие.

— Ну что ты, Даник, я всегда тебе рад, приходи в любое время, — смеётся. Ага, это если бы у меня было время с той загрузкой, которая планируется в чудном продюсерском центре Тимура. У него даже сестра сутками работает.

Ну, ничего, на один визит время найду.

Я прощаюсь с ним, а перед глазами уже стоит светлый образ Машеньки Громовой. Его юрисконсульта.

Вообще то, в продюсерском центре Вирмантаса не один юрист, но именно ей довелось заняться однажды документальным оформлением наших с ним деловых отношений.

В итоге, помимо контракта, у нас с несвободной Марией случился короткий, но яркий роман. Я никогда не страдал повышенной совестливостью, поэтому Машин муж-импотент ничуть не мешал мне наслаждаться ее обществом, а ей раскрывать в себе новые женские грани.

Спустя какое-то время эти отношения сошли на нет. Маша, умная и красивая женщина, не собиралась расставаться с мужем. В том, что кроме секса, он ее вполне устраивал.

Поэтому я до сих пор в подробностях помню тот день, когда щедрая во всех отношениях Маша сказала мне, что у нее есть для меня прощальный подарок. Совершенно особенный.

Мы валялись в кровати у нее дома. Голые и уставшие, муж в отъезде, одна сигарета на

двоих — все по классике.

— Мой львенок, — сказала она, забирая у меня сигарету, — этот хитрый лис, наш продюсер, обдирает тебя как липку и будет обдирать еще долгие годы! Это факт.

— И?

Я не спорил с ней, я соглашался. И даже отвлекал от болтовни и от сигареты, пока она не сказала главное:

— И мне это показалось несправедливым! Я решила немножечко исправить ситуацию там, где это было возможным.

— Каким образом?

— Дело в том, что при составлении контракта Вирмантас забыл уточнить один пункт. А именно, размер материальной компенсации артисту в том случае, когда продюсер расстается с ним по своей инициативе! По умолчанию, в наших типовых контрактах эта сумма равна размеру стопроцентного гонорара за десять последних концертов, данных артистом, без вычета комиссии продюсеру. Щедро, согласись! Даже очень скромный артист у Юрия Шмильевича на квартирку себе в Москве заработает.

— Соглашусь. Не знал о таком пункте! — искренне заинтересовался я. Задумался, даже сигарета потухла.

— Ты что же, контракт свой не читал?! — посмеялась надо мной Маша.

— Просмотрел, — признался честно, — кажется, было что-то такое. Меня тогда больше интересовал процент от общего гонорара, мои штрафные и все такое. Инициатива Вирмантаса за его же бабки, это же от него зависит!

— Ну, ты правильно мыслишь, — голая девица напротив уже снова настраивалась на шаловливый лад, но я, зафиксировав ее покрепче, заставил закончить свою мысль:

— И что же ты сделала? Конкретно.

— Конкретно, я не убрала этот пункт. И не спросила о нем, хотя должна была бы. А он подписал!

— Я все же не очень понимаю...

— Сейчас поймешь! Вирмантас ещё ни разу не расторгал контракты с артистами по своей инициативе. Только по соглашению сторон, это очень удобный для него пункт, в связи с налогообложением и прочими моментами. Если же расторгнешь ты, считай, отдашь последнее, еще и должен будешь! Короче, лови совет от коварного юриста — будете разбегаться, вспомни об этой бомбе замедленного действия. Он пока о ней ни сном ни духом, а ты, если все сделаешь правильно, получишь хорошие отступные...

Скоординировав Тоху, я получаю еще немного времени для телефонных переговоров. Судя по ребятам из моей отныне бывшей команды, никто ничего не знает.

Звоню Марии Громовой. Здороваемся, и она сразу дает понять, что уже в курсе всего.

— Маш, твой подарок в силе? — спрашиваю, затаив дыхание. От этого сейчас многое зависит.

— Конечно, — вздыхает, — как вступил в силу с момента подписания, так и действует! А ты совсем забыл обо мне, гадкий мальчишка... Не звонишь, не пишешь.

Расплываюсь в улыбке.

— Спасибо, Маш! Ну, ты ж помнишь, я его заслужил, — шучу недвусмысленно, — а теперь извини! Я уже занят.

Эта новость, похоже, немного ее расстраивает.

— Что будешь делать? — спрашивает Маша.

— Пока не знаю. Подумаю еще, — отвечаю, хотя это неправда.

В голове моей уже рождается дьявольский план. Я должен опередить их обоих, и Тимура и Вирмантаса.

— Но тебе точно не грозят никакие санкции? — уточняю у нее.

— Точно, — хмыкает Маша, — я скажу, что спрашивала, а он ответил делать типовой. Вирмантас часто бывает рассеянным, к тому же, никак не сможет опровергнуть мои слова. Он, кстати, уже передал тебя, не вникая, по своей инициативе. Так что удачи на новом месте! И... я все так же буду рада видеть тебя иногда, если захочешь.

— Ладно, подумаю, Машунь. Пока, — прощаюсь с ней.

Я не подумаю.

Смотрю на часы и перезваниваю своей будущей жене. Ровно через двадцать минут, как и договаривались.

Невеста

Антонина

Звонок Данила застаёт меня в общественном транспорте, на котором я добираюсь из больницы домой. Снимаю трубку, снова здороваемся.

Происходящее кажется мне нереальным — то смешным и нелепым, то волшебным и загадочным. Но, в любом случае, я чувствую себя счастливой.

Улыбаюсь как дурочка, а старушки напротив глазают на меня с нескрываемым любопытством. Вот не любят у нас счастливых людей, и все тут! Сидела бы я мрачная и насупленная, никто бы не обратил внимания.

— Ну что, решилась? — весело спрашивает Даня.

— На что? — кокетливо уточняю.

— На то, чтобы связать наши судьбы, — объясняет он очень серьезно, даже терпеливо.

— Навсегда, — добавляет.

— Конечно, — отвечаю ему просто.

Слушаю, как звонко щебечут за окном птицы. Трамвай, качнувшись на рельсах, тормозит, и в приоткрытые двери вагона, ероша мои волосы, врывается поток теплого воздуха.

Смеюсь. Решительно все сейчас кажется мне прекрасным и удивительным!

Совсем как Константину Левину, герою романа «Анна Каренина», когда он почти также как я, бродил по городу накануне своей женитьбы на любимой девушке. Во времена Константина браки по любви были редкостью.

Я испытываю абсолютно тот же чистый восторг, как у него, когда совсем простые и обыденные вещи вдруг видятся в каком-то новом, удивительном свете.

— Тогда я все готовлю к твоему приезду! Ну и ты давай, собирайся уже потихоньку, — деловито продолжает Данил.

Его почему-то не удивляют приступы моего периодически накатывающего, беспричинного веселья. Хмыкаю:

— Это как, вещи в чемодан складывать?

— И не только, — спокойно отвечает, — я перезвоню тебе вечером, обсудим конкретнее. Ты сможешь в понедельник уволиться, так чтобы одним днем, без отработок?

Замолкаю. От такого темпа у меня перехватывает дыхание.

До меня постепенно доходит, насколько все серьезно. Данил начинает убеждать меня, но этого и не требуется. Я легко соглашаюсь на все, что он предлагает даже несмотря на то, что главный его аргумент звучит как «а чего тянуть».

А действительно, чего?

В тот момент все, что мы задумали, кажется мне естественным, и даже единственно верным. Жизнь так коротка! В чем смысл терять время, если можно не терять, а жить и любить в полной мере, вместе?

Одинаково счастливые и довольные друг другом, а еще, воцарившимся между нами взаимопониманием, мы прощаемся до вечера.

Я лечу домой на крыльях любви, с бешено бьющимся сердцем, с целым роем мыслей в голове. Мне они совершенно не подвластны, и я тщетно, долго пытаюсь усмирить и

упорядочить их.

Бросив это гиблую затею, вернувшись домой, я бесцельно и радостно слоняюсь по квартире, роняя вещи. Твердо решаю уволиться в понедельник.

И в понедельник же, как договаривались, купить билет в Москву. Хотя, можно это сделать и сегодня онлайн. Я не особо задумывалась, но до отъезда мне предстоит целая куча дел.

Впрочем, я больше не боюсь ни дел, ни трудностей. Чувствую в себе невероятный подъем, сейчас мне все «по плечу»! Для меня как будто нет ничего невозможного.

— Антонина Сергеевна Зимина, — говорю своему отражению в зеркале, и снова смеюсь.

Представляю на миг лица бывших коллег-учителей по нашему провинциальному интернату. То-то все удивятся, когда узнают!

С волнением думаю о том, как расскажу о свадьбе дяде Ване и родителям. Накатывает неожиданное желание надеть белое платье, почувствовать себя красивой.

А вечером звонит Данил.

Мечты о платье, и о маленьком празднике в узком семейном кругу рассеиваются как дым. Но я уже и сама понимаю как это неважно.

Неромантичный Данил, к тому же, публичный человек, предлагает мне быструю тайную роспись в одном из московских районных загсов. Наверное, это к лучшему.

Вместо слов любви и пылких признаний первым делом он интересуется, есть ли у меня загранпаспорт.

— Есть, — подтверждаю со вздохом.

— Супер, а сможешь сфоткать и сбросить мне, все странички? — тут же реагирует.

Я вяло спрашиваю зачем, хотя, в общем, уже сама догадываюсь. Однако ему удается меня удивить!

Данил хочет, чтобы я приехала к нему с одним маленьким чемоданчиком из самых необходимых вещей, и попала, что называется, с корабля на бал. Вернее, в тот же день, на собственную свадьбу.

Просит быстренько передать хозяйке съемную квартиру, отправить родителям мои ненужные вещи и уже во вторник быть в Москве.

Почувствовав легкое головокружение и дрожь в ногах, я присаживаюсь.

— Я договариваюсь с загсом на вторник, так подходит? — говорит Данил, по сути, ставя меня перед фактом, — распишемся, и в тот же день махнем на Бали! На месяц или больше, считай это нашим свадебным путешествием. Деньги у нас есть. Давай я тебе сейчас перешлю немного, чтобы не было проблем с билетом и квартирой, напиши куда...

Впервые, я ощущаю страх. В воздухе витает что-то странное.

— Ты просто расслабься и не думай ни о чем, — мягко увещевает он.

Но я так не могу. К чему такая спешка?!

— А как же... твой гастрольный график, работа? — спрашиваю растерянно.

Данил не дает моей бдительности и шанса, веско ответив:

— Я беру отпуск! Кроме того, расхожусь с продюсером. Вторник важный день, запомни. У нас состоится окончательный расчет. Потом у меня в городе кое-какие дела, но к тому времени, когда ты приедешь, я уже весь твой! Расскажу, если хочешь, обо всем позднее. Не по телефону, ладно?

— Ладно, — киваю.

Я верю ему.

— Но все так быстро, — все же тяну неуверенно, — больше похоже на то, что мы бежим куда-то!

Но, что бы я ни говорила, давно уже плавлюсь как кусочек масла на раскаленной сковороде, и все, сказанное Данилом, кажется мне истиной в последней инстанции. Он вторит мне:

— А так и есть! Мы бежим. Друг к другу...

После нашего разговора я еще долго сижу, не двигаясь. Потом иду к шкафу как зачарованная, распаиваю его с улыбкой на лице.

Господи, какая ерунда, подумаешь, свадьба, платье! У меня как раз есть подходящее.

Белое простенькое платьице до колена, но приталенное и с изящным рукавом-фонариком. К нему остается только подобрать такие же белые туфли-лодочки.

Может быть, распустить волосы, завить легкие локоны? Будет просто, но со вкусом. Даже цветов не нужно.

Сейчас только одно имеет значение. Мы любим друг друга! Все остальное неважно.

Роковой вторник

Главный офис продюсерской компании «Graffiti star», Москва

В величественный, исполинских размеров кабинет президента компании Тимура Урусова уверенно входит его сестра, яркая блондинка. За ее спиной маячит секретарша с беспокойным взглядом, которая, впрочем, тут же исчезает, убедившись, что шеф не против этого визита.

Двигаясь с грацией юной Мэрилин Монро и также напоминая ее внешне, Катя прямо с порога направляется к бару. Там наливает себе что-то, звякнув бокалами.

— Привет, Тим! — через плечо бросает хозяину кабинета.

— Привет, — откликается он из-за недр своего стола.

Нехотя отодвигает от себя эффектную брюнетку, привалившуюся к этому самому столу пятой точкой:

— Погуляй пока!

Эффектные брюнетки — слабость Тимура Урусова. Сейчас они с брюнеткой не делали ничего, выходящего за рамки приличий, хотя могли бы.

Но Кате нет до этого никакого дела. Пусть и нечастая гостья здесь, она чувствует себя как дома. Спокойно опускается, с бокалом в руке, на низкий широкий диванчик цвета кофе с молоком, ожидая внимания брата.

Девушка напротив томно улыбается Тимуру. Скашивает глаза в сторону дверей, ведущих из кабинета в зону отдыха.

— Ты придешь ко мне попозже? — спрашивает с придыханием.

Он кивает и бесцеремонно шлепает ее по попе, поторапливая. Провожает взглядом и только затем, наконец, медленно, лениво поднимается из-за стола.

Идет к сестре, бесшумно ступая по густому напольному ворсу своими мягкими дизайнерскими мокасинами, так похожими на домашние тапочки.

Все в этом кабинете призвано смущать, и поражать воображение кричащей роскошью. Какой-нибудь российский певец болгарского происхождения совершенно точно сошел бы здесь с ума от счастья.

Однако во всем этом, конечно, присутствует тонкий психологический расчёт, который всегда оправдывается. Ибо всяк сюда входящий невольно задумывается как о масштабе личности самого Тимура, так и о размерах его бездонного кошелька.

В громадном помещении царят все оттенки бежевой пастели и золота в мягких теплых тонах. Стеновые панели, мебель выполнены исключительно из дорогих сортов дерева с использованием сложнейшей резьбы и фрезеровки, и украшены сусальным золотом.

Мебель в этом кабинете настолько дорога, что сама по себе выступает его эксклюзивным украшением. Из окон открывается вид на самое сердце Москвы.

Но и это ещё не все. Непосредственно к кабинету примыкают сложные разветвления из нескольких комнат — комнаты отдыха, просторного санузла, сауны и спальни.

Даже сам Тимур Эльдарович своей несколько экзотической внешностью дополняет этот кабинет как вполне полноценный "элемент" декора.

Коренастый, мощный и смуглый, он довольно привлекателен. Тело его, красивое и ухоженное, густо «забито» татуировками, что придаёт Тимуру странный, даже опасный вид.

Как носитель преимущественно восточного генофонда он, в отличие от своей белокожей, голубоглазой и курносой сестры по матери, кареглазый и темноволосый. А модная аккуратная бородка с усами лишь подчеркивают это.

Тимур очень молод для своей должности, на вид ему не больше тридцати пяти.

Поравнявшись с диванчиком, он вальяжно разваливается на нем и с любопытством заглядывает в бокал сестры.

— Что-то я не наблюдаю здесь Данила Зимины, — произносит она как бы задумчиво.

Крутит бокал в руке, покачивая его темное янтарное содержимое. Затем делает глоток и вперяет в брата требовательный взгляд.

— Где, на моем столе? — хохотнув, уточняет он.

— На моем! — отвечает Катя зло и веско, — деньги переведены, Вирмантас всем доволен, а артиста не видать.

Тимур морщится.

— Не суетись, — только и произносит он в ответ.

Вздыхает, встает и тоже идет к бару, но не за спиртным. Ворчит что-то о целой куче дел на сегодня и необходимости быть в тонусе.

Скользит скучающим взглядом по батарее дорогих бутылок, перед тем как взять там маленькую коробочку, внешне очень напоминающую табакерку. Возвращается, ставит ее на прозрачный журнальный столик.

И Катя невольно засматривается на тонкую работу ювелира — «табакерка» выполнена из белого золота с красивой инкрустацией в виде россыпи дорогих камней. Но тут Тимур открывает ее, и все очарование рассеивается.

Он готовит «дозу» из белой дорожки порошка. Сестра просто наблюдает за ним, никак не комментируя.

— Сам позвонит, — флегматично продолжает Тимур, закончив свои приготовления.

— А у него есть твои контакты? — с сомнением спрашивает она, снова делая глоток.

Закидывает ногу на ногу, придирчиво разглядывая носки модельных туфель на высоченной тонкой шпильке.

— Найдет, — коротко басит Тимур, — а еще лучше, придет и запишется ко мне на прием! Я так выстраиваю отношения с артистом с самого начала. Чтобы сразу понимал, кто его хозяин, и кто здесь рулит реально.

Катя смеется.

— Дай и мне попробовать, — тянется к порошку.

Но он не дает ей этого. Отрицательно мотнув головой, вдыхает «дозу» сам. Затем расслабленно откидывается на диване головой назад, прикрыв веки.

— Ни к чему тебе, — отзывается, — ты у нас и без того баба экзальтированная, а так совсем слетишь с катушек.

— Сам ты баба, — тянет она обиженно.

— Вон как на стенку лезешь в ожидании Зимины! — продолжает, — а я на этой дури уж лет десять, и никакого привыкания, веришь?

Катя кивает, с трудом скрывая свое нервное возбуждение. Тут брат прав, хоть он и сволочь редкая.

Катя знает.

— А то хуже буду работать, да?! — весело изрекает, но Тимур не достаивает ее ответом.

Повисает недолгая пауза.

— У меня скоро день рождения, — говорит она, улыбаясь, — Тим, ты хоть помнишь?

— Ну да.

Брат открывает свои черные как ночь глаза и смотрит на нее, пытаясь разгадать, какая просьба за этим последует.

— Подари мне его на день рождения! — не затягивает она с интригой.

— Кого?

— Зимина.

— Бери! — ржет Тимур.

Когда их улыбки заканчиваются, он находит нужным уточнить:

— В каком виде, в торте мне тебе его запечь, что ли?! Так ты за этим пришла?

С довольным видом, Катя ныряет к нему под бочок и начинает ластиться, как кошка, поглаживая:

— Нет, в торте не нужно, а лучше отпусти-ка ты нас на Мальдивы, на недельку-другую! Мы потом все отработаем. Честно-честно.

Тимур усмехается.

— На Мальдивы?

— Ну да, — продолжает она уговаривать, — ты же знаешь, как мне важно иногда расслабляться?

— Ладно, черт с тобой. Забирай его, езжайте! Десять дней, и ни днем больше.

Он снимает с себя ее руки и снова идет к бару. Там, плеснув себе виски со льдом, падает в одно из кресел. Устало потирает переносицу:

— Мне тоже по душе этот пахарь, будем считать, пригодится.

— Но сдался он тебе, Катка! — вдруг добавляет осуждающе, — ты наиграешься, а мне потом ограняй этот кубический цирконий.

— Брюлик, — настаивает она.

— Кубик циркония, — стоит на своем Тимур.

Но сестра не спорит дальше. Вполне удовлетворенная разговором, она поднимается со своего места, одергивает юбку и проводит рукой по волосам.

— Ладно, не буду отнимать твое драгоценное время. Просто маякни, как он объявится.

— Само собой. Куда он денется...

В этот момент телефон Тимура начинает звонить. Взглянув на экран, он досадливо морщится и Катя, не справившись с любопытством, заглядывает туда тоже:

— Кто там?

— Так, один пафосный член...

— А я думала, он твой друг!

Она смеется. Машинально достает и свой телефон, чтобы посмотреть, нет ли пропущенных.

— А что, пафосный член не может быть моим другом? — реагирует на ее смех Тимур, сверкнув в улыбке белоснежными винирами, — вообще, рассказать тебе, что такое дружба?!

Но Катя молчит, нахмутив светлые брови. Быстро листает что-то в своем телефоне.

— Ну, че там? — спрашивает брат, делая вид, что это ему действительно интересно.

— Смс-очка, — отвечает растерянно, — от помощника Зимы, Крис переслала. Ну, нифига себе! Тимур!

Часом ранее

Данил

Паркуюсь под офисом бывшего шефа, здороваюсь с охраной. Здесь я пока за своего, но так будет недолго.

Бросив взгляд на наручные часы, оставляю машину и уверенным шагом иду в здание. На часах 10.55 утра.

Благодаря друзьям из офиса я знаю, что сегодня у Юрия Шмильевича, как и у меня, важный день.

Только для меня он не просто важный. Накануне я почти не спал, строя планы и решая организационные вопросы. Домик на берегу Индийского океана уже ждет нас!

Ровно через пять минут, в Кремле, Юрия Шмильевича будут награждать за какие-то там заслуги перед отечеством в сфере российской музыкальной культуры. Не персонально, конечно, а в числе таких же подобных деятелей.

Мне не доводилось бывать в Кремле на награждениях, но я в курсе, что там принято отключать телефоны, в том числе, на фуршетах, которые обычно устраивают для орденоносцев после церемонии.

Это означает, что у меня есть примерно полчаса времени, пока Юрий Шмильевич будет вне зоны доступа. Что ж, вполне достаточно для реализации моей задумки.

Мне всего-то нужно, немножко удачи сегодня! Потому что слишком многое на кону, и слишком много зависит от случая.

Здесь, в его офисе, находится моя страховка, которую я намерен забрать прямо сейчас.

Более того, я собираюсь нарушить закон, совершить некрасивый поступок. Хотя, такие как я, мало понимают в красоте.

Господин Вирмантас играет со мной не по правилам, а значит и мне можно!

Кроме того, теперь я не один. Теперь у меня семья и я должен думать, как не остаться без гроша в кармане, потому что пока не знаю, насколько затянется мой вынужденный отпуск и эта вынужденная борьба с Тимуром Урусовым.

Конечно, у меня есть кое-какие средства. Но я больше не могу рисковать.

Еще, нужно подумать о том, как мне выйти сухим из воды, или точнее, с минимальными потерями из этого гребаного «Граффит стар».

Поднимаюсь на лифте во владения Вирмантаса, вхожу в приемную. Там все, как и всегда, деловая обстановка. Ко мне синхронно поворачиваются «двое из ларца» — разбирающие у стола почти личные помощник и секретарь Юрия Шмильевича, Ваня и Вера. Оба молодые ребята, до тридцати.

В строгих офисных костюмчиках резко контрастируют со мной, одетым по-спортивному и с рюкзаком на плече. Хотя, в принципе, так я одеваюсь частенько.

Их лица выглядят немного растерянными. Конечно, все в офисе уже в курсе моего перехода в «Граффит стар» и, возможно, не ожидали увидеть меня здесь так быстро. Или вообще увидеть меня здесь хоть когда-нибудь.

Здороваюсь с Ваней и Верой, и ужом проскальзываю прямо в приоткрытую дверь, ведущую в кабинет шефа. Там внаглую располагаюсь за столом для совещаний. Ребята — за мной.

В целом, эта ситуация довольно обычна. Раньше я нередко подолгу ждал шефа в кабинете в его отсутствие.

— Вань, у меня есть десять минут, — огорошиваю первого, не давая им опомниться и сообразить, как бы выгнать меня отсюда полочнее, — Юрий Шмильевич когда-то говорил,

чтобы я подписал у вас бумагу о том, что у меня нет к продюсерскому центру имущественных и так далее претензий. Бумага готова?

Я, конечно, блефую. Ничего подобного он мне не говорил. Зато я знаю, как выкрутиться на эту тему в разговоре с ним, но попозже.

Мне просто очень нужно остаться в этом кабинете одному на пару минут, не больше. Даже на минуточку!

Ваня выглядит озадаченным.

— Мне Юрий Шмильевич не говорил ничего такого, не припоминаю что-то, — тянет он.

Нетерпеливым тоном, я тут же предлагаю ему перезвонить шефу и уточнить. И они почти хором, восхищенно, со всеми ненужными подробностями рассказывают мне, почему сейчас никак — шеф на награждении.

Я тоже делаю радостное лицо.

— Молодец Юрий Шмильевич! — говорю им одобрительно.

Ваня и Вера кивают, не двигаясь с места. Стоят у стола, надо мной стойкими оловянными солдатиками.

Убедившись, что они вряд ли планируют покинуть свой пост до самого возвращения шефа, продолжаю:

— Вань, ну ты, может, спроси у юристов, сделают они мне такую бумагу по-быстрому? Я готов подписать. А то вдруг Юрий Шмильевич поругает тебя.

А вот это оказывается аргументом. Встрепенувшись, Иван уходит и я, с улыбкой из арсенала своих самых обаятельных, перевожу взгляд на давно и безнадежно сохнущую по мне Верочку:

— Можно попросить у вас стаканчик негазированной минеральной воды?

Ввиду нашей давней взаимной робости, с ней мы всегда на «вы». Даже не смотря на наше многолетнее рабочее общение.

Кивнув, секретарша исчезает в проеме двери, оставив ее открытой. Итак, у меня две минуты, или лучше будем считать, одна.

Я быстро подхожу к встроенному в стену кабинета сейфу. Открываю незаметную с виду «дверцу» и ввожу комбинацию цифр.

Вообще, в кабинете шефа не один сейф. У него есть и свой личный, куда доступ, по понятным причинам, закрыт, но шифр этого, так называемого «общаковского», я знаю.

В нем мы храним «резервные» деньги — излишки, полученные за проведенные концерты и мероприятия, для всяких разных непредвиденных нужд.

Тихо присвистнув, достаю запечатанные пачки купюр в характерных банковских обертках. Сто тысяч американских долларов.

Здесь больше, чем я думал, но меньше, чем Вирмантас должен мне в качестве официальной компенсации по контракту.

Складываю деньги в рюкзак и закрываю сейф. Если б я хоть на секунду думал, что он захочет по-честному вернуть мне то, что полагается, то не делал бы этого.

Больше того, я готов вернуть эту наличность по первому требованию, но при условии, если он переведет мне на счет то, что должен. Чего не будет.

Памятуя о патологической жадности бывшего шефа, уверен, что мне пришлось бы искать юристов и потом судиться с ним годы.

Поэтому, лучше скажу ему, что меня вполне устроит и эта сумма.

Когда Вера входит в кабинет с бутылкой воды и стаканом на подносе, я давно уже сижу за столом со скучающим видом.

С ней мы мило беседуем еще минут пять, прежде чем к нам забегает запыхавшийся Иван:

— Вот, Дань, смотри, подписывай!

Кладет передо мной бумагу с ручкой. Юристы обитают всего через пару кабинетов от нас. Пока что все идет по плану — я вижу, что они ожидаемо, в темпе «набрали» нечто шаблонное.

Быстро пробегаю глазами строчки и, отодвинув от себя бумаженцию, спокойно встаю. Закидываю на плечо рюкзак.

— Не совсем то, Вань, извини. Не подпишу, — отрицательно качаю головой.

И объясняю уже конкретнее:

— Понимаешь, такое заявление должно быть взаимным. Здесь еще надо указать, что у Юрия Шмильевича тоже нет ко мне претензий. Вот тогда окей. Ладно, не страшно, я ему позвоню, текст согласуем. Приеду в другой раз, ребят, спасибо!

Им не остается ничего другого, кроме как согласиться со мной. Я прощаюсь с Ваней и Верой, и уйду, не позволив втянуть себя в дискуссию на тему моего нового, ненавистного продюсерского центра.

Уже этим вечером я, женатый человек, буду лететь в такое место, где меня не найдет даже Тимур Урусов.

Вернее, не найдет нас. В самой прекрасной в мире глуши, в тихом, безопасном местечке на берегу океана.

Снять там дом мне помог друг, музыкант Соммерт, «в миру» Миша Сомов. Так что звонить Вирмантасу, чтобы расставить все точки над «і» я буду уже оттуда.

Надеюсь, во всяком случае. Он может обнаружить пропажу денег как через час, так и через месяц с равным успехом. Насколько я знаю, заглядывает он в тот сейф редко и только по необходимости.

А прямо сейчас мне нужно съездить в банк. Как VIP клиент, я уже позвонил и договорился о времени визита.

Хочу, во-первых, подстраховаться и закрыть свой действующий «зарплатный» счет, перекинув сбережения с него на парочку новых, которые открою там же. И, во-вторых, на один из этих счетов я положу восемьдесят штук из своей сумки.

Оставшиеся двадцать мы прихватим с собой на Бали наличкой. По правилам, пересекая границу, один человек может провезти не более десяти тысяч евро.

Прощаюсь с охраной, и выхожу из здания. Проходя мимо кафешки на цокольном этаже я, не удержавшись, заглядываю в одно из ее окон.

Высматриваю там завсегдаев этого места — своих бывших личных охранников Санчо, Юрика и помощника Тоху. Несвятая троица как раз на своих любимых местах по центру зала.

Несколько часов счастья

Данил

Санчо со своим чутьем бодигарда почти сразу замечает меня. Машет рукой, приглашая к ним и я, улыбнувшись, жестом показываю, что скоро спущусь. Парни, явно довольные встречей, кивают тоже.

Мне хочется вот так, по-людски, сидя за одним столом проститься с ними. Жаль только, времени мало.

Как ни крути, но мы провели несколько лет, работая вместе, и это были неплохие годы. Нам есть, что вспомнить и как знать, может быть, судьба еще сведет нас. Москва все же большая деревня, как гласит избитая фраза.

Круто развернувшись, я выхожу с охраняемой парковки и направляюсь к газетному киоску, где покупаю три простых белых конверта.

В машине разрываю одну из банковских оберток, и кладу пацанам в конверты небольшие, но приятные премиальные.

Мне хочется сделать для них что-то хорошее, поднять настроение. Хотя, вероятнее всего, тут дело в другом — в моем теперешнем абсолютном состоянии счастья, которым хочется поделиться со всем миром!

Чего я, конечно, не сделаю, думаю, усмехаясь.

Спускаюсь в кафе и иду к ребятам. Они шумят немного, приветствуя меня. Сперва болтаем ни о чем, и я сразу честно признаюсь, что ненадолго.

— Блин. Пацаны, до сих пор не могу поверить, что Вирмантас так легко отпустил тебя! — простодушно восклицает Юрик.

— Ну, Зиме нужно развитие. Это факт, — откликается за меня Санчо, — подожди, он еще, знаешь, как раскрутится! Вон у Тимура Урусова одни только звезды первого эшелона.

Смотрит на меня, весело ухмыляясь:

— Да вы посмотрите, как он светится от счастья! Неужели только я один вижу?

Санчо попадает в точку. Улыбаюсь. Знали бы они истинную причину моей радости!

— Это правда, — коротко подтверждаю.

И парни еще больше веселятся, то поздравляя меня, то по-доброму подшучивая надо мной. Я даже почти расслабляюсь в момент такого общего душевного подъема.

— Делаем ставки, господа! — вопит недалекий, хоть и безобидный, в целом, Юрик, — в «Граффит Стар» Зима быстро станет миллионером.

Он резво подхватывает «линию» Санчо на эту тему и, как всегда, пропускает момент, когда из шутника становится клоуном. Смеемся уже над ним.

— Урусов имеет хорошую чуйку на таланты! Стопроцентно однажды отправит тебя в мировое турне, — уверенно заключает.

— Мгм, отправит, — хмыкаю в ответ.

Он меня или, скорее, я его!

— Че, че ты там бормочешь? — уточняет Санчо, улыбаясь.

— Да, говорю, да. Какой он, ваш Тимур Урусов, — подбираю словечко, — гениальный!

За смехом и разговорами мои десять минут быстро истекают. Я смотрю на часы, и прощаюсь с парнями. Достая конверты.

Парни грустнеют. Юрик вдруг очень эмоционально начинает приглашать меня на день рождения своей девушки в ночной клуб, завтра вечером. Само собой, отказываюсь.

— Как, уже гастролы в новом составе?! — расстроено напирает он на меня.

Юрик, когда хочет, умеет быть настойчивым.

— Нет, наоборот, — отмахиваюсь от него, — хочу уехать на время, отдохнуть от всей этой круговерти!

Прикусив себе язык, замираю. Но они уже вовсю забрасывают меня расспросами.

Мысленно ругаю себя. Неожиданно замечаю, как настораживается Тоха. Что ж придется как-то выкручиваться!

— А далеко? — спрашивает он.

Вздыхнув, невольно слушаю шутки Юрика на тему райского отдыха в его понимании, и кротко отвечаю:

— Нет, в Питер! К своей девушке.

Парни понимающе переглядываются. Мое хорошее настроение тут же улетучивается, но я хотя бы навел их, на всякий случай, на ложный след.

Мы говорим еще примерно с минуту, когда я вдруг вижу, что Тоха строчит кому-то в своем телефоне. Немножко жду, а затем ловко, неожиданно выдергиваю у него из рук телефон с вопросом:

— Можно?

Ясное дело, вопрос был риторическим.

Во мне все еще свежо воспоминание, как кто-то из нашей команды сливал информацию обо мне. Поэтому Антошке не остается ничего другого, кроме как просто наблюдать за тем, что я делаю.

Читаю на экране: «Крис, надо поговорить!».

Имя абонента: Кристина. Кто такая эта Кристина? Листаю их предыдущую переписку но ее нет. Это сообщение здесь первое.

Перевожу тяжёлый взгляд на своего бывшего личного помощника:

— Что это?

— Г-где? — оторопев, Антон даже начинает заикаться.

Парни тоже глядят на меня непонимающе.

— Давай-ка пересядем за другой стол. Разговор есть, — я быстро ставлю его перед фактом, и пересаживаюсь за соседний столик первым.

Нехорошо, если он успеет сориентироваться, но и при них говорить тоже не хочется.

— Это Кристина, моя девушка. Мы поссорились, я ей звоню, она трубку не берет, — скороговоркой выпаливает он, — а че такое, я не понял?!

— А ты че так напрягся? — решаю перебдеть, продолжив задавать вопросы.

Мне не нравится реакция Антона. Хотя в целом, возможно, убедительно.

— Девушка, говоришь? Тогда почему в вашей переписке только одна смс-ка?

— Ты и это успел посмотреть? — он пытается скрыть от меня смущение. Тянется к телефону, но я не отдаю.

— Антон, ответь на вопрос.

Очень стараюсь говорить спокойно.

— Мы просто недавно встречаемся, раньше только созванивались, и все! — чертыхается он. Агрессирует, — ты чего, Зима?!

Киваю:

— Ну, допустим. А почему не зайка, там, котик, еще какой-нибудь зверь?

Как могу, «считываю» его мимику и любые реакции. Я ищу в его лице что-нибудь необычное. То, что даст мне подсказку.

— Да мы с ней так не общаемся, — он пугается, — и вообще, недавно знакомы!

Не знаю, но похоже на правду. Мы ведь с Тоней тоже обходимся без заек и котиков. Так что это его типа «сухое» обращение к девушке еще ни о чем не говорит.

— Что ты хочешь услышать? — Антон чуть не плачет.

И я смягчаюсь. Возвращаю ему телефон.

— Понимаешь, — объясняю, — было время, когда кто-то регулярно сливал информацию обо мне куда ни попадя, и мне очень не хочется думать, что это был ты!

Снова пристально смотрю на него, но Антон уходит «в отказ», все отрицая.

— Блин, да кто и что сливал?! — невнятно мычит в ответ.

Пытается задавать вопросы. Я понимаю, что так ничего не добьюсь, только потеряю время.

Даже если это он, то, что дальше? Убить и закопать его хладный труп, чтобы ничего никому не рассказал?!

Ну не вариант же. Припугнуть разве.

— Антон, — произношу я максимально сурово.

Выдерживаю паузу, и он растерянно замолкает.

— Я не шучу с тобой. Ты сливал? Признавайся.

— Да нет же!

Недобро смотрим друг на друга.

А что, если я ошибаюсь?

— Короче, так, — встаю и закидываю рюкзак на плечо, — извини, если я неправ. Но запомни. Если узнаю, что ты вредишь мне или знал, что кто-то вредит, и не сказал, то... плохо будет всем!

Не дожидаясь его реакции, возвращаюсь к парням. Прощаюсь. Мы пожимаем друг другу руки, а Антон медленно пересаживается за их стол.

— До встречи, — говорю им всем напоследок, и выхожу из кафе.

Вот так! Мне плевать, что они подумали. Пусть крыса будет предупреждена, если она здесь есть, конечно.

Что еще я могу сделать?

На душе скребут кошки, но недолго. Муторное, неприятное чувство подозрительности вскоре сменяется мыслями о том, что всего через пару часов Тоня будет в Москве.

Значит, стоит поторопиться. Сначала мотнусь в банк, потом домой в душ и переодеться, а после на вокзал! Встречать свою будущую жену.

Расплываюсь в улыбке. Сажусь в машину.

Пока все идет прекрасно!

И чего я так распереживался? В конце концов, я ведь не сказал ничего такого. Сказал, что еду в Питер, вот и пусть ищут меня там, если что. А вернее, нас.

Конечно, пацаны знают Тонин адрес, но ее уже там нет, и не будет. Когда они это поймут, будет слишком поздно.

Мы уже будем женаты и далеко отсюда! Ни Катя, ни Тимур, ни кто-либо еще ничего не смогут с этим поделать. Никогда.

А с Тимуром я разберусь позже, как только придумаю способ поизящнее. Может быть,

нам даже не придётся воевать друг с другом. Мне, во всяком случае, очень бы не хотелось этого.

Все же, осторожность не будет лишней. Ну, не пойдём сегодня в рестик после росписи, чтобышний раз не светиться. Поужинаем дома, делов-то!

Я отменю заказ, так даже лучше... Мы побудем дома, до самолёта остается куча времени.

В раздумьях, дорога до банка пролетает незаметно. Паркуюсь под ним, и захожу внутрь. Санчо прав! Я, похоже, весь свечусь от счастья, потому что на меня уже заглядываются люди.

Заставляю себя сосредоточиться на деле. Справляюсь примерно минут за сорок.

Выхожу из банка с почти пустой сумкой и выражением блаженного счастья на лице. Теперь и отныне — только приятные дела, думаю я в тот момент, когда раздаётся звонок телефона.

Абонент неизвестен, но, на всякий случай, поднимаю. Тонечка в пути, одна, так что мало ли.

— Данил? — медленно, с чувством собственного превосходства произносит смутно знакомый мне голос в трубке.

По телефону я слышу этого человека впервые. Но, конечно, сразу понимаю, с кем имею честь.

— Это Тимур Эльдарович, — важно продолжает он.

— Какой Тимур Эльдарович? — решаю пошутить.

Секундное замешательство.

— Урусов. «Граффит Стар», — чеканит он, — ваш новый продюсер.

К счастью, я уже «подготовлен» Вирмантасом, так что не теряюсь.

— Весьма польщен, — говорю, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком уж издевательски, — но боюсь, вас дезинформировали.

— В смысле? — выдыхает Тимур презрительно.

В коромысле, так и подмывает меня по-детски ответить ему. Но напоминаю себе, что вообще-то не хочу войны. Просто послать его. Желательно максимально корректно.

— В том смысле, что я действительно разошелся с Вирмантасом, но не планирую работать с вами! — спокойно объясняю.

Тимур походу снова в режиме перезагрузки, так как замолкает.

— А вы считаете меня настолько талантливым, что готовы даже лично продюсировать? — не удерживаюсь от злорадного вопроса.

Я должен быть осторожен, напоминаю себе! Сегодня, особенно.

Тимур ни разу прямо не говорил мне, что я у*бок, в те редкие встречи, когда нам доводилось пересекаться где-то, но он всегда давал понять, что это так.

Поэтому сейчас мне хочется поговорить с ним чуть в другом тоне, чего я, к сожалению, не могу себе позволить.

По крайней мере, пока.

— Давай рули в мой офис на Тверскую, пообщаемся там, — игнорирует он мой вопрос, — я буду здесь часов до девяти вечера. Ты в Москве?

— Извините. Дела, — отрываюсь, — как-нибудь, в другой раз.

В воздухе ощутимо повисает напряжение.

Мы оба, я чувствую, стараемся быть вежливыми, но, видимо, каждому из нас это дается

нелегко. В любую секунду кто-то может «взорваться», и очень надеюсь, что это буду не я.

Потому что, говоря «как-нибудь» я имею в виду «никогда».

Вот и чудно, что мы поговорили с ним по душам сегодня. Будет минус одно дело в списке моих дел на будущее.

И тут детонатор срабатывает.

— Я тебе не Вирмантас! — реагирует Тимур злобно, — со мной такие номера не проходят. Ты вообще в курсе, что с этого месяца тебя передали к нам в «Граффит Стар» документально?! Я уже плачу за тебя налоги...

— Этого не может быть, — перебиваю его уверенно.

— Почему ты так думаешь? — рявкает он, уже основательно выбитый мною из колеи.

Вряд ли он привык вести такие разговоры, артисты за ним наверняка сами бегают.

— Потому что крепостное право на Руси отменили, Тимур Эльдарович, — отвечаю с удовольствием, — меня нельзя никуда передать без моего согласия. Так понятнее?

Его корёжит:

— Ты че, мальчик, попутал?

— Это ты попутал, дядя! Попрошу без оскорблений, — усмехаюсь.

Не знаю точно, о чем они там договаривались за моей спиной, но пусть теперь за меня выступает Вирмантас, а Урусов его продюсирует!

Может, оба задумаются хоть о чем-то в следующий раз перед тем, как кидать очередного «бесправного» артиста. Эти Карабасы Барабасы тупо рубят бабло, пока их куклы танцуют и поют на сцене без продыху.

— Спасибо, не заинтересован, — продолжаю я.

Вот так, вполне даже вежливо.

— Удачи! — говорю напоследок и, не дожидаясь ответа, кладу трубку первым.

Главный офис продюсерской компании «Graffiti star», Москва

Впившись взглядом в застывший у окна силуэт брата, Катя начинает ошутимо нервничать.

Тимур громко произносит витиеватое ругательство. Затем медленно кладет телефон на подоконник, и поворачивается к ней с веселым изумлением в глазах:

— Бессмертный!

— Что он сказал? — не понимает Катя.

— Он решил, что он бессмертный.

Покручивая часы на запястье, Тимур идет по кабинету. Сестра молча тянется к своей сумочке, открывает ее.

Вытаскивает пачку сигарет и, щелкнув зажигалкой, закуривает. Наблюдает за ним, чуть сощурившись.

— Этот человек ходит по Москве, как ни в чем не бывало, дышит с нами одним воздухом, — бормочет Тимур, направляясь к своему массивному столу.

Выдает еще не одно крепкое словцо перед тем, как нажать на кнопку стационарного телефона.

— Эээ... Настя, — обращается к своей секретарше, задумываясь, — пробей по нашим каналам в аэропорту, собирается ли в ближайшее время куда-нибудь лететь Данил Зимин, одна тысяча девятьсот девяносто девятого года рождения.

Делает паузу.

— С начальником охраны соедини меня... Да, прямо сейчас, и кофе сделай, —

поворачивается к сестре, — ты будешь?

Она молча, отрицательно качает головой.

— Короче, один кофе как обычно.

Кладет трубку, и тут же поднимает снова.

— Ратмир, — басит, — узнай фактическое место жительства нашего нового подопечного, ZIMMA.

— Я знаю, — откликается со своего места Катя.

Разглядывает невесомую, рваную нить белесого дымка, струящегося из ее тлеющей сигареты.

— Потом мухой ко мне, — продолжает Тимур.

Оставляет телефон в покое, поворачиваясь к сестре. Подмигивает, и на его полных, чувственных губах уже змеится хитрая улыбка:

— Не плачь. Найдем, вернем, поставим на колени. Пожалеет еще, что на свет родился!

Жить по-настоящему

Антонина

Поезд только начинает свое плавное торможение на железнодорожной станции «Москва-Пассажирская», а я давно уже стою в общем проходе.

На полу, рядом со мной красивый дорожный чемодан на колесиках — единственная моя кладь, если не считать маленькой сумочки на плече. В них документы, деньги и вся моя жизнь!

В новую жизнь с новым чемоданом, решила я, купив его практически на последние. Само собой, от финансовой помощи Дани я отказалась.

А заручившись поддержкой Елки, уже распланировала, что когда мы вернемся с Бали поступлю в один из местных университетов на заочное отделение факультета журналистики. И одновременно с этим устроюсь работать на телеканал.

Журналистика мне по душе! Учитывая публичность сферы деятельности Данила, любая другая работа могла бы стать для меня проблемной. Зато в творческой среде, напротив, это даже может мне помочь.

Нетерпеливо смотрю в окно, сжимая поручень. Сильные чувства и эмоции переполняют меня.

Дернувшись раза два, поезд, наконец, окончательно останавливается. С бьющимся сердцем, я устремляюсь к выходу.

Вокзал расположен на Комсомольской площади, или площади трех вокзалов, как называют ее местные. Внешне ничем особо не примечательная, эта площадь имеет интересную историю.

Здесь, в Москве, я как слепой котенок! Бывала в столице всего пару раз, да и то проездом. Спohватившись, пишу Данилу: «Подъезжаем».

«Вижу», тут же приходит ответ.

Улыбаюсь. Проводник в форменной одежде не спешит открывать, занимаясь какими-то своими важными делами. Минуты кажутся мне вечностью.

Позади постепенно начинает выстраиваться вереница людей с дорожными сумками. У выхода я первая.

Проводник распахивает передо мной это символическое окно в новую жизнь — толстую железную дверь для выхода на перрон.

Мы с Даней поверили друг другу, и сегодня, вместе начнем ее с чистого листа. Я верю в судьбу, как верю и в то, что мы пишем ее сами.

Хочу писать свою судьбу вместе с ним, хочу выйти замуж по любви и жить по-настоящему!

Нет пути назад, лесенка опущена. Я подхватываю ручку чемодана, и стремительно шагаю из поезда на перрон.

Горячее как солнце счастье затопляет меня при виде Данила. Мы обнимаемся, говорим друг другу «привет». Время, кажется, останавливается.

Даня выглядит классно, совсем как парень-торт из песни Глюкозы, который так и хочется попробовать.

Но нам не дают как следует порадоваться друг другу. Потому что вокруг него почти

сразу начинает образовываться толпа.

Даня в бейсболке и одет довольно неприметно, но его все равно узнают. Мы оба цепляем на лица темные очки и, взявшись за руки, сбегает по-тихому на парковку, где он оставил машину.

Садимся в нее, забрасываем мой чемодан на заднее сиденье. Он снимает с меня очки.

Сначала мы просто смотрим друг на друга. Волнение понемногу отпускает меня. Данил же, наоборот, слишком серьезен, но это почему-то очень трогает.

Его слова проникают электрическим током под кожу:

— Такой важный день. Наверное, я всю жизнь ждал этого дня...

Я понимаю, о чем он. Нас вдруг притягивает друг к другу.

Данил целует так нежно, невесомо, что я удивляюсь его трепету. Я даже не думала, что он способен быть таким.

Хотя, продолжается это недолго. Его сдерживаемая страсть прорывает наружу, и мы целуемся, до того момента, пока не начинаем задыхаться. Чуть-чуть отстраняюсь, чтобы набрать воздуха в легкие.

Он старается успокоиться тоже, и тут же воодушевленно делится планами:

— Смотри. Сейчас четыре часа, а в загсе нас ждут до восьми вечера! Регистрация брака займет минут двадцать, я узнавал. Наш рейс на Бали в полдесятого. Значит, надо выехать из дома с вещами часов в шесть, и через загс в аэропорт. Годится?

Мурашки по коже. Киваю, переваривая информацию, и подсчитывая время. До регистрации на рейс желательно быть в аэропорту за два часа минимум.

— Можно даже в полседьмого. Времени много, — добавляет Данил многозначительно, — ну что, погнались?

— Ага.

Машина срывается с места.

Мне и верится, и не верится! Что ни говори, а стоячее болотце моей размеренной жизни этот человек всколыхнул основательно.

— Даже в семь! — снова зачем-то уточняет он.

Улыбаясь, следит за моей реакцией.

Сегодня Даня чересчур активен на фоне меня, слегка заторможенной после дороги и переживаний. Пока соображаю, почему ему так хочется посидеть в квартире подольше, мы уже паркуемся под каким-то ювелирным бутиком. Я автоматически читаю красивую вывеску на английском.

— Насчет колец. Я ведь даже не знаю твоего размера, — произносит он немного застенчиво, — давай выберем здесь что-нибудь вместе?

О боги. Как я могла забыть про кольца? Голова идет кругом, но это приятное состояние.

Еще, хочется взвизгнуть от счастья и обнять Данила, но я заглушаю в себе этот порыв. Распираемая эмоциями одна ярче другой, молча киваю.

Когда заходим внутрь бутика и озвучиваем, что ищем, предложенный ассортимент обручальных колец шокирует меня своим изобилием. Но еще больше, их ценники.

Опытный консультант в черных бархатных перчатках, по-видимому, предлагает только самое дорогое. И Даня ведется, листая каталоги и требуя бриллианты в изделиях.

Я уверенно беру его под локоть и отвожу на секундочку в сторону. Шепчу:

— Нет. Я хочу чего-то попроще, без камней! Давай купим обычные гладкие? Ну, к чему нам эта ярмарка тщеславия?

— Гладкие, хорошо. Но тогда платиновые, — настаивает.

Обручальная платина наших размеров там находится, да еще с небольшим выбором. Хотя, чему я удивляюсь, это Москва!

Меряем их. Невольно даже я, спокойная к роскоши, вздыхаю от восхищения. Серебристо-белая платина слепит глаза своей благородной безупречностью.

Если бы эти кольца нужно было описать одним словом, то любой бы сказал — идеально. И я сдаюсь!

Хотя стоят они, конечно, столько, что с какими угодно бриллиантами вышло бы дешевле.

Вернувшись в машину, поддаемся мощному желанию снова надеть их. Ни дать, ни взять, два Горлума!

Смеюсь и балуюсь как дети, разрываем упаковки и открываем заветную коробочку. Надеваем обручалки, чтобы больше не снимать.

Так и едем домой. За оживленной болтовней дорога незаметно заканчивается, когда мы въезжаем в тихий уютный дворик где-то в центре города.

Спускаемся в паркинг и оставляем машину там. Даня достает мой багаж, а затем ведет меня к лифту, чтобы вместе подняться на двадцатый этаж самой прекрасной высотки, которую я когда-либо видела.

Из телефонных разговоров

— Тимур Эльдарович, объект на месте.

— Какой бл*дь объект, фильмов пересмотрел? Зимин.

— Понял. Извините.

— В квартире он?

— Уже да. Не один, с тёлочкой.

— Вот жеж... черт! Еще и девок водит, и не парится ни о чем. А вечером на Бали собрался. Мы его походу от Вирмантаса освободили, и понеслась душа в рай...

— Так точно, Тимур Эльдарович.

— Не беси хоть ты меня! Следите там за парадной внимательно. Как только куда-то выйдет, звони не Ратмиру, а напрямую мне.

— Так, а... может, нам подняться и прямо сейчас его взять?!

— Не, не на квартире. Там камер и свидетелей многовато. По-любому, скоро сам выйдет. В крайнем случае, по дороге в аэропорт возьмем!

— Принято.

Знаки Вселенной

Антонина

— Хочешь в душ? — хрипловато спрашивает Даня, и мне на миг даже кажется, что он имеет в виду, вместе.

В наших головах, мы уже женаты. Но я все равно невольно краснею.

С трудом сдерживаемая страсть Данила обжигает меня. Я хочу и боюсь оставаться с ним наедине в его жилище. Мне казалось, что я готова, но, по моим ощущениям, нифига. Даже кольцо никак не меняет это.

Точнее, не совсем! Наверное, всему виной слишком сильный эмоциональный накал между нами, и эта скорость принятия важных решений.

Мне просто нужно успокоиться.

Но рядом с ним это не представляется возможным.

— Спасибо, с удовольствием! — весело отвечаю.

И тут же очерчиваю границы:

— Пока ждешь, сделаешь нам чаю?

— Может, лучше кофе? — предлагает он в ответ с улыбкой.

Даня знает, что я люблю латте без сахара. Соглашаюсь. Он уходит на кухню, а я иду к своему чемоданчику за чистой одеждой.

Перед этим он провел мне экскурсию по этой светлой, просторной квартире, где я даже нашла мечту всех женщин — удобную, роскошную гардеробную! И в ней отпариватель, с помощью которого смогу быстро и легко привести в порядок свое белое платье.

В спальне Даня заметно был готов задержаться, но я быстро увела его дальше.

Вообще, я старше, а значит, должна быть опытнее. Возможно, даже «вести» в этом танце. Однако на деле у меня был только Илья, да и тот очень давно. Поэтому сейчас я испытываю только смущение и неуверенность при мысли о близости.

Впрочем, только ровно до того момента, как он начинает целовать меня!

Не хочу относиться к сексу как к тесту на совместимость, это глупо. Нам хорошо вместе, напоминаю я себе, и это единственное, что имеет значение!

Не торопясь, захожу в ванную комнату. Поколебавшись там секунду-другую, закрываю за собой дверь на защёлку.

Раздеваюсь догола перед огромным, во всю стену зеркалом, и придирчиво смотрю на свое отражение.

Без ложной скромности, у меня красивое тело. Понимание этого факта сразу возвращает мне уверенность и хорошее настроение.

Шагнув в душевой поддон, включаю воду. Здесь есть еще ванная, но я решаю не тратить на нее время, хотя покачаться в теплой пене и порелаксировать очень хочется.

Вместо этого я щедро, с ног до головы намыливаю своим привычным гелем для душа. Струйки ароматной пены мягко стекают по телу, расслабляя и успокаивая.

Наслаждаюсь ощущением чистоты, вода приятно бодрит.

Вытираясь одним полотенцем и заворачиваясь в другое, теперь я думаю только о том, что всего через несколько часов буду замужем.

Переодевшись в домашнее, заглядываю на кухню. Не заметив меня, Даня продолжает

увлеченно готовить тосты и сооружать из них мудреные многоярусные бутерброды. Шипит, обжегшись о тостер.

Я решаю не мешать ему и не торопить своим присутствием, поэтому также тихо выскальзываю обратно. Иду в гардеробную, чтобы привести в порядок платье, раз уж у меня появилось немножко свободного времени.

С отпаривателями я на «ты». Убедившись, что воды в приборе достаточно, включаю его, достаю платье и отглаживаю в считанные минуты. Вывешиваю платье на «плечики».

Закончив с одеждой, собираюсь выходить, но тут Данил сам заглядывает в гардеробную.

— Можно? А я уже потерял тебя, — произносит весело.

Войдя, сразу замечает платье. Восхищенно выдыхает:

— Ты будешь в этом?!

— Да, — слегка смущаюсь почему-то.

Вижу на пальце его правой руки наспех приклеенный пластырь.

Он подходит и обнимает меня:

— Как красиво. А ничего, если я буду в чем-то удобном?

— Конечно, — смеюсь, — считай, платье это мои девичьи заморочки. Просто свадьба, она один раз в жизни! Ну, в идеале. Что случилось?

Касаюсь пластыря.

— Порезался, ерунда, — морщится.

И тут же добавляет с обаятельной улыбкой, от которой тают ледники:

— Редко готовлю! Вернее, почти никогда. Но ради тебя, я готов научиться. Ты очень голодна?

— Не очень.

Не отрывая от меня взгляда, Даня гладит атласную ткань моего платья. Убираю от платья его руку:

— Не трогай. Ты вообще не должен был его видеть до свадьбы, ясно?

Я говорю шутливо, но он озадачивается.

— Это как? Переодевалась бы в туалете загса? — смеется.

— Не знаю как. Но есть такая примета, — пожимаю плечами, улыбаясь тоже.

— Фигня какая-то! — хмыкает.

Обнимает меня сзади, и теперь мы оба смотримся в отражение большого зеркала. Здесь полумрак — я уже успела выключить почти все лампочки.

Мне кажется, что мы очень, очень красивые сейчас. Счастливые и молодые.

Но все же смутная тревога заползает змеей в мое сердце. Как могу, пытаюсь стряхнуть наваждение.

— Дань, знаешь, я... не сильно верю в приметы, — признаюсь ему, — но в знаки Вселенной верю. Ты видишь мое платье до свадьбы, ты порезал именно ту руку, на которой обручальное кольцо...

Выразительно смотрю на пластырь, поглаживая его пораненный палец. Даня слушает меня внимательно.

— Я, наверное, засмотрелся на кольцо! — спокойно реагирует с улыбкой, — поэтому ту руку. Так что, пошли есть наши тосты с кровью?

Смеется, но, видимо, заметив сложное выражение моего лица, поспешно добавляет:

— Я пошутил! На твой бутерброд не пролилось ни капли. Клянусь.

— Да мне все равно, — вздыхаю, — мы с тобой одной крови! Я о другом. Вот ты, когда

вошел, сказал, что потерял меня. Почему так? Просто, понимаешь, иногда Вселенная может подавать нам знаки, сигналы...

— И что дальше? — горячится.

Упрямо мотает головой, не желая верить:

— Что нужно делать, по-твоему? Все отменить, ты испугалась, что ли?!

Смотрит на меня очень сурово.

— Да нет же, — улыбаюсь.

И чего я, в самом деле? Разворачиваюсь и целую его в губы, смягчая. Он тут же забывает обо всем, задрожав.

— Раньше просто люди верили, — шепчу ему, закрывая глаза.

Данил нежно, страстно ведет губами от моего уха к шее. Его дыхание учащается.

— Раньше даже встречались люди только у алтаря, или в самом загсе, а ведь такая вера в приметы на чем-то основывалась, — продолжаю, не открывая глаз. Откровенно наслаждаюсь нашей близостью.

Но он вдруг отпускает меня, и я чувствую разочарование.

Смотрит с хитрым прищуром:

— Подожди! Вернее, иди на кухню. Я скоро.

— Что ты задумал? — спрашиваю встревожено.

— Не скажу. Сюрприз, — Данил исчезает за дверью.

Подождав зачем-то немного, бреду на кухню. Вижу там его гастрономический шедевр на большой тарелке. Рядом с ней, в чашках дымится кофе. Бутерброды выглядят такими сытными, что после них точно можно не есть до завтра!

Мой будущий муж возвращается всего через минуту, снова удивляя меня.

— Секрет. Скоро узнаешь! — не дает сказать, предвосхищая вопросы.

Притягивает к себе за талию. Его глаза горят.

— Все будет хорошо, — говорит так тихо, что я невольно наклоняюсь к нему поближе, чтобы расслышать.

Ласково гладит мои волосы, успокаивая. Целует в макушку.

— Не бойся. Давай бороться с нашими страхами вместе? — предлагает, — я вот боюсь твоих приступов неуверенности.

— Нет, нет. Я не боюсь.

— Тогда иди ко мне!

— Я итак с тобой.

— Ещё нет. Не до конца...

— ... Кофе хочется.

— А хочешь кофе в постель?

— Хочу!

Вот так, и довольно сомнений. Даня тащит меня в постель бесхитростно, но убедительно. Шутит:

— Как думаешь, твой оргазм будет считаться за хорошую примету?

Смеюсь. Отвечаю ему в тон:

— Тогда уж говори, наш. Удвоим эффект хорошести!

— Наш, в смысле, одновременно? А что, давай попробуем, — подхватывает с энтузиазмом, и я краснею. Ничего не могу поделать с этим.

Его естественность вкупе с юмором отлично разряжают слегка напряжённую после

обсуждения всех этих знаков и примет атмосферу. Мы шутим, но на самом деле, нет.

Данил берет меня за руку, и с улыбкой увлекает за собой в спальню. Охотно иду. Он радуется, не скрывая своих эмоций, но это не торжество самца, который идет к своей цели, нет. Это счастье в чистом виде, я чувствую! Счастье, которое «автоматом» передается мне.

Хотя поначалу такой напор шокирует.

Не собираюсь изображать из себя ханжу, тем более что таковой не являюсь. Но мое тело деревенеет, и я теряюсь, не зная, как себя вести.

Меня всегда смешили ситуации в кино, когда голый герой, практически взгромоздившись после долгой прелюдии на не менее голую героиню, вдруг уточнял: «Ты уверена?».

Однако жаль, что Даня не обладает такой, пусть чуть-чуть наивной деликатностью. На самом деле, у меня же есть время подумать. Секунды три!

Падаем на кровать вместе, и Даня обнимает меня.

— Ну что, попробуем перебить плохие приметы хорошими? — дразняще шепчет прямо в ухо. Мне приятно и немножко щекотно, а еще, немножко смешно.

Не раздумывая больше, соглашаюсь. И гори они огнем, мои романтические планы о неспешном узнавании друг друга где-нибудь на берегу океана, за бокальчиком вина, а дальше...

А дальше все происходит стремительно. Не привычный к «реверансам» парень начинает действовать.

Он уверенно и, надо сказать, умело запускает руку под мою футболку и находит грудь. Не встретив протеста, оголяет ее. Принимается целовать, дыхание перехватывает.

Нежная грубость Данила заводит меня быстрее, чем можно было бы предположить.

Откинувшись на спину, я решаю расслабиться. Но стоит только мне «отключить» в голове все стопы и ограничения, как тело уже реагирует за меня само. Активно вовлекаюсь в процесс.

Я действую на инстинктах, древних как мир. Сознательно и бессознательно наслаждаюсь своей властью над ним.

Наверное, это заложено в женщину на генном уровне, когда только кажется, что завоеватель — он. На самом деле, она.

То есть я. Я целую и глажу Данила так, чтобы лишить разума, заставить потерять контроль. Моя цель опьянить его, свести с ума! Жадно ловлю все стоны и реакции, которые только подстегивают меня быть еще смелее, еще утонченнее.

Он щедро отвечает мне взаимностью, и мы быстро добиваемся своего. Никакого стеснения больше нет, а есть только одно сплошное блаженство от простых прикосновений друг к другу.

Даня рвет дальше с места в карьер, стаскивая с меня всю одежду. Раздевается сам, по-военному быстро. Читает мысли.

— Что? — спрашивает, хотя я молчу.

— Как будем предохраняться?

Это очень серьезный вопрос. Как могу, я все еще оттягиваю момент сближения, ведь удовольствие от этого будет только острее.

Хотя, мне и без того хорошо. Так, что если он не остановится сейчас же, немедленно, то первая хорошая примета сработает!

Почувствовав мое нетерпение, Даня убирает руки и предлагает:

— Давай по-настоящему...

Это не звучит как вопрос, но я киваю.

Сомкнув колени, все же чуть сдвигаюсь от него в сторону, напоминая о предохранении. Мы оба как будто немного обезумели, но терять голову окончательно точно не стоит!

— Не беспокойся, я выйду вовремя, — убеждает он умоляюще, — хочу почувствовать тебя без резины!

Вообще-то, я ощущаю то же самое. Сейчас мы даже дышим в унисон.

— Ладно, — соглашаюсь.

Не слишком-то мудро с моей стороны, но. Это ведь мой муж. Даже если я забеременею, не страшно. Для нас этот малыш наверняка станет желанным.

Впрочем, вероятность забеременеть ничтожна.

— Я дождусь тебя, а потом и сам не выдержу, — говорит Данил, и мы делаем это.

Секс по любви невозможно описать коротко. Можно только почувствовать — если очень повезет. Потому что это совершенно иной уровень близости.

Я просто отдаюсь, подчиняюсь ее стихии и такие условности, как, например, время, пространство, обстоятельства или еще что угодно, перестают для меня существовать, теряют свой смысл в данный конкретный момент. Я растворяюсь в Даниле Зимине, буквально.

Это очень интересное состояние.

Можно было бы попытаться сравнить его с экзальтацией наркомана во время «прихода», но такое сравнение выйдет неправдоподобным, и слишком блеклым. Потому что, в отличие от наркоманской эйфории, это энергия. Хорошая и вечная. Поэтому я назову ее просто и понятно — волшебство, или обыкновенное чудо...

После лежим и мечтаем, о многом. Но больше о том, как повторим это снова, в раю, примерно через пятнадцать часов.

Все мои сомнения забыты, и оставлены в далеком прошлом. Я больше не стесняюсь ни своей любви, ни наготы. Мне странно, что я когда-то думала иначе.

Снимаю обручальное кольцо и, перевесившись через Данила, кладу его на прикроватную тумбочку. Оно тихо звякает о гладкую поверхность.

— Вот, возьми в загс, не забудь. А что там за сюрприз ты приготовил?

— Ещё одну хорошую примету! Встретимся у алтаря, вернее, в загсе. Все, как ты хотела.

Улыбаюсь ему, обнимая. Никакие плохие приметы, я знаю, больше не имеют над нами власти.

Из телефонных разговоров

— Тимур Эльдарович, у нас тут, как бы... внештатная ситуация.

— Чё там?

— К парадной Зимина подъехал лимузин, свадебный. Белый, украшенный, все дела.

— Ну?

— Ну, девушка садится в него и уезжает!

— С Зиминим?

— Нет, сама.

— Хм. Надо бы проследить.

— Я уже Жука послал.

— Хорошо! Так, пацаны, готовность номер один. Мы с Ратмиром выезжаем к вам.

— Что, если он выйдет раньше?

— Придержите до моего приезда.

— Понял. Бить его можно?

— Само собой. И пусть Жук мне отзвонится, куда там тот лимузин девку доставил. Это у них брачные игры такие, или он реально жениться собрался?!

— А х*р его знает, Тимур Эльдарович.

— Тоже так думаю. Ладно, на связи. Покажем жениху небо в алмазах!

— Так точно.

— Все, отбой.

Любовь сильнее смерти

Данил

Не помня себя от счастья, спускаюсь в паркинг. Открываю багажник машины, чтобы закинуть туда наши дорожные вещи, когда ко мне подходят двое.

— Добрый вечер, — слышу я, и оборачиваюсь.

По виду, оба профессиональные бойцы. Вечер вряд ли может считаться добрым, если им от меня что-то надо.

— Добрый, — на всякий случай, чуть-чуть отступаю, расчищая себе место для маневра.

Регулярные занятия с охраной в зале не прошли для меня даром. Я с уверенностью могу сказать, что справлюсь с мужичком средней комплекции, а то и не с одним.

Но от этих только убежать, если что. Без вариантов.

— С вами хотят поговорить. Присядем, — повелительно кивает мне второй на черного монстра позади себя. Кадиллак эскалейд с тонированными стеклами, перегородивший выезд из паркинга по диагонали.

Ни х, пацаны.

— Кто? — хмурюсь я, уже прикидывая траекторию своего побега.

— Конь в пальто. Садись, давай, — следует наглый ответ.

Я, в самом деле, резко приседаю, проשמывивая в щель между ними и стенкой. Все происходит в считанные секунды.

Тяжеловесы бегут за мной к выходу из паркинга, и все идет как бы неплохо, пока на моем пути вдруг не возникает еще один громила из эскалейда.

В попытке сдвинуть его я бью, не раздумывая. Но бегущие настигают нас, и вот теперь уже они втроем молотят меня, куда придется.

Бьют прицельно, точно, избегая лица, преимущественно по почкам и печени. Прохаванные, с*ки!

Практически теряя сознание, я слегка оседаю. Перед глазами вспыхивают огненные круги, пол пльвёт. Они дружно подхватывают меня и, как безвольную куклу, затаскивают в джип.

Очухиваюсь на сиденьи. Пытаюсь сфокусироваться на мужчине справа, по-видимому, главному тут.

Тимур, мать его, Урусов! Разглядывает меня в упор тяжелым взглядом. Это плохо.

Сказал бы я ему, но стоит ли нагнетать? Сейчас бесперспективно, и глупо. Поэтому также мрачно молчу, ожидая, когда он заговорит первым.

— Плохой мальчик, придется воспитывать, — произносит, наконец, ухмыляясь.

От этого бреда передергивает. Я не выдерживаю:

— Дядя, излагай конкретнее! Что надо?

Спрашиваю напрямую, но Тимур молчит как пень. То ли хочет сам играть здесь «первую скрипку», то ли просто испытывает мою выдержку.

В глазах до сих пор искрит, в боку противно ноет, однако по-детски наивная мысль о спасении все ещё не покидает меня.

Мне кажется, еще не поздно успеть в загс и на Бали! Что эта потасовка ерунда, с которой легко забыть. Что можно попытаться как-то договориться с ним, разойтись мирно.

Урусов неожиданно обращает внимание на Тонин дорожный чемоданчик, брошенный у машины. Кивает своим гориллам, и кто-то из них зачем-то притаскивает его сюда.

— Далеко собрался? — Тимур глядит на меня презрительно и брезгливо.

— По делам, — отрезаю.

— Так мы подвезём! — кивает он водителю, и эскалейд, к моему удивлению, трогает с места.

Резко набирает скорость, выезжая из паркинга. Куда этот урод собрался меня подвозить?!

— А че за небесно-голубой цвет у сумочки, Дань, геем заделался? — спрашивает Тимур, и охранники синхронно ржут.

Я понимаю, он ждет ответа. Как могу, пытаюсь говорить спокойно:

— Это не мое.

Жду, что будет дальше.

Он продолжает:

— А я уже в курсе. Но ты мне кое-что должен, Даня, забыл?

Меня коробит его обращение. Тем не менее, реагирую:

— Напомните.

— ZIMMA, ты собрался на Бали в один конец, а продюсера в известность не поставил! Это нехорошо. Я — твой продюсер. Будешь тупить и дальше?

— Извините, — с беспокойством поглядываю на его горилл, ибо всё еще надеюсь прибыть в загс с нормальным фейсом, — но это вы не поняли! Я с вами никаких сделок не заключал...

— Заключишь, — перебивает он зло и спокойно, — ты сомневаешься?

Смотрю на дорогу, думая сейчас совсем о другом. Не могу же я ошибаться?! Не похоже. Поворот, ещё один.

Почему-то я думал, что мы просто катаемся, пока Тимур разводит меня на «разговор» в духе девяностых. Хотя, его борзота, конечно, зашкаливает.

— Ладно, поговорим по-другому, — добавляет.

Эскалейд тормозит неподалеку от крыльца знакомого казенного учреждения. Я вижу хрупкую тоненькую фигурку Тони в белом летнем платье.

Она там, уже ждёт! Холодный пот прошибает меня, испарина покрывает лоб.

Поспешно отвожу от нее глаза, натываясь на взгляд Тимура — и тут только понимаю. Этот урод знает про нас все.

Но что, конкретно? Паника, граничащая с безумием, захватывает меня все больше.

Тимур подносит к уху трубку телефона, и коротко разговаривает с кем-то.

— Смотри! — указывает мне на крыльцо загса.

И я смотрю. На Тонечку, к которой сзади подходит парень в черном. В сгущающихся сумерках она едва замечает его.

Парень в толстовке и в капюшоне, лица не разглядеть. Зато хорошо видно, как он чиркает ножом, раскрывая. Холодное лезвие на миг сверкает в свете загорающихся фонарей.

Но Тоня по-прежнему спокойна и безмятежна. Охрана Тимура жестко зажимает меня с двух сторон сразу, не давая даже вздохнуть.

Тот подонок ловко, незаметно отступает в тень примерно в метре от нее. Тоня кладет руки на перила лестницы, и с легкой улыбкой на лице высматривает меня среди спящих по улице людей.

Глухое отчаяние захлестывает с головой, сердце ноет болью. Тимур наслаждается моей реакцией.

Чёрное марево ненависти и страха медленно, но верно застилает мир вокруг меня, и я дергаюсь. Парень оборачивается в нашу сторону.

Его лицо выглядит отсюда как сплошное черное пятно в ореоле капюшона. Нутром чую — он ждет команды от Тимура!

Словно почувствовав что-то, Тоня тоже смотрит на парня. Он делает от нее шаг назад.

Однако она всего секунду или две скользит по нему равнодушным взглядом, чтобы затем вновь повернуться спиной.

— Твоя невеста? — цедит Тимур, — знаешь, что будет, если ей сейчас хорошо так, с размаху загнать нож в почку?

Обмираю.

— Счет жизни этой девчонки пойдёт на минуты! Даже если ей крупно повезет, и скорая заберёт ее хотя бы минут через десять-пятнадцать, она на всю жизнь останется инвалидом. В противном случае, умрет от потери крови.

Он выдерживает паузу, и в этот момент в салоне машины повисает гробовая, осязаемая тишина.

— Как тебе такой расклад?

— Не делай этого. Я сделаю все, что ты скажешь, — выдыхаю.

Я готов встать на колени, готов поклясться в чем угодно этому недочеловеку. Готов на все, лишь бы он ее не тронул!

— Это правильный ответ, Даня.

Урусов удовлетворённо откидывается на спинку широкого кожаного сиденья.

Молча, смотрю на его толстые, покрытые татуировками пальцы, оглаживающие модную чёрную бородку. Хотя меня сносит от желания втрамбовать это лицо в это сиденье кулаками, и бить до тех пор, пока он не сдохнет.

— Теперь ты мой раб! — продолжает, — я только что подарил жизнь твоей девушке. Дальше.

Достаёт телефон. Звонит подонку в капюшоне, и тот отступает во мрак, чтобы исчезнуть окончательно.

Я неотрывно гляжу на Тоню. Хочется плакать.

Чувствую себя зверем, загнанным в смертельную ловушку, потому что уже знаю — на этом нихрена не закончится.

— На днях займёмся подписанием контракта и тэ дэ, и тэ пэ, — спокойно, даже скучающе произносит мой враг. Бросает взгляд на часы.

— Но сначала... Ратмир! Сопроводи его. А ты, Даня, — немигающе смотрит на меня, — давай мухой к своей девке. Скажешь, что вы расстались, и обратно к нам!

Мое тело отказывается двигаться. Он кивает мне на чемодан:

— Отдашь это ей! Так, чтобы с концами, и без поводов увидеться. Вперёд.

— Ну ты тварь, — вырывается у меня нечеловечески.

Одно только воспоминание об убийце в капюшоне где-то неподалеку останавливает меня от того, чтобы полностью не погрузиться в безумие, и не унести за собой их всех...

Тот, который Ратмир, выходит первым.

— Не понял. Ты оглох?! — бросает мне Урусов.

И я выхожу из машины.

Разрыв

Антонина

Издали завидев приближающегося ко мне Даню, радостно взмахиваю ему рукой. Он идет не один. Судя по всему, с охранником, которого я прежде не видела.

Ну да, конечно, его свадьба это ж почти сенсация, а мы как-то даже не подумали о том, что можем случайно нарваться на фанатов или журналистов в загсе!

Запоздало думаю о том, что Даня никак не отреагировал на мое приветствие.

Да и вообще, он выглядит немного странно. Мое сердце болезненно сжимается как от предчувствия.

Они подходят вдвоем, и я целую Даню. Он вздрагивает, отстраняется.

— Добрый вечер, — из вежливости говорю охраннику. Тот кивает в ответ.

С тревогой, я вглядываюсь в нахмуренное лицо Дани, эмоций на котором ноль.

И сам он весь как будто застыл, заморозился. Боится посмотреть на меня?

— Что случилось? — тихо спрашиваю.

Силится улыбнуться:

— Кажется, плохие приметы сегодня все-таки перевесили. Ты была права, Тонечка.

Его слова падают как камень. Но я все ещё ничего не понимаю.

На минуту замолкаем. Даня по-прежнему смотрит в асфальт, и от этого почему-то страшно.

Только сейчас я замечаю свой чемодан в руке охранника. Он подчеркнуто, неспешно выставляет его на асфальт между мной и Даней.

Торопливо обхожу чемодан, подходя к Дане поближе. Волнуясь, заглядываю ему в глаза, уточняю:

— Так что, идем?

Киваю на козырек загса. Будто лишенный дара речи, он только молча, отрицательно качает головой.

— Дань, что происходит? — спрашиваю.

— Прости меня, пожалуйста, если сможешь, — в его голосе сквозит отчаяние.

Даня колеблется, прежде чем добавить:

— Мы никуда не едем. Со мной связался продюсер, это я должен уехать! Прямо сейчас. Всему конец.

Облегченно выдыхаю. Да и фиг с ним, с тем загсом! И с Бали заодно.

— Ладно, надо так надо, поехали, — разворачиваюсь к своему чемоданчику.

Берусь за него, удлиняя для удобства ручку.

— Нашел, из-за чего расстраиваться! — добавляю весело.

Однако с ним творится что-то непонятное. Не отрывая взгляда от асфальта у себя под ногами, Даня бубнит панически и монотонно:

— Нет! Я поеду один. Так надо. И ты одна. К себе домой...

Не верю своим ушам.

Взглянув на охранника, внимательно следящего за ходом нашего диалога, я задаю Дане простой как двери вопрос:

— Кому надо?

— Так будет лучше, — следует странный ответ.

И пояснение:

— Мы расстаемся!

Бросив чемодан, я снова подхожу к нему.

Легонько встряхиваю, хватая за локти, заставляя взглянуть на себя. Мне это удастся.

В глазах Данила — вселенская боль.

На миг, я даже забываю о том, что хотела сказать, и весь мой воинственный запал разом гаснет.

Но уже в следующую секунду он закрывается от меня, отводя глаза, убирая за спину руки. Как трус. Это жалкое зрелище. Я не узнаю его, не понимаю, мне кажется, что передо мной незнакомец!

— Звучит не очень убедительно, — говорю как есть, — тебя вызвали на работу, и поэтому мы расстаемся?

— Не имеет значения, — его голос вдруг обретает былую твердость, — сейчас наши пути расходятся, тебе лучше вернуться в свой родной город...

— Для тебя, может, и не имеет! — перебиваю сердито.

«Если ты debil», добавляю про себя в сердцах.

Хотя, на самом деле, мне сейчас очень больно. Он говорит еще что-то.

Слова Дани теперь доносятся до меня как сквозь вату, в ушах стоит звон.

— Вот возьми, пожалуйста, деньги! — тянет мне пачку долларов.

Как, почему, когда я заслужила на такое обращение?!

Я думала, что больнее меня уже невозможно ударить, но нет. Все возможно. При желании.

Непонятно одно, какого черта я до сих пор стою тут и все это выслушиваю?

Почему я не вызвала полицию в тот день, когда он появился, и снова начал преследовать меня?

— Ты платишь мне за то, чтобы я уехала, или по доброте душевной? — не удерживаюсь от ядовитого вопроса.

И Даня замирает, сбивается. Но только чтобы затем снова начать также невнятно и бессмысленно уверять меня, что нет, просто так будет лучше. Он заработает еще.

Стою как истукан, плотая ненавистные, глупые, беспомощные слёзы. Потом разворачиваюсь к маячащему за моей спиной охраннику:

— Простите, вы не могли бы...

— Не мог бы, девочка, — отрезает тот, — давай, бери уже деньги и вали отсюда! Он все сказал. Вы расстаетесь. Езжай уже в свою Тьмутаракань.

Покачнувшись от ужаса, я вижу, как Данил неожиданно бросается к нему и наносит удар. Между ними завязывается ожесточенная драка.

Я отшатываюсь от них, разворачиваюсь и бегу, не разбирая дороги, не желая больше ни видеть, ни слышать Даню.

И мне неважно, чем у них там все закончится. Мне важно то, что сегодня, только что закончились мы!

Петляю, как заяц, незнакомыми улицами.

В какой-то момент, не выдержав темпа, останавливаюсь, чтобы отдышаться. С трудом прихожу в себя и вспоминаю, что мой чемодан остался там.

Придется возвращаться. Не понимая толком куда идти, далеко не сразу нахожу нужную

улицу.

Как ни странно, мой чемодан стоит на месте нетронутый. Торчит как островок посреди броуновского движения людей, спешащих куда-то мимо него по своим делам.

Я устало сажусь прямо на бордюр, приваливаясь к чемодану боком. Замечаю на плитке тротуара кровь, много крови!

Меня мутит, но сил опять бежать куда-то нет. Никто не замечает ни меня, ни эти кровавые пятна. Это Москва, детка.

Какое-то время бесцельно сижу так, сложив руки на коленях. Впадаю понемногу в то оцепенение, из которого все сложнее выбраться.

Я просто пытаюсь разобраться.

Если все, что он сказал, правда... Но невозможно же так играть, глядя в глаза, говоря такие серьезные вещи, и в постели, особенно в постели?!

Значит, играл.

Если играл, то мне, возможно, повезло. Потому что, в таком случае Данил Зимин психопат, способный на все. Убить, расчленив, вынести мое тело из дома по частям в пакетах.

Ведь не секрет, какой ничтожный процент нормальных, адекватных родителей в общей массе тех, кто сдает своих детей в детдома. А дети наследуют дурные гены родителей.

Если все так, то Даня даже не виноват, что он такой. Ему нужно серьезное лечение, но это уже, конечно, без меня.

Если же то, что произошло, не просто чистое безумие, а продуманная месть за прошлое, целью которой было оставить меня одну, с чемоданом посреди Москвы, или банально уложить в постель по доброй воле и так далее, то все равно он ненормальный!

Значит, все же вариант свезло, и легко отделалась.

Только откуда тогда ощущение, что жизнь потеряла все краски, будь он даже трижды психопат, и больше мне ничего не хочется?!

Неужели Данил добился своего, и вот в этом, конкретно в этом заключалась его конечная цель — чтобы я умерла от тоски по нему?

Ведь то, что я чувствую сейчас, означает одно. Я ничего не чувствую. Он победил!

Почему здесь так много крови? Даня разбил нос этому, пусть недалекому, но человеку, который всего лишь осмелился озвучить вслух его собственные мысли?

Он ударил первым, я видела. И, наверное, получил хорошую такую ответочку от своего же охранника. Хотя, все это не имеет значения.

Имеет значение только то, что Даня от меня отказался.

Мне больше не хочется искать причину, думать или бороться, мне не хочется ничего. Разве что сморгнуть и проснуться.

Но — нет! Не все так просто.

Теперь главное, чтобы Данил больше никогда мне не встретился.

Иначе придется покупать какой-нибудь травмат, оформлять на него разрешение (благо, дядя Ваня с этим поможет), и объяснять с оружием в руках. Предметно и наглядно, чтобы уходил быстро и молча! Впрочем, лучше с незаряженным, а то вдруг еще выхватит и шмальнет в меня, с него станется...

Погрузившись, таким образом, в бредовые, но грустные и злободневные размышления, совсем забываю, кто я и что я, а самое главное, где. На улице почти ночь.

— Девушка, — вдруг слышу, словно очнувшись.

Мир не без добрых людей. Продолжаю сидеть и просто смотреть на нее, своего ангела, свою спасительницу.

— Девушка, вы меня слышите? Вам плохо? — отзывчивая женщина средних лет со спаниелем на поводке пытается растормошить меня.

Да, мне плохо! Но я улыбаюсь.

— Скорую, наверное, нужно, — бормочет она озадаченно.

Тут же вскакиваю и уверяю ее, что нет, что со мной все в порядке. Благодарю за участие.

Еще немного и меня, чего доброго, примут за бомжа!

Я беру чемодан и ухожу, не желая стать легкой добычей для воришек или кого похуже, тех же бомжей, к примеру.

Хочешь не хочешь, а придется включать голову и отставлять эмоции. Поплакать о своей печальной участи можно будет потом.

Это если я не передумаю.

К счастью, на улицах все еще довольно многолюдно. Я иду быстрым шагом, расспрашивая всех встречных и поперечных о том, как добраться до ближайшего железнодорожного вокзала. В голове быстро созревает план.

Там я смогу купить билет на поезд и, в самом деле, поеду пока домой. К родителям, зализывать раны.

Если что, переночую на вокзале в зале ожидания, и вообще буду находиться там до самого поезда. На вокзале безопаснее, чем на улице.

В любом случае, денег на гостиницу у меня нет. Подозреваю, что впритык на билет, а хорошо бы, если бы еще на бутылку воды, булку и какой-то форс-мажор хватило. Если же нет, попрошу родителей или дядю Ваню скинуть мне на карту в долг.

Мне пока не везет — никто не может толком сориентировать меня. Решаю дойти наобум до первой попавшейся остановки общественного транспорта, и поспрашивать там.

Но надо поторопиться! Сгустившаяся над городом мгла пугает меня, я чувствую себя как никогда уязвимой.

Американские горки

Антонина

Каким-то чудом я все же добираюсь до вокзала через пару часов автобусами, ведомая, наверное, одной только силой воли и упорством. Там сразу устремляюсь к кассам. Заставляю себя сосредоточиться на том, чтобы выработать маршрут домой.

Потревоженная сонная кассирша флегматично, но четко отвечает на мои вопросы. Наконец, я покупаю билеты до нашей с ZIMMA родной Тьмутаракани, как изволил выразиться его охранник. Правда, ехать придется только завтра, с пересадками и в плацкартах.

Хотя, все это такая пыль в сравнении с тем, что сегодня тебя растоптали и разрушили!

Я пытаюсь порадоваться хоть чему-нибудь, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Например, тому, что меня сегодня не ограбили, не стащили чемодан, пока бегала незнакомыми улицами, или не пристали какие-нибудь социально неблагополучные, пока долго сидела как бомж прямо на тротуарном бордюрике.

Поводы приободриться, прямо скажем, за уши притянутые, но мне удастся немного переключиться. Улыбаюсь своим мыслям.

Присаживаюсь в одно из жестких деревянных кресел в полупустом зале ожидания, в который и пускают-то на ночь, оказывается, только по билету. Осматриваюсь, устраиваясь поудобнее.

Плакать не время, на всякий случай строго напоминаю я себе. Потом встаю и бреду в ближайший киоск за кофе и шоколадкой под тихий перестук чемоданных колесиков.

Там неожиданно покупаю кофе, который обычно не покупаю, и шоколад тоже. Перезагружаться, так по полной!

Возвращаюсь в зал. Многие пассажиры сидят, уткнувшись в свои электронные книжки и ноутбуки. Я сажусь на ближайшее свободное место возле какой-то девушки.

Невольно скашиваю глаза в монитор ее ноутбука. Увиденное заставляет мысленно застонать — она смотрит клипы в ютубе.

Пожалуйста, только не клипы, я уже так удобно устроила чемодан и пью кофе! Если сейчас зазвучат песенки Зимина я, пожалуй, не выдержу и закачу истерику, и тут меня, конечно, загребут в каталажку, то-то будет веселье!

Поспешно перебираюсь от соседки в другой конец зала. Сажусь и разворачиваю шоколад, в попытке немного расслабиться. Спасение утопающих, как известно, дело рук самих утопающих!

Продолжаю пить кофе. Он приятно-горячий как я люблю, и на вкус ничего. Снова пусть маленькое, но везение.

Итак, нужно позвонить мамочке, пока еще не слишком поздно. На часах уже девять вечера.

Она поднимает трубку сразу. Стараясь говорить бодро, я здороваюсь и радостно сообщаю, что скоро приеду к ним погостить, или вернее, очень скоро.

Какое все-таки счастье, что мне хватило мозгов не рассказывать о свадьбе! Вот ровным счетом ничего, даже никакой предыстории. Поудивлявшись немного моей внезапности, мама вдруг говорит:

— Тонечка, а у нас тут как раз дядя Ваня в гостях! Трубку вырывает. Поговоришь с ним?

— Эээ... а с чего это он, соскучился? — начинаю бормотать, — так увидимся скоро...

Только не сейчас! Это родителям я могу наплести что угодно, а вот бывшего следака дядю Ваню так просто не проведешь.

Он и по телефону сумеет провести мне допрос на любую тему, причем в сжатые сроки.

— Здравствуйте, — обреченно произношу я в трубку, заслышав его веселый зычный голос:

— Привет, Антонина! А ты чего в наши края так неожиданно?

Сникаю. Стараюсь говорить нейтрально.

— Да вот, решила отдохнуть, родителей навестить! А вы чего у нас так поздно?

— К папке твоему по делу заехал, ухожу уже. Что же там у тебя, с новой работой не срослось? Питер покинула, мне не звонишь давно.

— Не срослось, — вздыхаю, — но вы не переживайте, у меня хорошо все.

— Ну, тогда, может, поболтаем минутку? Я тут на балкончик отошел перекурить, твои все-равно не услышат.

Мне кажется, он улыбается.

— Колись, давай, — продолжает, — случилось что?!

— Вот вы, какой дотошный, дядь Вань.

— Считай, профдеформация. Помощь нужна? Только честно, — допытывается.

И тут я сдаюсь!

Мне просто необходимо выплеснуть эти эмоции на кого-то, поделиться своим горем хоть с кем-нибудь. Наверное, чтобы просто не сойти с ума. Не взорваться.

Да и если хорошо подумать, то больше некому ведь.

— Помощь не нужна! Спасибо вам, — выдыхаю с горечью, — но в одном вы оказались правы. Я уезжаю домой из-за Данила Зимина, помните такого?

— Отчего ж не помнить, — спокойно откликается.

— Он нашел меня, — продолжаю.

Воцаряется небольшая пауза.

— И? — нетерпеливо уточняет мой дядька.

— И уничтожил, — собравшись с духом, озвучиваю.

Именно в этот момент на моем телефоне начинает мигать вторая линия. Я смотрю на нее и не верю своим глазам: Даня!

Поднять или нет?

Какие-то очень долгие секунды просто слушаю эту настойчивую вторую линию, и «але» дяди Вани в трубке. До меня доносится его короткое:

— Конкретнее!

Вздрагиваю, мигом стряхивая с себя оцепенение. Ну конечно, ответить!

Шмыгнув носом, приняв решение, я быстро говорю дяде:

— Подождите, перезвоню вам через минутку.

Не дожидаясь реакции, тут же переключаюсь на Данила:

— Але?

— Тонечка. Ты в порядке? Где ты? — слышу его взволнованный голос.

Ничего не понимаю. Мне все приснилось, что ли?!

— Я в порядке, — с трудом выдавливаю из себя.

— Где ты?! — повторяет Даня вопрос.

Не спешу отвечать.

— А почему ты спрашиваешь?!

Мне так хочется, чтобы он сказал, что я все не так поняла, чтобы я возвращалась.

Хотя с тоской понимаю — этого не будет. А если и будет, то так неправильно, нельзя!

Сердце мое болит и кровоточит, и саму меня разрывают такие два полярных желания — поверить в любой бред, лишь бы вернуть все как было, или бежать, немедленно. Бросив трубку и стерев его номер из телефона, и из памяти.

— Стоп. Ты хочешь сказать, что, — я говорю первой, не выдержав затянувшегося молчания, но намеренно не заканчиваю фразу.

Пусть скажет сам.

— Нет! Мы расстались, это неизменно, — отвечает он, и мне больно, очень больно. Сжимаю телефон покрепче.

— Зачем же тогда...

— Но я люблю тебя, и это тоже неизменно! — продолжает.

Звучит так искренне, но совершенно нелогично. Готовые вырваться слова застревают у меня в горле. Трудно дышать.

— Пойми, нам пока нельзя быть вместе. Ты слишком рискуешь из-за меня, а я не могу этого допустить. Но если ты согласишься подождать меня, все изменится!

— Что изменится?

Я, правда, не понимаю. Но, против воли, какая-то нечаянная радость, как спичка, вдруг вспыхивает во мне и разгорается диким пламенем.

Пламенем, в котором покорно сгорают моя гордость и моя боль, подобно клочку сухой, никому не нужной бумаги. Я не могу ничего поделать с этим, я могу только молчать об этом.

— Все будет как прежде. Нужно только подождать, пока я решу проблемы, из-за которых мы не можем быть вместе! — говорит он настойчиво.

Я мучаюсь, раздумывая. Кусаю губы.

— Не знаю, — отвечаю честно, — все так неопределенно у тебя. Какие проблемы?

— Не могу сказать! Значит, не любишь?

— Что толку тебя любить, Даня. Если у тебя семь пятниц на неделе.

— Тонь, я так попал, это... Это мой косяк! Пожалуйста. Не могу сказать больше. Можно потом, когда-нибудь? Дождись, я все решу. Скажи, ты веришь мне, ну хоть немножко?!

Все еще не могу говорить, яростно вытирая повлажневшие щеки. Однако чуть-чуть успокаиваюсь.

— Тебе нужна моя помощь? — спрашиваю.

— Мне нужно, чтобы ты меня ждала.

— Сколько?

— Не знаю, — отвечает коротко.

Но даже сквозь разделяющее нас расстояние я чувствую его сомнения и страх. Как будто Даня сам не верит в это, или действительно ничего не знает?

— Скажем так, однажды! Пусть даже через сто лет.

— У меня нет ста лет. Люди не живут столько.

— У меня тоже, — усмехается, — значит, будет раньше. Где ты сейчас, скажешь?!

— Ты хочешь приехать?

— Хочу, но не смогу. Приедет мой друг. Он привезет тебе кое-что от меня.

— Что?

— Записку, и еще кое-что. Назови адрес.

Я немедленно называю ему вокзал и номер зала ожидания. Может быть, ответ в записке?

Даня радуется.

— Спасибо, Тонечка. Ты будешь ждать меня? Скажи! — требует.

— Буду.

И я позволяю этому пламени радости и счастья разгореться по полной, захватить меня всю без остатка. Я снова счастлива, как дурочка.

— Удали мой номер. До этого дня мы не сможем общаться. Но помни, я всегда думаю о тебе! Ты будешь ждать в нашем городе? — спрашивает он.

— Да, если ничего не поменяется.

— Хорошо. Я найду тебя в любом случае. Пожелай нам удачи!

— Удачи нам обоим, — шепчу, обессилов.

— Теперь все будет хорошо. Люблю тебя. Пока, — ласково произносит Даня, и отключается.

Примерно с минуту после я сижу в неподвижности, а затем, не дрогнув, удаляю его номер. Как договаривались. Отрезаю от себя всякую возможность звонить или писать ему.

И тут же вздрагиваю от звонка. Вот черт. Дядя Ваня!

День рождения на Мальдивах

Данил

Разговор с Тонечкой ободряет и успокаивает меня. Выводит из транса полнейшей безнадеги. Но главное, помогает не наломать дров, после которых Тимуру останется только убивать меня.

Потому что больше я не готов быть бессловесной марионеткой в руках всемогущего кукловода. Тем более, такого как он!

Уж лучше вернуться домой, и там начинать с нуля. Но только с ней вместе.

Оба гребаных продюсера достают меня звонками с разницей в несколько минут. Морщась от боли, я тянусь к телефону. Этот Рагмир, чурка Урусова, неслабо так вломил мне. Хоть дрался я почти насмерть, но за малым этого и чуть не случилось.

Беру телефон, усаживаюсь прямо на пол. Сил доползти до дивана из ванной уже нет. Зато там я обработал все раны.

Пол приятно тёплый и ровный. Приваливаюсь к стенке, закрываю глаза.

— Але?

Номер неизвестен.

— Жив, курилка? — насмешливый голос Урусова.

В бессильной ярости, я крою его, чем только можно, правда, не вслух. Ему достается лишь короткое:

— Чего еще?!

— Значит, живешь и здравствуешь, — резюмирует тварь, — в больничку тебе не надо?

— Разберусь.

— Ну окей, давай, набирайся сил. Ты мне завтра нужен.

Примерно пару часов назад он даже подвез меня до дома, и выгрузил где-то под парадной. Впрочем, травмы мои реально несущественны. Уверен, что скоро отойду.

— Зачем?

— Заедешь, паспорт завезёшь. Закажем тебе билеты.

— Куда билеты?

— На Мальдивы, остров Ган. Вилла закрытого типа, двенадцать дней. Все включено, все оплачено.

Оба мы замолкаем. Я ожидал услышать, что еду в гастрольный тур или что-то вроде, но никак не такое. Похоже на горячечный бред.

Поэтому тревожно смаргиваю несколько раз, проведя по лицу рукой. Неужели мне хуже, чем кажется? Или Тимур так своеобразно издевается?!

— Не понял, — реагирую.

— К девочке поедешь на день рождения, — также спокойно отвечает он.

Понятнее нихера не становится.

— К какой девочке?

— К сестре моей, Екатерине, с которой ты коллаборации мутил, припоминаешь? Повеселитесь, отдохнете там! А за это время мои юристы подготовят твой контракт. Я закончил, вопросы?

Глухая злоба снова с головой накрывает меня. Путает мысли.

— Спасибо, не заинтересован! — я стараюсь говорить без эмоций.

— Мне твой интерес до ж*пы, Даня. Завтра к часу дня чтобы был в моем офисе с документами!

— А если не буду, то что? Бить будете?

— Учить. Борзый ты слишком!

— Так может, сами и поучите, без помощников?! — предлагаю, потому что уж очень хочется.

Решаю подлить масла в костерок — нецензурно интересуюсь, не боится ли он меня. Однако в ответ никакой истерики. Даже удивительно.

— Ты debil, — просто усмехается Тимур, — смысл мне бить тебя самому, если у меня для этого есть специально обученные люди?

— Не поэтому, — усмехаюсь также, — а потому что ты сволочь и трус!

— Придется, видимо, вернуться, Даня, не запомнил ты урок! — исходит он желчью.

Ну, неужели зацепил наконец-то?

— Значит, перед каждым концертом бить будете?! — ржу. Знаю, нервное, но ржу в трубку.

— Заткнись, малый. Короче! Завтра с паспортом ко мне.

— Я не поеду. Что мне там делать?

— Екатерину Александровну развлекать будешь, — хмыкает.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты, правда, совсем debil?!

Обмираю. Это то, что я думаю?

— Я не эскортник!

— Ты хуже, Даня. Или лучше. Зависит только от тебя! Включай мозг, начинай крутиться по жизни. Если мы будем довольны тобой, ты же только в наваре будешь, че тут непонятного?!

Не выдерживаю, срываюсь:

— Тимур, ты сам хуже любой проститутки! И философия твоя...

Но он отключается. И мой поток невысказанных ругательств истощается, уходит впустую.

— С*ки! — в последний раз произношу я с чувством, засовывая телефон в карман.

Они оба больные — и он, и Катя!

Осторожно тащусь в гостиную, там укладываюсь на диван. Почти сразу звонит Вирмантас.

После Тимура он для меня, конечно, пыль. Что орешек для Золушки.

— Даник, привет, — задыхается, — ты... это ты деньги из сейфа взял?!

— Я, — признаюсь, — здрасьте, Юрий Шмильевич.

И вкратце объясняю своему первому рабовладельцу финансовые последствия односторонней передачи живого человека другому Карабасу Барабасу.

Вымещаю на нем весь свой нерастраченный гнев против Тимура, впрочем, делая это вполне цензурно и даже деликатно.

Грожу судом, и привлечением к этому делу СМИ, что, несомненно, поставит жирный крест на его деловой репутации. Меня несёт, я расписываю его невеселые перспективы с наслаждением.

— Да я тебя! С потрохами! — восклицает Юрий Шмильевич непривычно писклявым

голосом. Теряется.

— А вы контрактик-то наш почитайте! — предлагаю вкрадчиво.

Второй его легитимный экземпляр, естественно, у меня. Более того, уже давно в надежной банковской ячейке.

Напрягаюсь, припоминая, чему учила меня Маша, когда напутствовала по этой теме. После разговора с ней я даже все это где-то записывал.

— Тот раздел, где про расторжение и особые условия! Или давайте забудем о выплатах, и ограничимся той суммой, которую я взял? Подпишу вам какое-нибудь допсоглашение произвольной формы о расторжении контракта, и об отсутствии с моей стороны претензий, — эффектно добавляю.

Вирмантас рычит. Что-то рывкает о контракте секретарше. Терпеливо жду, пока ему принесут злосчастный контракт, и он убедится в моих словах.

Недолго ревет раненым медведем, и вот тут я вворачиваю ещё один козырь. Который, конечно, и не козырь вовсе, а, по сути, чистый блеф.

Тот момент, когда мне уже на все и на всех пох! Если начнут грызться между собой, то и пусть перегрызутся.

— Мне Тимур Эльдарович разрешил, чтобы быстрее закрыть вопрос, — нагло заявляю, — так что это к нему! И вообще, теперь по всем, связанным со мной вопросам, обращайтесь туда.

Неожиданно пыл Вирмантаса гаснет, и сам он затухает как свеча.

Само собой, расчёт был именно на это. Едва ли он захочет конфликтовать с Тимуром, тем более что Тимур наверняка заплатил какие-то деньги за мой переход к нему.

Итак! Это означает, что все дороги ведут к Екатерине. Это ей я обязан такой жесткой во всех смыслах переуступкой меня, горемычного, от одного маститого продюсера к другому, и всеми связанными с тем приключениями. Сорванной свадьбой. Разбитой рожей. Полным крахом...

Юрий Шмильевич заявляет, что он согласен на мои условия. Да и вообще, с чего вдруг мы так разгорячились, и какие могут быть счёты между старыми друзьями?

Мирно, хоть и скомкано прощаемся. Оба понимаем, что это навсегда. Встретимся разве что случайно на каком-либо светском мероприятии. И ведь встретимся! Я кладу трубку.

Принимаю решение поехать на Мальдивы, на день рождения Кати Урусовой.

Возрастающее напряжение

Антонина

Наш разговор с дядей Ваней не клеится.

Он не слишком-то верит мне, я же рассеянно слушаю его вопросы, одновременно с этим зорко высматривая, не появился ли здесь тот самый «друг с запиской», которая, возможно, объясняет все.

Запоздало думаю о том, как друг Данила узнает меня. Я так лихо удалила его номер, что не смогу даже ничего уточнить, если понадобится. Хотя этот парень наверняка ведь знает, как я выгляжу, и подойдет ко мне сам.

— Ну, признайся, что это Зимин звонил или приходил к тебе, и все вдруг стало по-другому! — говорит мне дядя с ворчливой категоричностью пожилого человека, — а может, он и сейчас с тобой?

Раньше дядька был мягче, гибче, что ли, в стремлении добиться правды от кого бы то ни было. Все же, годы берут своё.

Однако в целом он прав.

— Ещё скажи, что уже никуда не едешь, — усмехается.

— Еду! — отвечаю я твёрдо, терпеливо, в попытке успокоить его.

Взмаливаюсь о пощаде:

— Дядь Вань. Ну, давайте уже перестанем мучить друг друга? Считайте, что я просто неудачно пошутила, или преувеличила. Вы правы, звонил он, и как раз ровно до этого момента мы были в ссоре. Данил, кстати, все объяснил, я больше не в обиде. Но всё-таки мы расстались!

— Так вы встречались?! — горестно вздыхает.

— Да.

Вздыхаю тоже. Улыбаюсь.

— Спокойной вам ночи и приятных снов! — добавляю торопливо, предвосхищая новые вопросы, — не беспокойтесь! У меня все хорошо.

И это правда. Пусть мы не поженились, пусть я еду домой, не зная толком, зачем, насколько. Неважно.

Главное, что я вижу свет в конце тоннеля! Даня любит и ждет меня. Я тоже. А значит, жизнь для нас по-прежнему кипит, играет яркими красками.

Сию теперь спокойная, и веселая. Расправив плечи и затаив дыхание в предвкушении встречи с его таинственным другом.

— Ладно, Тоня! И тебе спокойной ночи, — произносит дядя Ваня недовольно.

Впрочем, он понимает, что «колоть» меня нет больше смысла. Все равно ведь не признаюсь, а теперь даже под пытками.

— Где ты, кстати, ночевать собралась, если не секрет? — спрашивает подозрительно.

Снова здорово, называется. И опять этот тон, как будто я провинившаяся школьница!

— В зале ожидания, — поколебавшись немного, отвечаю.

Мне нечего скрывать. Да и вокзальный громкоговоритель не даст соврать, объявляя что-то каждые десять минут для «граждан пассажиров».

— Мне так удобнее, — добавляю чуть мягче.

Все же, он хороший мужик, мой дядька.

— А во сколько у тебя завтра поезд?

Зрит в корень! Отправление, в самом деле, нескоро. Ближе к вечеру следующего дня. Но я отвечаю уклончиво:

— После обеда.

Вздыхнув еще раз для порядка, дядя Ваня прощается со мной. Не читает лекций напоследок, и я сую телефон обратно в карман с чувством облегчения.

А еще через полчаса в зал ожидания входит парень. Я безошибочно понимаю — это он. Тот самый друг Данила!

Внешне он выбивается из общей серой массы унылых лиц и скучающих глаз. Его взгляд ищущий, и сам по себе это яркий, молодой пацан возраста Даньки.

Довольно быстро замечает меня, идет навстречу. Несёт в руках какого-то белого плюшевого медведя.

Боже мой, ну что за пошлость этот мишка. Чувствую себя старухой. Куда мне его девать? Чемодан и маленькая сумочка забиты под завязку.

А парень, в самом деле, обаятельный. Улыбка, ямочки на щечках. Подходит. Здоровается со мной немного застенчиво:

— Доброй ночи. Вы Антонина?

— Доброй ночи, да, — взволнованная, я встаю, потому что рядом со мной все сидения заняты.

Торопливо беру чемодан за ручку, и откатываю его в сторонку. Мы отходим с этим парнем подальше от любопытных глаз моих соседей по залу ожидания.

— Это вам от Данила! — протягивает мишку.

— Мило. Спасибо! — я беру игрушку, улыбаясь в ответ, — а есть ли от него еще записка?

Парень понижает голос:

— Записка там же. Это не простой мишка.

Я автоматически перевожу взгляд на симпатичного, невероятно мягкого на ощупь медведя.

— Он на молнии, расстегивается внизу, под лапкой, — деловито продолжает парнишка, — вы же на вокзале все-таки. Здесь воров много. Раскройте, пожалуйста, мишку в туалете, как я уйду. Меня, кстати, Артём зовут!

Просветленно киваю. Ну, надо же, какие конспираторы!

— Очень приятно, Артём, — отзываюсь я, чуть-чуть сжимая мишаню.

— Вы запишите мой номер, вдруг что понадобится, — настойчиво предлагает.

— А что может понадобиться?

— Да что угодно! Вы можете через меня держать с Данилом связь.

— Ах да, спасибо. Действительно, — бормочу, и записываю его номер под диктовку.

— Вы звоните, не стесняйтесь! Если что. Так он сказал, — напоследок говорит мне Артём.

Я смотрю в его умные карие глаза, и мне спокойно.

Располагающий такой к себе пацан, надежный. Как здорово, что у Дани есть такие друзья. Мы прощаемся.

Как только Артём уходит, я двигаю в вокзальный санузел. Закрываюсь в кабинке, и нетерпеливо дергаю за молнию под лапой медведя.

Первым делом вытаскиваю на свет свёрнутый в трубочку лист бумаги, но там ещё что-то твёрдое.

Засовываю руку поглубже, и нахожу толстенную пачку стодолларовых купюр. Кладу их обратно.

Разворачиваю записку подрагивающими пальцами: «Этих денег должно хватить, чтобы дожидаться меня. У Артёма есть твой номер, в случае необходимости сразу связывайся с ним. Я люблю тебя. Мы всех победим. До встречи!»

Как же это скупое, по-мужски! Сглотнув непрошенные слезы, прячу в сумочку записку. С трудом утрамбовываю в боковой карман дорожного чемодана и выпотрошенного мишку. Пусть будет. На память об этих событиях!

Правда, чтобы разместить его, мне приходится пожертвовать блузкой, которую я без сожалений выбрасываю в урну.

А переложив косметичку и ещё кое-какую мелочевку в чемодан из сумочки, нахожу в ней местечко для денег. Там же, в кабинке переодеваюсь в свитер и джинсы, бережно сложив белое платье. Отправляю его в боковое отделение вслед за мышкой.

Поразмыслив немного, я вынимаю из пачки одну стодолларовую купюру и кладу в карман джинсов. Теперь напрямик отсюда пойду в обменник, а затем в ближайшую привокзальную гостиницу.

Лучше даже будет доехать до нее на такси. Благо их под вокзалом тьма. Сниму до завтра нормальный номер, отдохну и высплюсь как следует!

Данил

Интересно. Как там Тонечка?

Я не могу себе позволить даже написать ей, потому что это риск. Тимур Урусов слишком ясно показал мне, на что способен.

Да и к черту его!

У нее есть деньги. Она умна и осторожна, значит, все будет нормально. Я почти спокоен. Главное, что простила!

А мне нужно сосредоточиться. За окном давно глубокая ночь, но я упорно сижу в ноутбуке, в который раз прокручивая в голове все то, что случилось сегодня.

Бесцельно гуляю одними и теми же страничками в соцсетях. Тимур, Катя, их друзья. Родные. Я ищу нечто, или кого-то, по наитию.

То, что может мне помочь, натолкнуть, дать идею. Подсказать, где или в чем может быть выход.

Нам нужно спастись, обоим.

Это самое важное сейчас. Потому что больше в этой войне мне помочь никому.

Я один против Тимура. Вчерашний детдомовец против того, кто мажор по праву рождения, и оттого мнит себя вершителем судеб.

Для него, для них с Катей я не человек, я просто раб. И все для них, кто не может дать им отпор, низшая раса. Но эти люди заблуждаются! Мне придется доказать им, насколько сильно...

Наступает момент, когда я нахожу это.

А точнее, человека, который может стать ключом!

Полистав фото и видео, и подписи под ними, я только убеждаюсь в своей находке. Это оно. Наконец-то! Нашел.

В голове моей зарождается дьявольский план, детали которого постепенно

прорисовываются все яснее.

Немедленно звоню Соммерту. Он сейчас в Москве и, как многие творческие люди, несмотря на ночь, не спит. Соглашается приехать ко мне.

У меня просто нет времени ждать, вернее, его слишком мало. Да и ни к чему откладывать.

В любой момент я отправлюсь на Мальдивы, и тогда уже все или почти все должно быть готово.

На острове у меня будет чуть иная задача, но тоже требующая полного сосредоточения.

Теперь, кажется, в общих чертах есть! Впервые улыбнувшись, я встаю из-за ноута. Разминаю затёкшие мышцы.

Конечно, детали еще отрабатывать и отрабатывать. Кроме того, нужны помощники — верные, надежные. И, само собой, деньги на реализацию плана. Но это все походу есть!

Теперь бы только немного удачи!

Все остальное преодолимо.

Выход на старт

Данил

Как опытный геймер, я немедленно включаюсь в игру.

В игру, которую придумал себе сам, и которую внедряю в жизнь уже, с адским упорством человека, поставившего на карту слишком многое.

Что из всего этого выйдет, покажет время. Только время, которого так мало.

Не удивлюсь, если Тимур установил в моей квартире «жучки». А потому, не желая недооценивать его, назначаю моему другу Соммерту или, в миру, Мишке Сомову, встречу в «Красном быке».

Сегодня здесь малоллюдно. Хищный лаконичный интерьер заведения, выделанный в красно-черных тонах, успокаивает меня.

Это чисто мужская, круглосуточная забегаловка по типу элитной, где для удобства посетителей предусмотрены отдельные «кабинки». Мы заваливаемся в одну из них и заказываем пива с большим мясным ассорти.

Теперь, когда я снова в строю, чувствую, насколько проголодался. Когда мы утоляем первый голод, приступаю к разговору.

Мне нелегко. Я с трудом заставляю себя открыться ему, начать хоть с чего-нибудь. Все равно ведь других вариантов нет — только сдохнуть или сдатьсь!

Я сделал свой выбор, довериться Михе. К тому же, мне вовсе не хочется использовать его вслепую. Решаюсь. Сперва коротко и аккуратно ввожу его в курс дела насчёт Тони, и того, как меня кинул Вирмантас.

Какое-то время Мишка задумчиво молчит, переваривая информацию. Он, я знаю, не выносит Тимура.

Урусов умудрился и ему перейти дорожку, серьезно задолжав за несколько выступлений в сборных концертах, где сам выступал соорганизатором. Точнее, креативным менеджером, как это теперь модно называть.

Графит, как мы кличем между собой Урусова, просто взял и очень креативно решил, что можно сократить бюджет за счет таких, как Соммерт. То есть, "сошек" масштабом помельче. Тех, кто наверняка не рискнет бороться с ним и удовольствуется не тем, о чем договаривались, а тем, что дадут.

А Михе нужно кормить немаленькую такую команду людей и, одним словом, он обжигался еще не раз, прежде чем решил больше никогда не работать там, где хоть как-то звучит это имя. Что в Москве довольно сложно.

— Короче, есть тётя, — неспешно продолжаю я свой рассказ, — пожилая, при бабосах, все дела. Живет в Европе, тусит по миру. Не замужем.

— Так, — серьезно морщит Миха свой лоб, и это смешит меня.

— Очень слаба на передок. Плющит ее от нежных голубоглазых блондинов, судя по фоткам и видосам в сетях. Еще короче! Нужно очаровать ее таким вот похожим типчиком, и умыкнуть на несколько дней, без средств связи и возможности сбежать. Детали чуть позже.

— Чегоо? — он усмехается.

— Мих, она как раз на Фиджи сейчас, соцсети рулят, расклад охеренный! Звезды, можно сказать, благоволят. Деньги на всю организацию, в том числе, на хорошее

вознаграждение альфонсику имеются, — говорю, не обращая внимания на его легкий ступор.

Лишь на секунду замолкаю, чтобы промочить пивом горло. Кивнув, он внимательно слушает дальше.

— Ты пойми, мне это нужно для того, чтобы провернуть одну хитрую комбинацию. Просто чтоб она исчезла! На время. И теперь основной прикол. Эта тетя — мать Графита.

— Да ты че, братик, охренел?! — удивляется Миха так искренне, что мы оба смеемся. Несмотря на всю печаль ситуации.

Он решительно откладывает вилку в сторону.

— Выкрасть самое ценное, что есть у Графита в этой жизни, — начинает, но я тут же жестко перебиваю его:

— Самое ценное у Графита это он сам!

Миха отрицательно качает головой.

— Прости, конечно, но откуда тебе знать. У тебя же мамы никогда не было.

На меня вдруг накатывают горечь и обида, с трудом дышу. Где-то в глубине души поражаюсь, что так зацепило. Но и ярость к Тимуру никуда не девается!

— Ладно. На то и расчёт, — произношу без эмоций, — что хоть немного ценное. Может, они любят ее, оба, Тимур и Катя. Я не знаю этого, ты прав. Я просто хочу максимально их накалить, чтобы потом сравить друг с другом. И посмотрим, что будет!

Мишка глядит с откровенным сомнением. Даже с ужасом.

— А че за план?! Конкретней.

— Да нет никакого плана, Мих. Есть одни подводки. Но будет жестко, да!

— Какие подводки?

— Подводки к тому, чтобы они сделали за меня все сами. Я хочу оголить все то низменное, что в них есть, и заставить перегрызться между собой. Неважно, за наследство, деньги, влияние... Назови как хочешь. Пора немного сместить фокус с меня. Я хочу создать для них критические и некомфортные ситуации! Но ты не беспокойся, там почти без криминала, — поспешно добавляю, — я ж не Графит! И с тетей ничего не станется. Отпустим. После всего.

— Но разве ты уверен, что...

— Я, на самом деле, ни в чем не уверен, Мишка! — признаюсь по-честному, — но как-то Катя сказала, что хочет уйти из «Граффит Стар», и давно. Что ей нужна свобода, что Тимур душит ее... Теперь, когда они оба развернули против меня войну, я готов это использовать.

Кручу в руках пивной бокал, вцепившись в его основание. Волнуясь, сглатываю. Серьезно гляжу в глаза другу:

— Короче, собираюсь бороться. Просто еще не до конца понимаю, как. Если ты не со мной, то забудь о том, что слышал, и разбежались. Я не в обиде!

— Я в деле, — перебивает Соммерт без пауз, и у меня враз отлегает.

Вновь усмехнувшись, спокойно жрет.

Я люблю этого чертяку, в том числе, за полное присутствие духа в любых ситуациях. Расплываюсь в идиотски-блаженной улыбке. Вдвоем-то оно, всяко, полегче будет.

— Ну ты и зверюга, конечно! — прибавляет Миха.

— Хочешь жить, умей вертеться, — грустно парирую, — я бы даже сказал, выжить. Спасибо тебе.

— Пока не за что. Не бойсь ты, мятежная душа. Прорвемся! Как-нибудь.

— Главное, тетка не пострадает, — зачем-то снова повторяю ему, — а вот Графит, надеюсь, да... ну, это уже детали.

— Так, а, — он вдруг замирает с набитым ртом, — ты мне главное скажи. Что, если ничего не получится?!

— Так не бывает. Что-то да получится, — философски изрекаю я, улыбаясь, — ты кушай, Мишаня, кушай. Не подавись...

Из телефонных разговоров

— Ну что, малыш, я сделал все, как ты хотела! Зимин готов и упакован. На днях отправлю.

— Честно?!

— Да, что за недоверие?

— Нет, просто... я слишком хорошо тебя знаю, Тимур. Ты же ничего не делаешь просто так?

— Это мне, типа, вместо спасибо?! Щас, погоди... Повиси на линии.

— Окей.

— ... С*ка! Мало мы ему вломили.

— Кому?

— Ну, как ты думаешь? Еще час назад был при смерти, а уже с приятелем в каком-то отстойнике бухает.

— Оставь его, Тимур! Зачем вы его вообще били? Не хотел сотрудничать, или не хотел ехать ко мне на день рождения?!

— И то, и другое. Дурачка включил, да забыл выключить. Охота тебе мараться об этого сироту?

— Как будто твои силиконовые все сплошь интеллектуалки. Ты сам-то приедешь?

— Можно нет? У него ж реально не встанет! Ты должна быть в первую очередь заинтересована...

— Тимур! Это не смешно.

— Извини, меня просто смешит твой вкус на секс-тренажеры. Детка, ну подумай сама, че мне там делать, в той массовке?!

— Тимур, мне исполняется двадцать пять, и там будут мои друзья, а не массовка! Ты же знаешь... Ладно, как скажешь. Повеселимся без тебя.

— Вот и умница!

— Кстати. Надеюсь, ты не считаешь, что из-за Дани Зимина я пересмотрю свое решение? Я честно дорабатываю все контракты до конца года, а затем...

— Кать, угомнись уже. Обсудим позже. Отдыхай! А Зимин не более чем подарок, не парься.

— Уже нечего обсуждать! Мы ведь обо всем договорились...

— Я сказал, успокойся! Это не телефонный разговор. Празднуй, занимайся сексом, получай от жизни удовольствие. У меня на вас с Зиминим большие планы. Ваши хиты рвут все чарты, а такое нельзя упускать. Шоу, как известно, маст гоу он. Все, малыш, до связи.

— А как же мой новый продюсер, который только ждет...

— Я все порешаю! Занят, целую, пока.

Игра началась!

Антонина

Очутившись в родном городке, я за считанные дни нашла для себя подходящую квартиру. За те деньги, что передал мне Данил, здесь легко можно купить хорошую однушку, даже со всей необходимой техникой и мебелью впридачу.

Разумеется, в мои планы не входит транжирить его деньги. Но жить с родителями не хочется, уж лучше я буду заходить к ним почаще.

Вообще, я ужасно благодарна Дане за то, что теперь мне не нужно одалживаться и хвататься за любую работу немедленно! Оформив долгосрочную аренду, я позволила себе остановиться и перевести дыхание.

Конечно, семья была немало удивлена моему такому неожиданному возвращению. Покорить «столицы» не получилось, так и читалось на их лицах.

Я даже заметила некоторое злорадство по этому поводу у брата, и у старых подруг. По-настоящему искренне мне были рады только самые близкие — мама, папа, дядя Ваня.

Так сложилось, что для молодых людей в нашем городе перспектив почти никаких. Однако уехать решаются немногие.

Все потому что наша серенькая провинция «засасывает». Мало кто готов рискнуть и вырваться из сонного ритма ее скучной, но такой обманчиво стабильной жизни.

Конечно, брат обрадовался, когда спустя всего несколько дней пребывания в родительской квартире я съехала на съемную. У родителей нас оказалось четверо, и пришлось немного потесниться. У них хоть трёшка, но совсем маленькая.

Зато в условно своем жилье я сразу ощутила дух свободы! Вот здесь мне точно не придется никого стеснять, и жить по чужим правилам. К тому же, в мою ванную комнату никогда не будет очереди.

Едва заявившись к родным, я сразу озвучила свои планы. Сказала, что решила взять паузу и просто немного отдохнуть. Что с работой «в столицах» действительно пока не складывается.

Мне поверили, или сделали вид. Но всего через пару дней после того, как я обжилась на новом месте, вдруг позвонил дядя Ваня. С конкретным предложением — устроиться на работу в канцелярию полиции.

Там как раз «нарисовалась» вакансия после ухода очередной заслуженной работницы на пенсию. Какого-то специального образования для работы с входящей и исходящей корреспонденцией не требовалось, и в итоге я, так же неожиданно для себя самой, согласилась.

Дядька, тоже уже пенсионер, взялся похлопотать за это место. Уверена, что они с родителями втайне решили так помочь мне остаться в нашем городе навсегда.

Как только я устроилась на работу, дни потянулись однообразной вереницей. Она оказалась ожидаемо скучна, но в целом вполне себе ничего.

Все же это было лучше, чем сидеть дома в четырёх стенах, и беспрестанно думать о Даниле.

А еще, мне очень повезло с коллегами. Я неплохо влилась в этот небольшой и дружный коллектив из женщин чуть-чуть за пятьдесят. С веселыми, добросовестными в работе

дамами было приятно вместе и трудиться, и чай гонять.

Все они помнили дядю Ваню, а потому их отношение ко мне сформировалось как бы немножко авансом еще даже до моего первого рабочего дня. «Блат» при приёме на работу в маленьком городишке это норма жизни.

Впрочем, здесь, больше чем везде, я старалась выполнять свои обязанности «на отлично», ни разу не уронив высокого дядькиного авторитета.

Как раз сегодня он позвал меня в гости со странной формулировкой, что готовится какой-то сюрприз. Вообще-то он не имеет привычки устраивать сюрпризы кому бы то ни было. Понятное дело, что я удивилась, но уточнять ничего не стала.

Закончив работу, спешу к нему, сгорая от любопытства. Нажимаю на старенький дверной звонок, который отзывается дребезжащей трелью. Дядька открывает сразу, как будто ждал меня в прихожей.

Судя по его загадочной улыбке, так и есть. Отчего-то становится тревожно.

— Здрасьте, дядь Вань! — бодро здороваюсь я с ним, нерешительно шагая в квартиру.

— Привет, — хватает мою сумку, — дай-ка я за тобой, племяшка, поухаживаю. Да ты не стой, разувайся!

Я послушно отдаю сумку, и быстро скидываю уличную обувь. Краем глаза отмечаю, какой у него тут по-военному образцовый везде порядок. Мне такого нипочем не организовать.

— Ну, рассказывайте уже, заинтриговали! — не выдерживаю первой.

Вместо ответа он молча ставит передо мной женские тапочки, по виду абсолютно новые.

Дядя Ваня давно живет один. Его жена, в свое время, ушла, не выдержав сурового ритма жизни вечно занятого следака. Их сын, мой двоюродный брат Андрюша, счастливо женат и живёт отдельно.

Но дядя Ваня не грустит. Лишь философски замечает иногда, что теперь, наконец, живет в тишине и спокойствии, а с его нелегким характером кто ж его вытерпит.

Что, вообще-то, неправда. Характер у него действительно не сахар, но главное другое — человек он добрый и порядочный.

Словом, я почти не ожидаю никакого подвоха. Однако мои худшие опасения вдруг подтверждаются, когда он, по-птичьи склонив голову на плечо, заговорщицки шепчет:

— Не ругай меня только, Антонина.

— Да в чём дело, дядь Вань?! Говорите толком.

— Я знал, что ты не согласишься, поэтому решил экспромтом, — улыбается, — есть паренёк один хороший! В операх у меня когда-то ходил. Спортсмен, скромный, работающий. Да и симпатичный, как на мой вкус.

Натурально обомлеваю. Но дядя что-то продолжает шептать, поглядывая на закрытые двери своей гостиной.

— Ты это, если что, не робей! Бери инициативу на себя. Просто посидим, чайку попьем, приглядись-ка.

И, подмигнув, очень ловко для своих шестидесяти семи лет подсакивает к двери. Гостеприимно распахивает ее:

— Входи, Антонина!

Я иду, но только потому, что развернуться и уйти сейчас просто некрасиво. Злюсь. С унынием обреченного замечаю сидящего за уже накрытым к чаю столом крепко сложенного

молодого человека. Он тут же встаёт при виде меня, широко улыбаясь.

Я медленно перевожу взгляд на великого сводника. Тот тоже лучится удовольствием.

— Ну что ж, знакомьтесь, ребята! — произносит почти торжественно, — Антонина, моя любимая племянница, о которой я тебе рассказывал. А это Роман, старший следователь прокуратуры!

— Я ничего не нарушала! — пытаюсь шутить.

— И мой старинный друг! — строго заканчивает дядя Ваня.

Мы переглядываемся, но в ответ на мой немой укор он делает вид, что не понимает всю неловкость ситуации.

— Здравствуйте. Очень приятно, — сухо здороваюсь со следователем.

Он зачем-то делает пару шагов ко мне, однако я удачно проскальзываю мимо них обоих. Присаживаюсь за столик подальше. Все равно ведь от чаепития не откристишься!

Демонстративно смотрю на дядю. Вот пусть теперь сам нас и развлекает, как хочет. Хоть пустится в пляс, хоть споет. А я послушаю!

Заметив мою реакцию, старший следователь явно тушуется.

— Что ж вы так официально меня представляете, дядь Вань, — бубнит, краснея. Что, в общем, для такого чина странно.

Но дядя Ваня по-прежнему упорно делает вид, что все прекрасно.

— Да вы не стесняйтесь, молодёжь! — продолжает весело, — а я пока за чайничком. На минутку. Вы пообщайтесь.

Аккуратно прикрыв за собой дверь, он спокойно удаляется в сторону кухни, заставив меня внутренне застонать.

Зная дядю Ваню, я понимаю, что приготовление кипятка, скорее всего, затянется. Поэтому неохотно перевожу взгляд на мающегося напротив меня застенчивого следователя. Вечер, как говорится, обещает быть томным!

Данил

Пока не везёт — мы не можем даже подобраться к ней.

Но уже нашли подходящего человека. И теперь всей «командой» только выжидаем удобного случая, который рано или поздно должен случиться где-то там, на далёком Фиджи. В архипелаге островов южной части Тихого океана.

Разговаривая с Михой по скайпу, я волнуюсь.

День рождения Кати-Клаудиа завтра, и на завтра же запланирован мой вылет на Мальдивы. Она, как я слышал, собирается праздновать три дня.

При одной только мысли о ней, и ее звездной тусовке меня мутит!

Секретарь гребаного Катиного братца уже скинула мне на почту электронный авиабилет. А у нас с парнями ещё ничего не готово, значит, и ехать никак нельзя.

Иначе рушится вся моя задумка. И она, надо признать, колоссальна.

— Малена Яковлевна оказалась неуловимой, что, в принципе, при ее бабках понятно, — пожимает плечами Миха, — курсирует там между ресто, пляжами и салонами красоты. Но самое главное, при ней всегда этот крендель, наш прямой конкурент! Какой-то блондинчик, проживающий в ее номере...

Слушая его, втайне бешусь. При мысли о том, что наш план не удастся, мне становится нехорошо физически.

Радует одно, что есть деньги на все эти расследования. Хотя и они тоже стремительно тают.

— Ладно, пусть наш Павел поищет пока неприметный домик на соседнем острове!

— Уже, — следует ответ Михи.

— Отлично! — жарюсь в собственном адреналине, — и пусть оформит сразу пару недель аренды с правом продления. Не понимаю. В чем там такая сложность подловить ее одну? Он что ж, и по салонам красоты с ней вместе таскается?!

— Та вроде да, — Миха вздыхает, — хотя, подловить как-то можно, я уверен.

— Ты давай, настраивай Пашу посерьезнее. Пусть бабки свои отрабатывает.

— Да, деньги хорошие. Ты ему аванс кинул?

— Само собой! И надо в домике этом все уже подготовить к ее прибытию. Еда, вода, гондоны, медикаменты, — меня вдруг осеняет, — бля. Хоть бы она там кони не двинула, в случае чего, прости Господи! Сильно пожилая?

Мишка смеётся.

— Да ты б видел ту кобылу! Паша говорит, ее красавчик выглядит утомленным, а у нее энергии через край. Нормальная такая, крепкая бабина. Ухоженная очень.

— Ладно, — с тоской, но я понимаю, что звонить Урусову все же придется.

Гори они все огнем, и Катька в первую очередь! Никуда я завтра не полечу! Не готов!

— Спасибо, Мих. Держи меня в курсе, — прощаюсь, — давай, тормози Пашу. И удачи нам всем!

— Конечно, Зима. Если ввязались, то не отступаем! — горячо поддерживает.

Как будто я думаю иначе. Да я бы пошёл войной против Урусовых, даже если бы от меня отвернулись все.

— Окей, на связи! Жду звонка, — отзываюсь, и мы отключаемся.

В один прекрасный день на тех островах будет нанята лодочка, на которой отправятся поплавать двое.

Эту лодочку найдут потом перевернутой на воде вверх днищем. Не шибко грамотные местные полицаи, я надеюсь, легко сложат два плюс два.

В результате чего Малена Яковлевна будет считаться погибшей. Ну, или на крайняк, без вести пропавшей. И вот тогда настанет время для второго акта этой трагедии.

Без дальнейших колебаний звоню Тимуру. Сейчас моя задача просто закосить под дурачка, тем более что таковым меня считают.

— Тимур Эльдарович, здравствуйте! — изображаю страдальческий голос.

— Чего тебе?

— Я не смогу полететь завтра на Мальдивы. Извините.

Тимур взрывается, но я продолжаю:

— Вы, мне, кажется, почку отбили! Я сегодня встать не смог. Плохо мне. Не долечу.

Если что, это вполне соответствует легенде. Сегодня я даже не выходил из дома.

— Креститься надо, когда кажется! — реагирует он, но уже далеко не так агрессивно. Заиграло очко у гада.

— Какая почка? — интересуется деловито. Доктор хренов!

— Правая, — отвечаю от фонаря, но так же, как и он, сосредоточенно. Запоминаю, что сказал.

— Че не позвонил сразу? Своему продюсеру, Даня, надо звонить, запоминай, как только возникает какая-то проблема!

— Так вы ж мне ее сами, — красноречиво замолкаю.

Повисает недолгая пауза.

Тугодум походу решает, как быть дальше. Наверняка смотрит на часы. Неспроста я отложил этот звонок до вечера! Сейчас уже двадцать два, а завтрашний вылет в шесть утра. И вот что ему со мной реально делать?

— Поедешь щас в больничку, Даня, — зло цедит, — обследуют там твою почку. И если гонишь, отобью тебе ее самолично!

Усмехаюсь. У меня вообще-то неидеальное здоровье, после драк с детдомовскими. Так что пусть обследует на здоровье!

Ну а если нет, то я ему напомню про это «самолично», и с удовольствием заставлю умыться кровью.

— Только левую тогда, пожалуйста, — отвечаю, памятуя про свою роль дурачка.

— Собирайся! Ратмир заедет за тобой через час.

— Так у меня ж рожа разбита. Что, если они будут спрашивать о травмах? — вворачиваю не без злорадства, — врачи вроде в полицию о таком сообщать должны.

— Не парься ты так! — отзывается, — в хорошую частную поедете. Там лишних вопросов не задают.

Да мне пох. Я и в самом деле чувствую себя разбитым после его дуболомов.

Буду там тупо симулировать боль и дискомфорт. Вряд ли врачи тогда решатся однозначно заявить ему, что я здоров. Главное сейчас выиграть время, и то, что на завтрашний самолёт я уже никак не успеваю.

Словно прочтя мои мысли, Урусов злобно, отрывисто продолжает:

— В любом случае, Данил! Это не отмена, это отсрочка! Ты по-любому поедешь на день рождения Екатерины.

— Вы оба мне льстите, Тимур Эльдарович. Вот уж не думал, что без меня Екатерина отказывается праздновать, — не удерживаюсь я от едкого замечания, и с чувством удовлетворения слушаю, как тот рычит в трубку. Зверье как оно есть.

— Ты идиот, Даня! — повышает тон.

Значит, моя цель вполне достигнута.

— Я просто поменяю тебе дату вылета!

Меняй. Х*р с тобой.

— Но ты полетишь. Запомни!

— Запомнил.

— Не знаю, зачем ты меня троллишь, но не советую тебе делать этого.

— А что советуете? Слушать ваши советы?

— А ты не такой уж идиот, каким кажешься, да?!

Замолкаю.

— Мальчик. Заруби себе, — он почти задыхается, — я старше, умнее, сильнее! И так будет всегда! А ты одноклеточное по своему уровню развития рядом со мной. Раздавлю как вошь, в любой момент. Стоит только захотеть...

Мои кулаки рефлекторно сжимаются, но я убеждаю себя промолчать на этот раз. Пусть говорит, что хочет.

Не сразу, но успокаиваюсь, слушая его как радио. Без эмоций. Неожиданно для меня и его запал иссякает.

— Я все сказал! Твоя беда, если не услышал, — прибавляет Тимур напоследок с нажимом, и отключается.

Республика Фиджи, остров Ротума

Она выходит из крошечного уютного барчика, слегка утомлённая от людей и от духоты, но в приподнятом настроении.

Какое счастье иметь средства всюду следовать за летом! Лето — ее любимая пора года. Она цепляет по привычке кокетливую белую шляпку на голову, хотя солнца давно нет.

В небе, напротив, эпицентр жаркого огненного заката — такого короткого по времени, но такого удивительного этими своими разлитыми по небосводу красками всех оттенков пунцового, синего и нежно-сиреневого.

Она неспешно любуется открывшимся отсюда видом, медленно вышагивая вперед.

В Москве, да и в ее обожаемой Франции нет таких закатов! Она замечала их только на островных государствах. Ей хочется разделить с кем-то этот закат, поговорить о нем.

С лёгким раздражением, она вспоминает о своём спутнике, который остался в номере страдать несварением желудка, объевшись местных устриц.

Она удивлена слабому здоровью современных молодых мужчин. Изнеженные, инфантильные метросексуалы, в большинстве своем они вызывают в ней лишь презрение своей бестолковостью и ленью. Конечно, речь не о тех, которые хоть чем-то заняты, неглупы и хороши собой.

Разумеется, она понимает, что покупает их, но просто не способна любить мужчин старых и обрюзгших.

Что ж, видимо, таков ее удел — любить пока любитя! Она часто бывает без ума от фигуристых красавчиков не старше тридцати пяти.

И ей невдомек, как можно хотеть то, что выглядит неэстетично или плохо пахнет. От пожилого мужика всегда несет старым козлом, сколько одеколону на него не вылей!

У женщин все по-другому, уверена она. Не зря же природа одарила женщину способностью к физической любви до самого смертного одра, как и сколь угодно долго. Мужчина этого лишен.

Естественно, она понимает и тех старых козлов, кто имеет достаток покупать и содержать молодых козочек. Но она сама, к счастью, может менять юнцов как перчатки, омолаживаясь от этого телом и душой. Особенно душой!

Улыбнувшись своим мыслям, она медленно, с наслаждением вдыхает горячий воздух, щедро пропитанный солью океана. Такой длинный день! Всё же, она немного устала. Возраст берёт своё.

До чего приятно, что улицы здесь освещены и безопасны всегда, даже ночью, а до отеля рукой подать.

Однако словно в диссонанс этим мыслям, на тротуаре в нее почти с размаху, на бегу врезается неизвестный. Она роняет шляпу и сумочку, негодуя. Наглец!

Но уже в следующую секунду встречается с ним взглядом, и видит раскаяние и шок в ярких голубых глазах напротив. Незнакомец страшно похож на молодого Делона, только блондин — она даже засматривается.

— Боже! Простите, — восклицает он по-русски, и тут же поправляет сам себя, — *i am so sorry, miss...*

Она сразу смягчается, отметив это «miss». Должно быть сейчас, в неверном свете фонарей и сгустившихся сумерках она вполне может сойти за девушку.

— Вы русский? — спрашивает его, улыбаясь.

Утвердительно кивнув, он бросается поднимать ее вещи. Она не упускает возможности украдкой рассмотреть красивые, рельефные изгибы его тела. Взгляд невольно цепляется за

детали, задержавшись на упругой мужской попе. Хорош!

Да, в нем все, как ей нравится. Жаль только, что почти мальчик. Сколько ему, двадцать два-двадцать пять? А впрочем...

Взгляд ее заметно теплеет, когда он бережно смахивает невидимую уличную пыль с сумочки и шляпы, и протягивает ей их почти коленапреклонно.

Ну, какой он милый, этот мальчик.

Пожалуй, лучше все-таки надеть шляпу. Ей очень хочется побыть ещё немножко девушкой «за просто так», а не потому, что она богата.

Или он заметил ее статус? Она поспешно прячет за спину запястье руки, на которой красуется браслет часов известной швейцарской фирмы. Но он смотрит только ей в глаза:

— Значит, я прощен?! Вы не ушиблись?

Она прищуривается, пытаясь прочесть на его лице истинные эмоции. Но видит, в самом деле, живую искренность и участие.

— Нет, милый. Со мной все хорошо, — отвечает немного фамильярно.

— Значит, вы позволите мне, — говорит он, и внезапно запинается, замолкает. А ее сердце пропускает удар, совсем как у юной девчонки.

— Позволю что? — уточняет она чуть-чуть высокомерно, скорее, по привычке.

Он неожиданно отступает, и срывает для нее с ближайшей клумбы маленькое розовое соцветие. Трогательно протягивает:

— Мне просто захотелось! Засушите на память о неловком прохожем!

Она округляет глаза:

— Что вы, нельзя так делать.

— Я рискну, — он обаятельно улыбается, — а вы рискнете принять?

Происходящее напоминает ей сценку из какого-нибудь старого сентиментального фильма, иностранного, разумеется.

В наше время уже не встретишь молодого русского парня, готового срывать для случайной дамы цветы с клумбы, прямо посреди нашпигованного камерами уличного наблюдения движения.

И, совсем как в фильме, раздаётся свисток полицейского. Неудивительно. Ведь они стоят на пяточке самого центра этого крошечного городка.

Полицейский спешит к ним, чтобы предупредить или выписать штраф. Он вдруг вскрикивает по-детски простодушно, хватая ее за руку:

— Бежим?

Она хохочет от нелепости предложения, не делая ни шагу. Она действительно не боится всех полицейских мира, вместе взятых. Вглядывается в него повнимательнее.

Он не бежит тоже, успокаиваясь. Ах, до чего он не похож на тех ее изнеженных, вечно ждущих подарков молодых франтиков!

Она знает суть своей тяги к мальчишкам — она любит их за то, что они дают ей этот дух авантюризма, дают почувствовать себя точно такой же неопытной и юной рядом с ними!

Речь не только о сексе. Хотя, секс для нее все ещё очень важен. Пожалуй, даже куда важнее, чем в то далёкое время, когда ей было двадцать или тридцать лет.

— Ох, и опасный вы тип! — произносит она кокетливо как восемнадцатилетняя, напрочь забывая о том несчастном, уже порядком надоевшем ей спутнике, который остался томиться в ее номере в одиночестве.

— И ещё какой! — отвечает он ей в тон. Но смотрит серьезно, — а вы, конечно,

избегаете таких как огня?

Когда полицейский подходит к ним, они оба, захваченные флиртом, уже едва замечают его. На лицах у обоих горит тонкий, едва заметный румянец.

Она легка и загадочна, он — весел и напорист. И она, наконец, позволяет себе увлечься. В который раз...

Игра без правил

Данил

Персонал заводит меня в недра пустынной белой виллы, занимающей приличный кусок пляжа, а затем испаряется так, словно его не было.

Такова политика или, точнее, концепт сервиса. Обслуживающий персонал должен быть незаметен.

На вилле такого уровня чувствуешь себя Робинзоном Крузо на необитаемом острове. С той разницей лишь, что все блага цивилизации под рукой.

Как и маленькая кнопка для вызова того, кто исполнит любой каприз. За твои немаленькие деньги, разумеется.

Это ли не райский отдых?

Катя встречает меня холодно, но в таком прозрачном пеньюаре, который не скрывает фактически ничего. Офигеваю от контраста, окидывая взглядом ее голое загорелое тело без единой волосинки, если не считать головы.

Хотя, ей ли привыкать обнажаться для публики в откровенных выступлениях и клипах? Правда, там она как минимум в трусах.

Катя разговаривает по телефону, едва кивнув на мое «привет» куда-то в сторону низкого и такого же белоснежного, как все здесь, диванчика.

Прямо рай посреди белых облаков и бирюзового океана.

Подумав, я кладу на стол пушистую охапку местных цветов, которые приволок сюда в честь дня ее рождения, и отправляюсь гулять по громадной гостиной, покуда не утыкаюсь на террасу с каплевидным голубым бассейном.

От вида захватывает дух, но я недолго скольжу взглядом по зеркалу воды. Прислушиваюсь. Катя ругается с братом по телефону где-то совсем рядом.

К моменту моего приезда, я знаю, прошли уже сутки, как их общая мать не выходит на связь.

— Значит, ты не можешь подвинуть свои планы, а я должна все бросить и ехать на Фиджи? — слышу ее возмущённый голос, — у меня на завтра зафрахтована яхта. Прибудут новые гости! Почему бы тебе самому не поехать и не нанять какого-то частного детектива или как там, мать их, называют, чтобы помочь местным полициям? Это все должна делать я, девочка, ты серьезно?!

Уголки моих губ вздрагивают в улыбке.

— Какое, нахрен, закрытие МКФ, Тимур? Ты актёр?! — вопит она, — слушай, только не надо мне рассказывать... я это все знаю! Но она и твоя мать тоже!

Замолкает ненадолго.

— Да, приехал. Ладно, поговорим позже.

Я быстро возвращаюсь «на позицию», то бишь, к белому дивану.

Голая, очень голая Катя появляется откуда-то из овальной арки сбоку. Приближается ко мне в том самом просвечивающем, развевающимся халате так стремительно, что я сглатываю.

Сижу, не шелохнувшись. Неужели так сразу, с места в карьер? Изголодалась девка.

Усмехаюсь.

— Привет, — произносит Катя, поравнявшись с тем местом, где я сижу.

В ноздри бьет сильный, волнующий запах ее духов и накремленного, чуть-чуть лоснящегося тела.

Скользкая, должно быть. Как змейка.

— Привет. С днём рождения, — я встаю, минуя ее нахальную близость.

Подхожу к рассыпавшимся по всему столу, ароматным ветвям с полураскрытыми яркими бутонами всех оттенков красного. Сгребая их:

— Может, поставишь куда-нибудь в воду?

— Спасибо, — она глядит не на цветы, а на меня, — пусть полежат там. Здесь цветов как грязи.

— Ладно. Как ты вообще?

— Нормально.

— Расстроена чем-то?

— Так, — неопределенно передергивает плечом, — Дань. Ты присаживайся!

Но стоит присесть, и Катя тут же плюхается ко мне на колени.

Ерзает там, устраиваясь поудобнее. Смотрит так, как будто мы давно любовники.

— Исчезла мамаша моя куда-то! На телефоны не отвечает, — вдруг возвращается к этой теме.

Я решаю поддержать игру. Обхватив Катю за талию, медленно провожу рукой по шелковисто-гладкой коже длинной ноги.

— У взрослой женщины могут быть дела. Найдётся, — отвечаю уверенно.

— Она, возможно, утонула, — вздыхает. Наклоняется ближе к моему лицу. Щекочет своим дыханием.

— Почему так думаешь? Она что, впервые не отвечает на звонки? — реагирую.

— Да потому что она каталась с одним парнем на лодочке, которую рыбаки потом нашли в океане, Шерлок! А их нет.

— Извини, что спросил, — я пытаюсь отвернуться от ее лица, — тебе, наверное, очень плохо?

— Мы не слишком-то были близки. Меня воспитывали няньки да учителя в школе-пансионе, пока она меняла мужей и любовников, — отвечает спокойно, — а Тимуру, как обычно, по*ер! Хотя она и его мать тоже!

Кусает меня за ухо.

Не двигаюсь, но член в штанах дёргается от ее прикосновений. Тяжело наливается, пока я мучительно размышляю, можно или нет.

Катин проворный язычок постепенно доползает до моего рта. Оставляет как улитка, на щеке влажную дорожку.

Мы целуемся.

С удивлением, но я понимаю, что неконтролируемо хочу Катю. В паху нестерпимо ноет.

Одна только мысль о Тоне останавливает меня сейчас.

Ещё, может быть, осознание того, насколько Катя испорчена, цинична. Хотя нет, это не сдерживает! Наоборот. Я хочу ее, но не так, как Тоню.

Хочу грязно, по-животному, насколько хватит нашей фантазии. Она лезет ко мне в штаны.

— Но ты здесь. Ты утетишь меня, — порочно шепчет.

— В каком месте ты хочешь, чтобы я тебя утешил?

Я уже вижу, как хватаю ее длинные волосы. Наматываю их на кулак, разворачиваю ее спиной к себе. Срываю прозрачную тряпку, и... внезапная мысль о том, что Катя, возможно, пишет нас сейчас на видео, действует как ведро холодной воды на голову.

Хватило же у нее тогда пороку забрать от меня Тоню на лимузине!

Видосик о том, каким я могу быть, и вообще сам факт того, что изменил, шокирует ее.

В постели с Тонечкой я был робким, неторопливым мальчиком, страшно восхищенным нашей близостью.

Долгожданной настолько, что даже не мог до конца поверить в это. Все боялся, что передумает. Боялся показаться грубым детдомовцем рядом с нежной барышней.

Я вел себя так, как будто Тоня была девственницей.

Дал ей власть порулить, как хочется. Пообещал себе подчиниться ей во всем, и сдержал обещание!

А с Урусовой сдерживаться нет нужды.

Однако, не на шутку встревоженный, я аккуратно сталкиваю ее с колен. Встаю, удерживая на весу ровно столько, чтобы не свалилась от неожиданности.

Отхожу от нее в сторонку.

— Ты такая же, как Тимур! — бросаю ей в лицо, когда Катя подходит ко мне.

Смотрит непонимающе. Ее широко распахнутые глаза все ещё подернуты поволокой желаний.

— В смысле? Что с тобой случилось?!

— Вы оба одинаково используете людей, а потом выкидываете как презервативы, — я гляжу на нее в упор.

— Не сравнивай меня с ним! — тянет Катя зло и обиженно.

Довольно быстро овладевает собой.

— А чем ты отличаешься?! Ты же меня сюда попользовать вызвала?

Она улыбается. Источает яд:

— А ты, конечно, скажешь, что болеешь гонореей какой-нибудь? И никак не можешь. Никогда. Только после лечения, годика через два.

— Тимур Эльдарович, только без бороды, — отвечаю ей без тени улыбки, — не скажу. Но у меня на вас не стоит! Старайтесь, как хотите, может чего получится?

И Катя замолкает, нахмурившись.

Стоит напротив, внимательно изучая меня.

Потом в ней вдруг будто что-то ломается. Резко разворачивается и уходит, а я упорно иду за ней сквозь череду комнат.

Как-никак, но у меня есть план, которого нужно придерживаться. Чтобы вложить в эту пустую, никчемную голову вполне конкретную информацию.

Возможно, после секса сделать это было бы легче! Но я не могу предать доверие Тони, поэтому придется пробовать, как есть.

В одной из спален Катя усаживается на краешек кровати с усталым видом. Сидит, ссутулившись. Не глядя на меня.

— Как мне все надоело! — произносит резко, — эта гонка бесконечная. Работа, гастроли, тусовки, борьба с Тимуром, постоянная необходимость чему-то соответствовать... теперь ещё и ты борешься со мной зачем-то.

— Не зачем, а почему, — осторожно поправляю я, присаживаясь рядом.

Но не слишком близко. Катя жадно ловит мой взгляд.

— Это же ты заставила Тимура сделать так, чтобы Вирмантас разорвал со мной контракт и перебросил в «Граффит Стар»?!

— Тебе у нас будет лучше, — отвечает неуверенно.

— А ты не пробовала для начала спросить об этом у меня? Это ведь моя жизнь, мое творчество, — спрашиваю, и осекаюсь.

Бесполезно! Кому и что я пытаюсь доказать?

Она не подумала. И не подумает. Ясно вижу, как Катин взгляд снова замасливается. Делается липким.

Мы сидим на постели, Катя жаждет секса. Только я ее больше не хочу, вообще никак.

— Тебе что, совсем не жаль маму? — переключаю.

Это срабатывает. Катя отводит взгляд, нервно закидывая ногу на ногу.

— Ну а что я могу сделать? Что, по-твоему?! Ты тоже как Тимур. Я поеду туда, и дальше?

— Гм... но ты даже не думаешь о ней сейчас. Не надеешься.

Мне действительно интересно. Я придвигаюсь к Кате поближе.

Хотя у меня не было мамы, но я всегда хотел, чтобы она была. Пусть где-то, не со мной, немного мифическая, но существовала. Жила, была, дышала...

— Катюш, — глажу ее по голове как ребёнка, отчего она резко вскидывается и замирает, — что ты чувствуешь? Ты хочешь, чтобы мама нашла?

— Тупой вопрос, — отзывается агрессивно.

Но Катин взгляд меняется.

В нем появляется какая-то горечь, отрешенность. Продолжая гладить ее светлые до белизны волосы, я приобнимаю Катю жестом друга.

Она не отстраняется, но и не смотрит на меня.

— Что будет, если не найдётся? — спрашиваю осторожно.

Катя равнодушно пожимает плечами.

— Сцепимся с Тимуром как всегда, только в этот раз за наследство. Если она не оставила завещания, а зная маму... У нее много чего было. Есть, — поправляет саму себя.

— Так что я, между прочим, богатая невеста! — вдруг заявляет с веселым кокетством. Обвивает руками мою шею и пытается завалить на кровать. Жарко шепчет:

— Меня все хотят, Дань...

— Я не все, — силой отцепляю от себя ее руки, чем, само собой, завожу только сильнее.

Нахожу этот момент вполне подходящим для продолжения дьявольской игры.

Делаю следующий ход:

— Ты невеста без будущего, Катя! Если ваша мама не найдётся, Тимур не станет делиться с тобой наследством.

Кажется, она вся обращается вслух, застывая.

Глаза превращаются теперь в кусочки льда, а я невольно думаю о том, чем рискую.

— С чего ты это взял? — спрашивает как бы небрежно.

Но я нутром чую, что уже крепко заинтересовал ее.

— Так, кое-что слышал от него. Случайно, — говорю.

Мы замолкаем, но тишина повисает такая, что хоть ножом режь. Продолжаю:

— Ладно, Катя. Скажу. Он поручил мне следить за тобой, и докладывать о каждом твоём шаге. Шпионить, то есть.

Она глядит мне в глаза неотрывно, и сейчас я чувствую ее быстро растущую тревогу почти физически.

— И вишенка на торте, — добавляю, — готова?

Гамбит

Данил

Я вижу, что ей страшно. Катя замирает передо мной как кролик перед удавом, веря и не веря услышанному.

— Что ещё? — интересуется с чисто внешней невозмутимостью.

Я делаю вид, что колеблюсь. Хотя на самом деле, отступить уже поздно. Как и беспокоиться о последствиях.

Мой план еще даже четко не прорисован до деталей, но сорваться может в любой момент. Из-за какой-нибудь ерунды, первой же мелкой неудачи.

— Ну?! — торопит Катя.

— Тимур велел подсыпать тебе каждый день наркотик в еду или напитки, — отвечаю ей спокойно, словно речь идет о чем-то обыденном, — я эту дурь уже здесь покупал, по его связям. Через таможеню меня бы с ней не пропустили.

Все, что я говорю сейчас, ложь.

Он не поручал мне шпионить за ней. И в действительности я купил первый попавшийся транквилизатор в местной аптеке из числа тех, что продаются без рецепта. Предварительно хорошо поуглиив название.

Еще, взял в аптеке банку витаминов. Витамины спустил в унитаз, а транк в виде порошка засыпал в банку.

Воняет эта хрень специфично — на наркоте, как по мне, вполне тянет. Даже если Катя когда-нибудь пробовала.

Она вытягивается стрункой и бледнеет, переваривая полученную информацию.

— Покажи наркотик! — жестко требует.

Без лишних слов, я притаскиваю ей свой рюкзак из гостиной. Достая «витамишки».

Катя высыпает порошок себе на ладонь и долго, с ужасом принюхивается к нему, разглядывая. Пробует на вкус кончиком розового языка.

— Зачем ты это жрешь?

Я легонько бью ее по руке, стряхивая отвратный серый порошок прямо на пол. Вытираю похолодевшую Катину ладошку о прозрачный подол развратного пеньюрьчика.

— Вот тварь, — произносит она тихо.

Внимательно смотрю на нее:

— Что скажешь?

— Он тебя купил? — Катю трясет.

— Нет. Тупо избил, натравив на меня своих имбецилов, — я говорю презрительно, — но Тимур не повезло! Таких, как я, не сломить страхом. Самое ценное для меня это свобода. Во всех смыслах.

Катя понемногу успокаивается.

Ее лицо теперь покрывает лихорадочный румянец, глаза сверкают.

— Да, сам бы ты герыч здесь никак не купил, — произносит она, наконец, задумчиво.

Обращается скорее к себе, чем ко мне, подразумевая героин, конечно.

— Ты думаешь, это герыч? — уточняю с глупым видом.

— Похоже, — вздыхает.

— Но, бл***, зачем это ему?! — я не забываю придерживаться роли недалекого "мальчика".

— Не знаю я, не знаю! — она выглядит совершенно потерянной, — Тимур слишком хитер, чтобы его можно было вот так просто разгадать.

Я хмурюсь, копируя ее задумчивость.

Катя вглядывается в меня как-то по-новому. Остро и внимательно. Спешу предвосхитить ее возможный вопрос:

— Ты, конечно, можешь сдать меня ему. Но не я, так другой, будь уверена! Тимур скажет, что этого не было, или я чего-то не так понял и блабла. Ну, вломят мне еще разок, не привыкать, потом буду работать на ваш лейбл дальше. И что ты сделаешь?! Правильно, ничего. А завтра он подкупит кого-нибудь другого в твоём окружении.

Мой голос звучит ровно и уверенно.

Катя молчит, вперяя невидящий взгляд во что-то за мной, за окном. Я терпеливо жду, продолжая разыгрывать помалу свою партию:

— Тимур зачем-то хочет контролировать тебя! Но интересно, как долго ты смогла бы принимать герыч, прежде чем превратиться в овощ?

Наглядевшись вдоволь на местные виды, она переводит взгляд на меня.

— Да, ты прав! Мне, наверное, просто повезло.

Вдруг до ломоты крепко вцепляется в мои запястья. Неожиданная мощь для хрупкой девушки!

— Работай на меня, Даня. Заплачу, сколько скажешь, — горячо просит.

Удача номер два, проносится в моей голове.

Я выдерживаю крошечную паузу, словно колеблясь.

— Деньги меня не интересуют, я уже говорил, — отвечаю.

— Что же тогда?

— Ты невнимательна. Меня интересует свобода! — говорю ей на этот раз чистую правду, — если поможешь мне не заключить тот рабский контракт с Тимуром, который он так навязывает, и вообще, уйти из «Граффит стар», то я согласен! Будем сотрудничать.

Катя кивает, не дослушав.

Жестко загорается каким-то звериным азартом, но я перебиваю ее, не давая сказать:

— Кать, еще кое-что! Аттеншн. С этого момента ты перестаешь смотреть на меня как на кусок мяса, ясно? Я человек.

Она умело изображает непонимание. Но, кажется, впервые на ее лице проскальзывает нечто, напоминающее стыд.

— Секс меня не интересует. Мы союзники, на равных, — прибавляю, — ну так как, договорились?!

И Катька соглашается.

Она, конечно, не подозревает, что с этой минуты я становлюсь двойным агентом. Тем, кто будет говорить Кате одно, Тимуру — ровно другое. Упорно сталкивать их лбами.

Возможно, с Тимуром не напрямую, а через кого-то. До тех пор пока это не приведет к чему-то фатальному, желательно для одного из них.

Без Тимура я легко уйду от Кати и их общего детища «Граффит Стар», а без Кати, подозреваю, что нахрен не упал Тимуру.

— Слушай, ему не нужен еще охранник, ты не в курсе? — спрашиваю, решив не откладывать эту тему в долгий ящик, — если мы затеваем игру против него, то нужны

сообщники. Вдвоем нам Тимура, как ты говоришь, не разгадать! Есть у меня один надежный человек, если что.

Катя задумывается:

— Вообще-то не в курсе, но можно попробовать. Может быть, через Ратмира, мы с ним немного дружны.

— Только не Ратмир! — я отмечаю такой вариант сразу, — он стопудово человек Тимура до мозга кости. Будет проверять нашего парня от и до...

Склонившись друг к другу, мы вполголоса разговариваем, когда мой телефон начинает звонить.

На ловца и зверь бежит! Я выразительно гляжу на Катю, показывая ей экран айфона, на котором высвечено имя: «Тимур Урусов».

Думаю, его интерес ко мне только подтверждает легенду для Кати.

Но что это — еще одна удача в мою копилку, или какая-то очередная засада от него?

Подобно гамбиту в шахматной партии, я готов пожертвовать фигурой, чтобы обострить нашу игру. То есть Катей, в данном случае.

Поднимаю. Говорю первым, не дожидаясь его приветствия:

— Тимур Эльдарович, здравствуйте! Я на месте. Все хорошо.

Многозначительно смотрю на нее. Катька слышит только меня, но все же придвигается поближе к трубке.

Мы оба понимаем, что попытку включить громкую связь Тимур легко вычислит. Она склоняет голову к моему уху с телефоном. Плохо. Но мне, в любом случае, придется импровизировать.

— Окей, — очень самодовольный тон, — давно ты на вилле?

— Недавно. Но все пучком, Тимур Эльдарович, — подмигиваю Кате, — в смысле, полёт. Ну, и так далее! Я из аэропорта быстренько по делу, и сразу сюда. Даже океана еще толком не видел.

— Да что ты? — он удивляется моей словоохотливости, — по какому делу?

— Все для Екатерины. Цветочки и тэ дэ! Ну, я имею в виду, что всем будет довольна. Я проконтролирую. Помните, о чем мы говорили?

Пауза.

— Ах, ты ж чертило, — отвечает Тимур, хохотнув, — да, все верно. Старайся там! Будет довольна Катя, буду доволен и я.

Улыбаюсь и утвердительно киваю на ее немой вопрос. Даю понять, что все идет отлично. Братец ни о чём не подозревает.

Это и в самом деле так! Он слишком недооценивает меня, чтобы задуматься хоть на минуту, что я могу быть опасен.

Для него ведь я не более чем «лох обыкновенный».

В разговоре осторожно подбираю слова. Хочу, чтобы они звучали нейтрально, но, вместе с тем, и как бы подразумевали некий двойной смысл.

Смысл, который углядим в этом словесном поносе только мы с Катей.

— Повторюсь. Я сделаю все, как вы сказали! Не беспокойтесь, Тимур Эльдарович, — прибавляю, — буду вам отзваниваться.

Он ржёт:

— Ты че там, накатил уже, Даня?! Или глаза от Мальдив разбежались? Ладно, звони.

— Конечно, — подтверждаю с готовностью, — да, в общем, и то и другое, наверное!

— Ну, ты сегодня жжёшь. Ладно, давай, я просто убедиться. Привет Кате.

Тимур сбрасывает, не подозревая, какую только что оказал мне этим звонком услугу. Ликую.

В процессе разговора я незаметно скрутил динамик, так что Катя едва ли расслышала хотя бы половину. Зато меня вполне.

— Убедилась? — деловито интересуюсь, пряча телефон в карман, — буду звонить ему с докладами теперь. Не каждый день, конечно. Но часто.

Она молчит с совершенно подавленным видом.

— Да не волнуйся ты так, — подбадриваю, — теперь все зависит от тебя. Главное, будь осторожна! Как никогда. Особенно если мамашка ваша не найдётся.

Воды Мальдивского архипелага близ острова Ган

Метрах в пятидесяти от береговой линии, относящейся к вилле MADONNA DE] GAROFANO, в воде болтается судёнышко.

На корме его расположился коричневый от многолетнего загара старик из числа местных островитян. Сидя с удочкой в одной позе часами, и свесив за борт босые ноги, он следит равнодушным взглядом за покачивающейся блесной.

Морской пейзаж, в который так чудно вписывается старик, величественен и неподвижен.

Зато в миниатюрной рубке под покосившейся крышей его судна кипит бурная деятельность. Раскрасневшийся, взмокший от жары толстяк в майке и шортах делает там несколько дел одновременно.

Сидя на низком стульчике за таким же крошечным, почти детских размеров столиком, он жуёт сосиску в тесте, живо набирая на клавиатуре ноутбука какой-то текст, и периодически поглядывая в некое подобие подзорной трубы. Краешек трубы аккуратно высунут в круглое окно.

Тут же, с другого края оконца стоит профессиональный фотоаппарат на штативе с длинной ножкой.

На мониторе ноутбука журналиста загорается зелёный вызов по скайпу с характерным звуковым сигналом. Он откликается на него немедленно.

— Светик приветик! — здоровается первым с вызвавшим его абонентом, а вернее, абонентшей неопределённого возраста и такого же невзрачного вида.

— Привет, Гош, — отвечает она, едва взглянув на него и тоже, судя по всему, будучи очень занята за компьютером, — я тут номер верстаю. Статью твою когда ждать?

— Недельки через две, Светулик! — тянет он виновато, — засунь меня, пожалуйста, в следующий.

По ее лицу пробегает тень.

— Как в следующий?

— Да я тут в командировке застрял, Светуль! Ты же знаешь, волка ноги кормят. Прилетел вот на Мальдивы за парочкой жареных кадров с юбилея Клаудиа, а тут такая сенсация!

Возбуждённый, он даже откладывает сосиску. Но флегматичная Света слушает его молча. И журналист продолжает:

— Выясняется, что к ней прилетел ZIMMA, поселились на одной вилле, и внимание! Я почти случайно сделал сенсационные снимки.

— Что там? — спрашивает она невыразительно.

— У них таки роман! — произносит он столь торжествующе, словно к этому причастен лично, — жаркий поцелуй, правда, издалика совсем поймал через окно, но я это приближу и отретуширую.

— Хорошо. У себя в газетке тиснешь, или продашь желтой прессе?

— О! — мечтательно отзывается толстяк. Мысль об этом явно будоражит его воображение, — подумаю ещё, поторгуюсь с нашим главредом. В крайнем случае, продам, да. Ах, Светулик, я так надеюсь сделать ещё хоть пару кадров! Представь, с ночи их караулю.

— И?

— Пока ничего, — вздыхает, — знаешь, а я уже намечтал, что они выйдут, к примеру, на заре искупаться обнаженными. Кадры бы получились загляденье! Но нет. Отсиживаются на вилле. Времени, жаль, мало. Я снимаю с воды, и катерок-то наш в любой момент могут отсюда отогнать береговой охраной.

— Ты поосторожней там, — Светлана поправляет съехавшие на нос очки, что-то печатая почти без остановки.

— Да, да, — с жаром реагирует он, — зато какие кадры. Все уже не зря. Будь уверена, что эти фото появятся в ближайшее время на полосах всех газет! Знай, что автор этой сенсации — я.

Параллельные реальности

Антонина

В воскресенье утром, уютно устроившись в кресле с большой чашкой латте и прикрыв ноги пледом, я привычно листаю новостные шоу-бизнесовые странички в своем телефоне.

Подписанная на несколько самых топовых интернет-изданий о звёздах, я всегда в курсе последних новостей. Можно даже сказать, эксперт по сплетням из мира шоу-биза.

Правда, сам шоу-биз мне до одного места — в периодике я читаю о Дане. Пусть публикации о ZIMMA нечасты, но тем не менее. Даже каждая маленькая заметка по-особенному греет мою душу.

И вдруг шок!

Расплескав латте на плед, я резко отставляю чашку куда-то в сторону. На подлокотник. Листаю информационный лист.

Кошмар. Мне это снится?!

Принимаюсь открывать все подряд в гугле, введя в поисковик один и тот же запрос. И всюду натываюсь на яркие, пёстрые, примерно одинаковые несколько фоток. Данил и Клаудиа.

Она, сидящая на нём, на его коленях. Он, ее обнимающий. Страстные поцелуи. Крупным планом.

Читаю ниже каждого такого фото: вилла такая-то. Мальдивы. День рождения. Влюбленные...

Перед глазами плывёт.

Я вскакиваю, оставив телефон в кресле. В панике, начинаю судорожно наматывать круги по комнате, раздумывая, пытаюсь сопоставить факты. Понять. Разобраться, где правда, а где ложь.

Меня трясет и подташнивает от неприятных эмоций.

Где он сейчас?

Поддавшись порыву, снова бросаюсь к креслу за телефоном и набираю Артёма.

— Привет, — я стараюсь говорить спокойно, — это Тоня Брежнева. Удобно говорить?

— Привет. Конечно, — бодро отзывается Артем.

— Подскажи, пожалуйста, где сейчас Даня? — мне кажется, мой голос звучит жалко, — правда на Мальдивах?

Интересно, этот человек в курсе последних новостей?

Те ужасные статьи в интернет-пространстве наперебой кричат о новом романе между Клаудиа и ZIMMA. Некоторые из них просто поражают уверенным ожиданием скорого брака, другие заверяют читателя в том, что этот роман существовал давно и только сейчас вскрылся.

Вскрылся — какое подходящее слово! Горько усмехаюсь.

Артём явно берёт паузу.

— Да я, в общем, точно не в курсе, — начинает.

Я перебиваю его:

— Артём, пожалуйста! Скажи правду. Что он делает на Мальдивах с Клаудиа?

— О Господи, — он смеётся, по-видимому, над моей наивностью, — Тоня! Данил

поехал туда на день ее рождения. Они коллеги. Ясно, что он не смог ей отказать.

Ну да, конечно! А мне смог. На пороге загса. И, вероятно, по ее настойчивой просьбе.

Вот теперь пазл складывается.

Если они действительно давно вместе, то понятен и тот любезный, «случайный» подвоз на лимузине, и проблема, которую он должен был решить. На Мальдивах.

Не решил, значит!

Готовый сорваться с моих уст вопрос замирает. Нечего примешивать сюда Артёма, одергиваю я себя.

Конечно, ему неловко. Сейчас он пытается как-то оправдать друга.

Интересно. О чем будет следующая публикация, об их свадьбе? Или о рождении первенца? Мне горько и больно.

Впрочем, далеко не в первый раз.

Я быстро сворачиваю разговор, едва найдя в себе силы поблагодарить Артёма.

— Данилу что-то передать? — уточняет он.

— Нет, спасибо, — выдавливаю.

После разговора, несмотря на всевозрастающую обиду, я продолжаю сидеть и читать статьи.

Все они практически одинакового содержания, но я упорно листаю их одну за другой.

Возможно, тогда они были в ссоре, или что-то вроде. И где-то в этом промежутке была я. Удивляет во всей этой некрасивой истории одно.

Вернее, даже два момента: Данина небывалая щедрость, и вот это его никому не нужное «жди».

Зачем?

А деньги я ему, конечно, верну. Как только придумаю как. Я ведь уже оттуда потратила кое-что. Счастье, что у меня есть хоть какая-то работа.

Но, мне нужно придумать что-то другое. Мне нужен новый план!

И немедленно.

Данил

Расстроенная исчезновением матери, поведением Тимура и, наконец, просто невозможностью вертеть мною как куклой, Катя напивается. В хлам.

К вечеру подадут заказанную яхту, и на виллу прибывает много нового народа. Но Катю это ровным счетом никак не колышет.

Я впервые вижу ее шуструю болтливую помощницу Кристину такой притихшей и растерянной. Теперь она поминутно поглядывает на меня, явно ожидая помощи.

Но я, прикинувшись валенком, просто молча сижу рядом с пьяной именинницей, не без тайного злорадства наблюдая, как она хамит своим старым подружкам.

Натюнингованные с головы до ног девки малость прифигевают. Однако вся эта наша странная, случайным образом собранная разношерстная толпа все-таки выдвигается на морскую прогулку.

Среди них, по классике, находится и телка, пытающаяся пофлиртовать со мной. Я охотно цепляюсь за эту подвернувшуюся возможность подлить маслица в огонь, и поддерживаю флирт. Даже перегибаю местами.

Все это, разумеется, сказывается на Кате самым мрачным образом.

К моменту, когда ей звонит Тимур, клиентка уже, как говорится, в полной кондиции.

Я так органично вживаюсь в роль великого кукловода, что, кажется, перестаю видеть

границ разумного. Их как будто нет.

Зато есть азарт, который только растёт. Более того, заигрываясь, я чувствую, как начинаю терять контроль. Управлять этими людьми оказалось легче, чем я думал.

Пользуясь правами Катиного псевдолюбовника, я внаглую слеую за ней в недра яхты, чтобы, не скрываясь, подслушать разговор.

Ну и скорректировать его, если надо, разумеется.

Однако все идёт прекрасно. Брат и сестра долго вопят, обмениваясь претензиями. Тимур упрекает Катю в пьянке, она парирует, чем может.

Все же, она остается ещё немного вменяема. Однако наступает момент, когда я вижу: она готова проговориться!

Придвигаюсь к ней, прикладывая палец к губам. Считаю безумный Катькин взгляд, просто отключаю их связь. Бросаю телефон на стол, не спросив ее разрешения.

Как бы успокаивающе приобнимаю, и она послушно обмякает в этом дружеском объятии. Бессильно закрывает глаза, покачиваясь.

Оскорбленный Урусов, к счастью, не перезванивает.

Я аккуратно укладываю ее на ближайшую тахту. Пусть поспит, тайм-аут ей просто необходим. У меня на Катю большие планы.

Но я знаю, что долго это не продлится.

То есть, моя мнимая власть над ними. Рано или поздно они поговорят без меня, и тогда нетрудно догадаться, чья голова может полететь с плеч. Образно, конечно.

А может, и не образно вовсе.

Придется, значит, этой голове думать быстрее! Мои все еще неясные приготовления никак не могут сложиться в четкий план.

«Сумасшедшая дура!» — кричал Тимур Кате как раз перед тем, как я разъединил их.

И тут меня осеняет.

Что, если мне и вправду выставить ее сумасшедшей? Ну, или, во всяком случае, такой, кому верить нельзя.

Во-первых, это обезопасит меня от Тимура на какое-то время. Во-вторых и в главных, позволит собрать их где-нибудь в одном месте, при соблюдении определенной комбинации действий, конечно.

Не в Москве.

Там мне их нипочем не одолеть. Там Урусовы у себя дома, с охраной, связями и с отработанным арсенальчиком из самых грязных приёмов на любой вкус.

Нет. Надо, чтобы они оказались, скажем, на Фиджи, доведённые до пика своей неудовлетворённости друг другом!

В конце концов, все гениальное просто.

Если в ближайшее время мне не придет в голову ничего толкового, я могу просто записать на видео то, как эти двое собачатся между собой. А они не стесняются в выражениях, так что видеосик обещает быть скандальным.

И всё, никакого криминала. Как я и обещал парням.

Тогда можно будет отпустить мамашу, и вернуться по-тихому домой. До тех пор, пока она не укатит обратно в свои Европы, Павлуша просто заляжет «на дно».

Тимур, само собой, очень скоро наберет меня с очередной своей тупой предьявой. Только на этот раз я смогу пообщаться с ним на его языке. Послать, то есть.

Разъясню ему доступно, что именно обнародуется мной, или другими надежными

людьми в случае малейшей угрозы для меня, если он, наконец, не отвалит.

В случае, если Тимур решится на эту войну, выждать я не стану. Пусть вся страна узнает, какие они с Катей убогие приматы.

Многие ли потом захотят работать с такими, или слушать их песенки?!

Урусовы не смогут даже подать на журналистов в суд, потому что это видео будет не монтаж и не подделка.

Эх, только бы не сорвалось!

Сильно сомневаюсь, что им захочется рисковать своей репутацией в обществе. Одним словом, план мне нравится.

Скукожившись от холода в своем полуголом платье, Катя крепко спит. Убедившись в этом, я набрасываю на нее нечто вроде толстой скатерти, которую нахожу здесь же, в кубрике. За одеялко вполне сойдет.

Закрываю дверь в кубрик поплотнее и перемещаюсь в соседнюю каюту, чтобы позвонить оттуда нашему альфонсу Паше.

— Привет, это Данил. Как мадам?

— Привет, норм, но с каждым днём мне всё невыносимее, — жалуется он с тяжким вздохом, — первые сутки мы только и делали, что жрали, спали да трахались! Но когда она начала дергаться на выход, я сделал вид, что приревновал ее к тому типу, который остался в отеле. Сказал, не отпущу, пока он не свалит.

— Все верно. Как отреагировала, и где она сейчас?

— Ей было приятно! Сейчас спит. Мы не выходим из дома, телефоны я попрятал. Закрылись так, что без ключа отсюда выбраться нереально.

— Как мадам ведет себя?

— По-разному. То радуется, то бесится. Больная, короче, на всю голову!

— Потерпи, Паш! Ты молодец. Есть у меня для тебя еще одна задачка на пять косарей сверху зелеными.

— Эм... а что нужно сделать?

— Выйди щас из дома по-тихому. Сделай один звоночек, но не с мобильного, а из любого местного телефона-автомата. Есть у вас такие?

— Не уверен. Но да, вроде.

— Придумай что-нибудь. Из забегаловки какой-то набери, неважно! Номер я тебе скину. И звони, пока не снимут трубку.

— Понял. Что сказать?

— Шпрэхай по-английски. Запоминай! Скажешь: хэлло, звонят из морга. Нашли в океане труп женщины, похожей по описанию на вашу мисс Малену Урусову. Приезжайте на опознание. Девушка, которая снимет трубку, разговорный английский знает. Но ты все равно говори медленно и разборчиво! Отвечай на уточняющие вопросы, только без фанатизма. Ну, типа, ваш номер нам дали в полиции. Всё. Быстренько сворачиваешь разговор, и гуднайт. Плюс пять тыщ придут на карту.

— Я понял, Данил! Все сделаю в лучшем виде!

— Давай, Паш, в течение часа! Пока.

Полоса везения

Антонина

Утром, едва проснувшись и выпив чашку своего любимого, натурального несладкого кофе с обезжиренным молоком, я с нетерпением дожидаюсь «часа икс», после которого прилично позвонить человеку.

Набираю Ёлку. Страшно волнуюсь, пока слушаю гудки, ведь она — мой единственный шанс.

Но удобно ли, нормально, вот так, надолго исчезнув, вдруг объявляться с просьбами?! Ой, не уверена.

Впрочем, к счастью, мои страхи совершенно не оправдываются.

Татьяна почти по-родственному ругает меня за то, что я пропала, а после сама заговаривает о той самой вакансии в столичной газете.

Умнейшая женщина! Я искренне каюсь, и рассказываю ей немножко о своих делах. Без интимных подробностей, разумеется.

Поколебавшись, спрашиваю и об Алексее. Слава Богу, у него всё хорошо.

— Танюш, поверь, сейчас я как никогда готова посвятить всю себя работе! Тебе не придется за меня краснеть. Просто сориентируй, куда бежать и что делать.

Она объясняет. Скидывает контакты главреда, у которой мне вскоре предстоит пройти собеседование.

Конечно, это больше формальность, подчеркивает Таня. Потому что мне уже обещана всяческая поддержка редакции данной газеты под названием «Вечерняя столица» в лице заместителя главреда Ирины Лавровой.

Ирина Владимировна Лаврова и есть та самая влиятельная Танина подруга, к которой я смогу обращаться впоследствии. Радуюсь.

Всё-таки судьба благоволит ко мне! И пусть не везёт в любви, но на хороших людей мне везёт точно.

— Тань, я даже не знаю, как благодарить тебя! — признаюсь, чувствуя, как горло сдавливает спазмом.

Сейчас возьму и расплачусь еще, чего доброго, от счастья и умиления. В то время как мне, напротив, необходимо оставаться спокойной и сосредоточенной!

Все-таки очередное расставание с Зиминым не прошло для меня даром. Похоже, я становлюсь неврастеничкой.

А ведь впереди новая интересная работа, которая потребует от меня полной отдачи. Очень хорошо оплачиваемая, кстати говоря.

Поэтому я беру себя в руки и успокаиваюсь.

— Перестань! — отвечает Таня вполне в своём духе. Как будто речь идет о чем-то незначительном, — не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Просто произведи хорошее впечатление на Кобру Валерьевну, и дело на мази.

— На кого?! Звучит обнадеживающе, — смеюсь.

Вообще-то главреда «Вечерней столицы» зовут Кора Валерьевна. Но такое чудное греческое имя едва ли было переименовано моими будущими коллегами без причин.

— Да не бойсь ты, Ирэн завершила, что тётка она серьезная, но добрячка в глубине души!

— Типа, где-то очень глубоко?

— Ну, типа да, работа у неё такая! Нужно выглядеть сурово и неприступно. Чтобы все уважали и хорошо работали.

— Ясенько, — говорю в ответ, — значит, приложу все усилия. Если сложится, с первой же зарплаты вышлю тебе бутылку «Дом Периньон». Чтобы и дальше все шло как по маслу!

— Ага, вот как раз всю зарплату на одну бутылку и спустишь, — веселится Танюха, — так я тебе и дала свой адрес. Никаких Периньонов.

— Ой, я как-то загуглила, они очень разные бывают по стоимости, — настаиваю, — небольшая бутылочка мне вполне по карману. А адрес твой узнать несложно, так что не обсуждается.

— Послушай. Максимум, что я от тебя приму, какие-нибудь конфетки «Огни столицы»! И то, в случае, если соберусь в эту вашу столицу, в чем пока очень сомневаюсь.

— Ладно, предлагаю вернуться к этой теме попозже. То есть, в случае успеха. Который ты мне, чего уж там, по сути, обеспечила! — парирую, — все же, оставим небольшую или, надеюсь, микроскопическую вероятность того, что я придусь не по душе Коре Валерьевне...

Мы болтаем ещё немного, и прощаемся.

Я откладываю телефон, загораясь новыми планами. Мне столько всего нужно переделать!

Взять отгул, мотнуться в Москву на собеседование. Потом, если все пройдет удачно, быстро найти там жилье, вернуться сюда, чтобы уволиться, объясниться со своими и, наконец, переехать в столицу с вещами окончательно.

После чуть-чуть выдыхаю.

Нет, сейчас я не буду думать о Даниле Зимине. Некогда.

Да и потом тоже, потому как бессмысленно.

Потом будет работа редактором, налаживание нового быта, учёба и много чего еще. Конечно, он позвонит рано или поздно, и я сразу же переадресую его к дяде Ване.

А дяде Ване объясню все про деньги.

Оставлю ему их на хранение до приезда Зимина. Потому что квартира дяди стоит по старым связям на охране у одного очень приличного в нашем городе охранного агентства. Думаю, там даже надежнее будет, чем в банковской ячейке какой-нибудь.

И я вроде бы как вполне договорилась с собой.

Но почему тогда в груди все-равно так давит и жжёт невыплаканными чувствами?!

Хотя нет, плакать мне не хочется.

Мне хочется его.

И все же, не сразу, постепенно, но погружаясь в дела я с удивлением подмечаю, что, в самом деле, не думаю о Даниле.

Сперва я не думаю о нем ежеминутно, а после вспоминаю все реже и реже.

Может ли быть, что я люблю его вовсе не так сильно, как кажется?

Хоть бы это было правдой!

Потому что только так у меня есть шанс начать новую жизнь. Новую по-настоящему.

Данил

Я дожидаюсь пробуждения Катки в радостно-приподнятом настроении, и с двумя дымящимися чашками кофе на подносе. Легонько тормошу ее.

Ночью все прошло гладко.

Сразу после звонка Павлу я отнес Катю в спальню, чтобы то, что будет потом, не подслушали ее дебильные подружки, которые все время ошивались где-то поблизости.

Я должен быть вне подозрений.

Потому что то, как я поступлю с Катей дальше, довольно жестоко. Но жаль ли мне её? Я вглядываюсь в расслабленные черты лица спящей, и понимаю. Нет. Ни хрена.

Буду делать из нее реально сумасшедшую и не заслуживающую доверия в глазах Тимура! Далеко не сразу, но в эту ночь Паша дозвонился до Кати.

Едва собрав пьяные мозги в кучу, она после разговора с ним все порывалась позвонить братцу. Однако я мягко переубедил ее подождать до утра. Может, это странно, но Катю не пришлось долго уговаривать.

Я едва успел обратить ее внимание на международный код номера звонившего, как она уже снова сладко задрыхла.

Короче, пить плохо, очень плохо.

Не знаю, вспомнит ли она подробности разговора, это уже не так важно. Но хоть что-то вспомнит, я уверен!

Само собой, я удалил в Катином телефоне тот входящий номер с Фиджи.

Сам разговор остался только в ее памяти, да и то лишь в том обрывочном виде, который обеспечил ей чудовищный коктейль из несовместимых видов алкоголя.

Что же до меня, то я ничего не помню! Потому что для меня этого разговора никогда не было.

Прячу улыбку, наблюдая за тем, как Катя, просыпаясь, со стоном разлепляет глаза.

— О! Ты здесь?

Взгляд ее теплеет.

Опускается ниже, на чашечки с кофе, и вот Катька улыбается еще шире. Потом вдруг меняется в лице.

Вскакивает и летит, не разбирая дороги, спотыкаясь, в санузел. Там ее выворачивает.

Я вовсе не спешу ей помогать. Тошнотворные звуки чужой блевотины вызывают во мне лишь омерзение.

— Ты как там? — лениво интересуюсь из кресла, сделав глоток кофе.

— Нормально, — скрипит оттуда.

Слышу, ругается на что-то матом. Прибегает в каюту с горящими, перепуганными глазами на бледном лице.

— Где мой телефон?! — кричит, и тут же находит его сама.

Не глядя на меня, набирает кого-то.

— Боже, как я могла забыть! Мама! Я звоню Тимуру.

Никак не реагирую. Но, надо признать, быть злодеем непросто.

Мне хотелось бы сказать, что я спокоен, но это вообще не так! Когда Тимур отвечает ей, мой пульс учащается.

Итак, игра в самом разгаре. Раунд номер какой-то там, и переход на следующий уровень сложности.

Развязка

Данил

Я слушаю как Катя немного сбивчиво, но в целом довольно точно передаёт Тимуру суть ночного разговора. Он, конечно, не верит ей.

Делаю непонимающее лицо секундой раньше, чем его сестра поворачивается ко мне и буравит меня требовательным взглядом, очевидно, в поисках поддержки.

— Да вот же, и Даня слышал тоже, — произносит раздраженно, — короче, Тимур! Не беси меня. Надо ехать на опознание, поезжай ты. Я туда не поеду.

Вздрагиваю. Все идет не совсем так, как я запланировал. Мне нужно убедить ее поехать, но и Тимура вызвать туда тоже!

— Я ещё не настолько сошла с ума, как тебе бы хотелось! Сейчас вышлю, не визжи, — бросает она ему, и начинается судорожный поиск того самого номера в телефоне.

Само собой, Катя не находит номер и в растерянности замирает. Смотрит на меня как кролик на удава.

— Как это... Дань.

Не долго думая, выдергиваю телефон из ее рук и отключаюсь от братца. Затем старательно делаю вид, что тоже ищу номер.

— Ну, ты же помнишь, да?! — спрашивает она в полном отчаянии.

— Я помню, что тебе кто-то звонил, поздравлял вроде, — бубню себе под нос, взясь с ее телефоном, — но потом заснул, я ведь тоже был выпивший. Так что все может быть.

В этот самый момент Тимур ожидаемо набирает меня.

— Да, Тимур Эльдарович? — откликаюсь.

— Данил, а че там с Катей происходит, — начинает он в своей манере без «здрасьте», однако не успевает и договорить, как его сестрица проворно выдирает трубку из моих рук.

— Поздравляю, Тимур! — вопит как ненормальная, — получилось. Позвонил удостовериться? Давай-ка увеличь дозировку, и тогда уже ни с кем не придется делиться наследством!

Мне приходится применить силу, чтобы забрать у нее свой телефон обратно. Катя плачет.

— Да что с ней вообще творится, Данил?! Я не понял, она там обдолбанная, что ли? — офигевает Тимур на другом конце провода.

Уж не знаю, истинно ли его чувство тревоги в голосе. Или он, в самом деле, только рад ее странному состоянию.

— Вроде нет! — отвечаю, — с ней уже все в порядке, Тимур Эльдарович. Не беспокойтесь.

И Катя затихает, прислушиваясь.

— Ей кто-то звонил этой ночью?!

— Ей всегда звонят, и днём и ночью. Так что я не исключаю!

— Да, но ты сам, лично слышал о том, что она сказала?

— Я — нет, — говорю коротко, но вполне конкретно.

Мы с Катей напряженно играем в «гляделки», пока Тимур замолкает, ругнувшись.

— Дай ей трубку! — жёстко требует.

Молча, я передаю телефон, но склоняю голову к ней поближе, чтобы не упустить ничего важного.

— Значит так, — произносит Тимур, — слушай сюда! Вытри сопли, и дуй в Москву. Давай-давай, прямо сегодня.

Я отрицательно качаю головой, подсказывая Кате линию поведения.

— А ты поедешь на Фиджи? — уточняет она у него, бледнея.

— Никуда я не поеду, дура, — отвечает, — где этот номер, с которого звонили? Я же попросил, перешли мне.

— У меня его нет почему-то. Но я хорошо помню тот звонок!

— А я хорошо помню, что ты нажралась как скотина, и ещё минуту назад несла полный бред! Ану, признавайся, кто дал тебе дури?

— Ты сам же, идиот! — кричит Катя в ответ, но, наткнувшись на мой предупреждающий взгляд, к счастью, замолкает.

— Что сам?! — слышу его напор в вопросе.

— Ничего.

— Возвращайся в Москву, слышишь?

— Когда и куда мне возвращаться, я разберусь без тебя, Тимур, — обрубает она на удивление решительно.

От ее тона тот снова замолкает.

Я одобрительно киваю Кате, и еще раз аккуратно вынимаю телефон из ее похолодевших пальцев. Сбрасываю Тимура.

— Молодчина, — хвалю, — не позволяй ему руководить собой! А вот я тебе верю. Поедем на Фиджи вместе, и там все выясним, хочешь?

Тимур перезванивает.

Я кладу ладонь поверх ее руки, не давая ответить. Подключаю все свое обаяние, прожигая Катю многозначительным взглядом.

— Ведь был же звонок ночью, был?! — спрашивает она эмоционально, — но где тогда этот номер? Или ты тоже скажешь, что я крейзи?

— Я — нет, — мотаю головой, — я не Тимур. Что, если это был какой-то знак свыше, сон, видение?! Возможно, так твоя мама зовёт тебя? Короче, Катя. Решено. Едем туда.

Тимур звонит, не переставая.

— Пусть и он туда приедет тоже, — нащёптываю. Выпускаю ее гаджет из плена, и Катя, в конце концов, отвечает брату.

Резко отказывает на все уговоры вернуться немедленно в Москву. Похоже, что Тимур приходит в ярость от этого, и от ее предложения встретиться на Фиджи!

Но нас уже не унять. Еще не понимая толком, куда приведёт эта затея, я в тот же вечер тяну Катю на острова.

В любом случае, в Москве этот засранец сразу возьмёт меня за горло! Продавит, чтобы я подписал тот кабальный контракт, и до пенсии батрачил на него по городам и весям, как десятки таких же Буратинок из «Граффит Стар».

Манипулировать Катей куда легче.

Прилетев на Фиджи, мы первым делом арендуем яхточку, пришвартованную к берегу в яхтенной бухте. Здесь это принято для тех, кто не хочет идти жить в отель или на квартиру.

На таких яхтах есть все для жизни, по сути, это и есть квартира на воде.

Благодаря Катиному романтическому настрою, мне удастся еще и избавиться от ее

настырной Крис, отослав ту в Москву прямо с Мальдив.

Сейчас, на яхте, мы оказываемся почти совсем одни. На борту с нами находится только человек по обслуживанию судна, но его не слышно и не видно.

Чуйка подсказывает мне, что Тимур тоже объявится здесь рано или поздно.

Договариваемся с Катей, что я отправлюсь в морг узнать, что к чему, пока она немного осмотрится.

Городок тут крохотный, и местные вряд ли признают во мне популярного в странах бывшего СНГ певца. А если и признают, то все равно. Я уверенно ищу нужное здание расспрашивая прохожих при помощи гугл-переводчика, когда вдруг замечаю машину.

В ней, к своему ужасу, я вижу Тимура, а на водительском месте четко просматривается и смуглая рожа его верного пса Ратмира. Обмираю.

Останавливаюсь, испытывая неприятный покалывающий адреналин во всем теле.

Как они успели явиться сюда так быстро?! Частным бортом, не иначе.

Я делаю марш-бросок узенькими улочками, чтобы опередить их и добраться до бухты первым.

— Катя, Тимур здесь! — сообщаю ей, запрыгивая на яхту с пирса через лесенку.

Однако она не выглядит удивлённой. Лежит на самом солнцепёке, размазывая по телу крем.

— Я в курсе, он звонил, — отвечает рассеянно. Вспоминает, — а как там твои успехи?! Что сказали в морге?

Успехи, это так называется?

В который раз удивляюсь ее цинизму, переводя дыхание и с тревогой следя за дорогой, ведущей к бухте. По моим расчетам, машина Тимура покажется вот-вот.

— Никак! Сказали, что ничего о том звонке не знают, — реагирую.

Катя перестаёт намазываться, замерев.

Наблюдая на ней, я отчетливо понимаю, что заигрался. Все равно, отступить уже некуда! Стоит сказать им, что я не был в морге, и они немедленно поедут туда.

— Мне жаль, — добавляю зачем-то.

Не дожидаясь ее реакции, отправляюсь изучать недра яхты в попытке предугадать, где конкретно эти родственнички присядут поговорить по душам.

В дневное время каюты внизу слишком жаркие и тесные. Но я поднимаюсь на верхнюю палубу и понимаю — вот оно! Тут все как раз в барском духе Тимура.

Палуба широкая и просторная, с белым кожаным диваном под прозрачным навесом от солнца, и с небольшим, но глубоким бассейном круглой формы посередине. Стопроцентно захочет приземлиться где-то здесь.

Осталось только приготовить им дополнительную замануху — поставить на столик чашки со свежесваренным кофе!

Еще раз критически осмотрев территорию, я устанавливаю свой телефон над навесом дивана, в его импровизированной крыше так, чтобы в камеру хорошо просматривалась большая часть палубы. Включаю режим полёта, чтобы ненароком не выдать телефон никакими сигналами извне.

Терпеливо жду. Активирую запись в тот момент, когда Тимур с Ратмиром ступают на яхту.

Смотрю оттуда на этих двух уродов, один из которых объявил меня своим рабом, а второй сначала вломил мне по приказу своего шефа, а затем так жестоко опустил в глазах

Тони.

Ненавижу их.

Помимо воли, мои кулаки сжимаются, а глаза наливаются кровью. Но, сглотнув, я беру себя в руки, и быстренько спускаюсь в кухню-каюту.

Там включаю кофемашину, делаю два кофе. Подумав, приношу из своей каюты и тот, купленный "для Кати" транквилизатор. Щедро добавляю по паре таблеток в каждую чашку и, размешав, слегка пригубляю одну из них, пробуя на вкус.

Сыплю в чашки побольше сахара, чтобы перебить едва уловимый, мерзкий привкус. Надеюсь, это сделает ребят еще более неадекватными!

Попытка не пытка, и все остатки транка я спускаю в унитаз на всякий случай. Пригодится уже вряд ли. На все про все в итоге у меня уходит минут десять.

Ставлю чашки на стол палубы, кладу рядом не распакованную коробочку конфет. Ну, вот и все.

Спускаюсь к ним, цепляю на лицо идиотскую улыбочку:

— Привет всем!

Катя верхом на своем топчане выглядит кисло, а Ратмир с Тимуром смеряют меня одинаково высокомерными взглядами. Ни дать ни взять, хозяева жизни на деловом консилиуме!

— А, спустился, наконец! — усмехается в черную бороду Урусов. Чешет свою мощную татуированную шею, — турист. Че тут у вас вообще происходит?!

Я ловлю Катин взгляд, игнорируя вопрос Тимура.

— Я там вам два кофе приготовил, — обращаюсь к ней, — на случай, если вдруг захотите пообщаться в спокойной обстановке! Мы вам не будем мешать.

Неспешно достаю и грохаю на стол коробку с нардами, которые мы с Катей нашли здесь. Не умею в них играть, но занять Ратмира очень важно.

Вернее, нужно как-то оторвать Тимура от его бодигарда, который везде ходит за ним как приклеенный.

— Ратмир, партию? — предлагаю. Он не отвечает.

Не в первый раз, успокаиваю себя тем, что как только заберу запись, свалю отсюда по-английски.

И пошли они все.

— Кофе? Молодец, услужливый, — хмыкает Тимур, разворачивая свою корму ко мне, — ну так че, Катюх, поднимемся?

Какое-то время они с ней весьма недобро глядят друг на друга, затем Катя встает. Я мысленно потираю ручки.

— Гран мерси! Старался для Кати, — подчеркиваю, продолжая играть роль шута и одновременно провоцируя этим Тимура на агрессию.

Распаляю его посильнее. Смотрю в упор в ожидании насмешки или оскорбления.

И он меня не разочаровывает.

— В постели будешь стараться, идиот, — бросает небрежно, — ну, так я не понял, Катя, что там за звонки у тебя в голове...

Она ожидаемо взрывается:

— Тимур! Выбирай выражения, пожалуйста. Ты заколебал тут уже всех своим гонором! Приди в себя...

— Кать, кофе остынет, — вклиниваюсь, сбавляя градус. Повторяю, — Ратмир, а давайте

в нарды?!

Присаживаюсь и начинаю тупо их раскладывать. Буквально как видится.

— Ты че-то, попутал, малый?! Указывать нам будешь, кому и чем заняться? — слышу голос Тимура, но решаю уйти в игнор. Ситуацию спасает Катя.

Она просто уходит наверх, вынуждая его пойти за ней. Ратмир же, засунув руки в карманы, отходит к поручням и там демонстративно делает вид, что любит заливом.

— Ну, не хотите, как хотите, — весело говорю ему, оставляя нарды в покое.

На самом деле, мне ни хрена не весело.

Ратмир по-прежнему не удостоивает меня ответом. Какое-то время мы оба чутко прислушиваемся к тому, что происходит на верхней палубе. Примерно с полчаса оттуда ничего не слышно, и вообще все, в целом, как будто тихо-мирно.

Уже ощутимо устаю от напряжения, когда наверху вдруг раздаются ругань и плеск воды. Одновременно с Ратмиром мы вскидываемся, но я, чисто интуитивно, на секунду опережаю его готовность вмешаться:

— Эй, Ратмир! Сходи-ка посмотри, что там! А то мало ли.

Говорю с ним намеренно небрежно. Его передергивает.

Маленькие чёрные глазки на зашрамленном лице наливаются звериной злобой. Само собой, он не делает этого.

Шипит что-то в ответ, и я с тоской понимаю, что в какой-то момент мне все же придётся удерживать его здесь силой.

Уж очень не хочется испортить многообещающий видосик!

Ведь судя по звукам сверху, брат с сестрой подрались, или кто-то кого-то скинул в бассейн. Вода плещется, Тимур отчаянно и громко вскрикивает.

Ратмир, зарывав, бросается к ним по лесенке.

Метнувшись к нему, я хватаю его за ногу и, навалившись всем весом, рывком сбрасываю наши тела за борт.

От неожиданности Ратмир на секунду замирает, и мы оба тут же грузно уходим под воду. В этой бухте довольно глубоко.

Ожесточённая драка между нами начинается прямо под водой. Надо признать, вода немного уравнивает наши шансы.

Я бью, как могу сильно, то уворачиваясь, то нападая. Пару раз серьезно пропускаю, что приводит к тому, что Ратмир вцепляется мне в горло бульдожьей хваткой. Душит как насмерть.

Топлю ему коленями в живот, сбивая их о его сплошной мышечный корсет, чего он даже почти не чувствует. Целю в пах, единственное место без мышц у этой скалы, и Ратмир скрючивается, глотая воду, ослабляя хватку.

Еле вывернувшись из клинча, наношу ему удар по голове. Он уходит под воду, а я цепляюсь за гладкие борта яхты, чтобы взобраться на палубу.

Неожиданно он дёргает меня на себя, и я снова ныряю. Наша возня, к счастью, привлекает внимание со стороны.

Какие-то мужики с соседней яхты вылавливают нас и вытаскивают буквально как рыб, зацепив сеткой. Потому что иначе мы поначалу не соглашаемся.

Основательно помятый Ратмиром я, однако, не чувствую своих ссадин, упиваясь видом его истекающей кровью, разбитой о борт судна головы.

Хотя, уверен, что если бы не эти яхтенные соседи, рано или поздно он притопил бы

меня.

Какое-то время у нас всех уходит на то, чтобы успокоиться, и объясниться со случайными свидетелями сложившейся ситуации.

Ратмир в ярости оттого, что я так изрядно подпортил его фейс. Но он просто вынужден сдерживаться, потому что парни грозятся вызвать сюда полицейских.

Когда мы заверяем их, что шума больше не будет и перебираемся на яхту, Ратмир принимается угрожать мне. Я почти не слушаю его, думая только о том, что на яхте стало как-то подозрительно тихо.

— Заткнись ты уже, горилла. Давай лучше посмотрим, как они, — пытаюсь его унять.

Как раз в этот момент из нижней каюты к нам выбегает Катя. Бледная, испуганная, выглядит она неважно.

— Помогите! — трясет телефонным справочником, — вызовите скорую, я не понимаю, как это сделать! Ратмир...

— Успокойся. Что случилось? — хватает он ее за плечи, перебивая.

— Там, — бессильно указывает Катя куда-то наверх.

Мы несёмся на верхнюю палубу, она — за нами. Увиденное шокирует.

На дне бассейна, не двигаясь, лежит Тимур. Ратмир вытаскивает его за секунды, пока Катя, всхлипывая, сбивчиво объясняет мне, что не смогла самостоятельно вытащить брата.

Мы наблюдаем за тем, как Ратмир пытается вернуть шефа к жизни. Но проходит пять, а затем десять минут, однако на посеревшем лице Тимура не проглядывается никаких признаков жизни.

Все тщетно! Дыхания нет, сердце не бьется.

— Как это случилось? — не помню толком, кто из нас спросил об этом первым.

— Я не знаю. Мы поссорились, я толкнула его... не давала вылезть из бассейна... не поверила, что ему плохо! Потом, когда он начал захлёбываться и пошел ко дну... я пыталась его вытащить, но он был слишком тяжёлый! Я думала, он шутит..

— Почему же ему стало плохо?! Что ты с ним сделала?! — уточняет Ратмир в неподдельном отчаянии.

Я слушаю их, не вмешиваюсь.

— Говорю же, не знаю! Мы пили кофе, все было нормально. Потом он принял дозу, мы начали ссориться... все вышло случайно! — кричит она почти в истерике.

Видя, что Катя не в себе, пытаюсь как-то успокоить ее. Ратмир, взвалив на себя тело, спускается с ним на нижнюю палубу:

— Давайте! В больницу, срочно!

Катя бежит за ним.

— Мы с тобой! Или нет, стойте, — торможу их у самого выхода на трап, — у Тимура, скорее всего, был передоз. Давайте так... Он сам пошёл купаться, никто его не толкал. Если что. Запомнили?

Оба они застывают на пару мгновений, вслушиваясь.

— С ним мы общались, а ты спустилась в каюты, — продолжаю, кивнув на Ратмира.

Катя реагирует раньше него:

— О Господи! Даня прав.

Ратмир странно смотрит на меня, и во взгляде я вижу нечто похожее на недоверчивое уважение.

— Но как же ты не дала ему вылезть из бассейна?! — обращается он к ней, — как это

вообще возможно?

Катя снова начинает плакать.

— Он сказал, что ему плохо. Цеплялся за бортики руками. А я их ногой сталкивала... потом как-то быстро стал тонуть, и все! Я пыталась помочь, честно. Но боялась, думала, что он и меня утопит.

Замолкает. Недолго молчим.

— Ладно, езжайте! — торможу их, — яхту закрывать долго, я побуду здесь до вашего приезда. Или до приезда ментов.

От этих моих слов Катя вздрагивает.

— Он прав, не будем терять времени, — еще раз коротко взглянув на меня, говорит Ратмир, — поехали! Сначала в больницу, а потом и правда придется в полицию.

Он снова берет бездыханного Тимура на руки, и Катя покорно семенит за ним. Убедившись, что они уехали, я возвращаюсь на верхнюю палубу.

Никто никогда бы не подумал, что такое может произойти. Катя, разумеется, приложила руку к гибели своего брата, но я, возможно, больше.

И, если уж совсем по-честному, то это я виноват, что он сдох.

Скорее всего, транквилизаторы плохо сочетаются с наркотой, а то, что Тимур очутился в воде в таком состоянии и не смог из неё вылезти, просто роковое стечение обстоятельств.

Я не огорчен его смертью, наоборот. Но отчего-то мне очень хочется пойти сейчас в ближайший бар и выпить!

Кажется, я убил человека.

Нет, нельзя. Меня ведь тоже будут трясти местные полицаи.

Размышляя таким образом, я забираю телефон, даже не проверяя запись. Просто пересылаю ее себе на электронку, а в телефоне удаляю. Потом звоню Павлу с указанием немедленно отпустить мамашу, и залечь на дно.

Спускаюсь вниз, чтобы ждать. Тупое ожидание убивает, время как будто останавливается. Не выдержав его тягостно-медленного течения, через какое-то время я сам звоню Кате.

Она пребывает в шоке от случившегося, потому что медики уже подтвердили смерть. Я прислушиваюсь к себе, ожидая какого-то внутреннего ликования, но его нет. Наверное, я просто слишком истощен последними событиями.

Вскоре на яхту прибывают полицейские и эксперты-криминалисты. Коротко представившись, начинают свою работу. Ратмир с Катей, почерневшие от горя, неузнаваемые, возвращаются тоже.

А спустя еще несколько долгих часов допросов и расспросов, нас троих отпускают на все четыре стороны под подписку о невыезде. Тело Тимура отправляется на вскрытие в местный морг, яхту опечатывают до окончания следствия.

Я, Ратмир и Катя едем на арендованной Тимуром машине в ближайший отель.

— Дань, я никогда не забуду того, что ты для меня сделал! — говорит она горячо и пылко, не стесняясь присутствия притихшего, мрачного Ратмира, с которого смерть шефа вдруг сбила всю накопленную годами спесь, — я могла бы сесть в тюрьму, если бы не ты!

Это так.

Но я молчу в ответ, потому что понимаю степень своей вины и то, что какая-то темная часть меня сейчас все-равно неудержимо торжествует.

В том числе, от осознания того, что об этом человеке не очень-то горюет даже его

собственная сестра, так ловко избежавшая ответственности.

— Ратмир, ты остаешься в штате на том же положении, что и был. Начальником охраны, только теперь моей, конечно, — продолжает Катя, наконец, отлипнув от меня с изъявлениями вечной благодарности.

Тот по-прежнему угрюмо молчит. Едва кивнув, до самого отеля глядит только на дорогу.

Ближе к вечеру выясняется, что Малена Яковлевна нашлась. Катя как будто немножко стесняется радоваться при нас, но я, как и Ратмир, вижу в ее глазах это неконтролируемое счастье.

Теперь она снова с мамой, и к тому же единственная наследница, над которой больше ни в каком виде не довлеет Тимур Урусов.

Ещё через несколько дней местными правоохранителями точно устанавливается, что Тимур был наркоманом с многолетним стажем. На его теле не найдено никаких травм или повреждений, зато в крови обнаружена ядреная смесь из наркотиков, транквилизатора и алкоголя, которые он принял в тот день.

Его матери выдают свидетельство о смерти, и заключение о том, что смерть ее сына наступила в результате несчастного случая. Убитая горем, она напрочь забывает о случайном «фиджийском» любовнике.

Нас всех отпускают в Москву. Летим туда ближайшим рейсом.

Итак, Тимур остался на Фиджи. Строго говоря, его тело все-таки вернется для похорон на родину, но это меня уже не касается.

Мое место теперь дома, рядом с Тонечкой! Никто и ничто больше не отменит нашу свадьбу!

Тяжелый разговор

Антонина

Я увлечённо редактирую за компьютером одну из статей для газеты «Вечерняя столица», когда в ящичке моего теперь уже личного рабочего стола раздаётся звонок.

— Але, — беру, не глядя.

— Тонечка, привет! — слышу знакомый низкий голос с бархатным тембром.

Сердце предательски подпрыгивает в груди, мысли смешиваются.

Но я в ту же секунду мужественно одергиваю себя, вспоминая откровенные фотографии из сети, которые облетели все мало-мальски известные пишущие российские издания. И произношу спокойно, даже буднично:

— Привет, Дань.

Вот только как только начать с главного?

Впрочем, возможно он сам сейчас сообщит мне что-нибудь неприятное. Например, о том, что у них с Клаудиа все серьезно, и тогда мне не придётся мучительно подбирать слова, краснея и спотыкаясь на придуманных аргументах.

Пока я думаю об этом, Зимин весело выпаливает:

— Я в Москве, но уже готов выезжать к тебе. Кажется, все наши неприятности закончились.

Закончились, как же.

— Да? А как ты вообще? — глуповато интересуюсь, предчувствуя неминуемый взрыв.

Как могу, оттягиваю момент признания.

Быть смелой в мыслях легко, а вот заявить этому человеку о том, что мы расстаемся и теперь уже навсегда, не очень.

— Нормально, только ужасно соскучился, — реагирует, — лечу к тебе, собирай вещи! Диктуй адрес. Ты же в нашем городке, верно?

Решаюсь.

— Да, тебе туда, Данил, — отвечаю твёрдо, — я сейчас скину на этот номер телефон моего дяди Вани, твои деньги у него! Он только ждёт звонка, чтобы отдать.

В трубке повисает зловещее молчание.

— Не понял. А ты сама-то где? — уточняет он, — те деньги не мои, а наши! Нахрена мне дядя Ваня?

— Сейчас поймёшь, — я спокойно продолжаю, — Дань, прошу меня простить. Мы расстаемся, и на этот раз окончательно! Ты уже ничего не изменишь.

Он не отвечает.

— Так будет лучше для всех, пожалуйста, без подробностей. Твои деньги у дяди Вани, он в курсе всего, — терпеливо объясняю.

Тишина в трубке настораживает.

— Але?

— Я слушаю. Но лучше бы не слушал, — откликается Данил глухо, — ну, че ты там опять себе напридумывала?!

Теперь отмалчиваюсь я.

Надо быть совсем ненормальной, чтобы поверить, что после таких поцелуев, как на

фото, эти двое просто пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим виллам. Ну, или хотя бы по разным комнатам, на худой конец.

Нет. Данил изменил мне.

Видимо, для него это норма жизни, и теперь он ведет себя так, словно давно уже подзабыл об этом «маленьком инциденте».

— Дань, отстань от меня! Я не люблю тебя, — признаюсь устало.

Это вранье, но ведь он тоже врет мне.

Я слышу, как глубоко Данил вздыхает. Отвечает сухо, отрывисто:

— Ладно, это не телефонный разговор. Где ты? В Питере, что ли?!

— Неважно.

— Я не отстану от тебя, пока мы не поговорим. Ты же понимаешь, что я все равно узнаю, где ты?

— Давай поговорим сейчас, — с тревогой поглядываю на дверь.

К счастью, в этом маленьком кабинетике я работаю одна.

— Давай, — Данил тяжело дышит в трубку, — так что случилось?!

— Кое-что случилось, да, — медлю немного, — я видела те фото.

— Какие?

Он что, действительно не знает?

— Загугли имена, свое и Клаудиа! Найдешь интересную фотосессию.

— Ладно, щас, — охотно соглашается, — подожди.

— И перезвони... если захочешь, — подчеркиваю.

— Нет, повиси! — приказывает, — я уже смотрю.

Спустя короткую паузу, ругнувшись, усмехается.

— Тонь, я придушу тебя! Так меня напугать, — беспечно произносит, — ну, елки, мы поцеловались, да. Какой мудака выложил это в сеть?! А может, она сама?

Я напряженно вслушиваюсь в каждое его слово.

— Ты, правда, хочешь сказать, что не знал?! — изумляюсь.

— Нет. Мы удалим это.

— Ну, ты циничный, Данил! — охаю, не сдержавшись, — удалили, подчистили, и как будто не было?

Он моментально серьезнеет.

— Я виноват, прости меня, Тонечка, — шепчет покаянно, — я не должен был целовать ее! Но у нас ничего не было. Клянусь. Секса не было, — добавляет зачем-то.

Вспыхиваю.

Дверь в кабинет открывается, и ко мне так некстати заглядывает Ирина Владимировна, наша заместитель главного редактора.

— Перезвоню, — коротко сообщаю я Дане, прежде чем нажать на сброс. Прячу телефон в стол.

— Тоня, отвлекись, пожалуйста, — она озадаченно листает что-то в своем планшете, — Арине Петровне на сегодня, в полчетвертого нужен ассистент для интервью с Вячеславом Малежиком. Сразу после его концерта в Доме музыки, свяжись с ней!

Я с готовностью киваю, и придвигаю аппарат внутренней связи к себе поближе. Вячеслав Малежик это прямо крупная звезда для нашего скромного издания. Звоню коллеге.

Но что, если Данил обманывает меня, беспокоюсь, думаю я, обсуждая с ней детали предстоящей работы.

Что, если он разрушит мою жизнь и на этом новом прекрасном месте, а я ведь уже собралась поступать на заочное отделение журфака через какие-то считанные месяцы.

Вдруг у него снова возникнут проблемы, из-за которых он легко, без лишних объяснений выкинет меня из своей жизни, чтобы потом, когда это станет удобно, позвать к себе как собачонку?

Больше никогда, решаю я.

Хватит мне играть своей судьбой, словно она у меня не одна, а девять, как у кошки.

— На всякий случай, прихвати и ты диктофон, — говорит мне Арина Петровна, человек старой гвардии, которая никак не привыкнет к тому, что запасной диктофон имеется в любом смартфоне.

Нам всем здесь выдали миниатюрные служебные, действительно, очень удобные в работе.

— Конечно, — соглашаюсь я, — встречаемся с вами в вестибюле Дома музыки через сорок минут?

— Да, Тонечка.

Заканчиваю разговор с ней в паршивейшем настроении. Перезванивать Данилу Зимину не хочется, но понимаю, что этого не избежать.

Надо придумать способ вернуть ему деньги. И тут меня осеняет. Звоню.

— Дань, извини, отвлекли по работе, — говорю, когда он снимает трубку, — вышли мне номер своего счета, пожалуйста! Я переведу тебе эти деньги по безналу.

— Нет! — отрезает мрачно, — если хочешь вернуть, то только лично. Если нет, оставь себе.

Я замолкаю на мгновение, чтобы перевести дыхание.

— Прости, но личных встреч больше не будет.

— Тонь. Я не знаю, зачем ты это делаешь. Но это меня ранит, — произносит он тихо, — скажи, что сделать, чтобы ты поверила?! Я не согласен на расставание. Все, как хочешь себе! Но мы не расстаёмся. Можем поссориться, подраться, если хочешь. Но расстаться — нет.

— Это не от тебя зависит, — также тихо, без малейшей агрессии отзываюсь я.

— А от меня вообще что-нибудь зависит, в наших отношениях?! — рычит.

— Зависело. Раньше, — терпеливо объясняю, — просто успокойся, и прими как факт. По-другому бессмысленно.

— Просто? — недоверчиво хмыкает, и тут же добавляет пожёстче, — нет, Тоня, нет. Забудь об этом варианте!

— О каком ещё варианте? — удивляюсь я его наивности, — я тебе всё сказала! Пожалуйста, без истерик. Прощай. Будь счастлив.

Молчим немного.

— Тонечка...

— Да?

— Я хочу тебя.

Кладу трубку.

Неизбежность встречи

Данил

Рвёт на части. Всего через пару дней после обращения в одну мутную полукриминальную контору, специализирующуюся на поиске людей, я уже знал, где и чем занята Тоня.

Она в Москве, совсем близко, и от этого еще больнее!

Как один случайный поцелуй может перечеркнуть всё? В каком мире ты живешь, Тоня?

Я пытаюсь работать, пытаюсь не думать. Сосредоточенно возвращаю себя к нормальному ритму жизни. Но — ни хрена.

Мне больше ничего не интересно.

Ненавижу это.

Зачем мы вообще встретились?!

Антонина, зараза, все еще Брежнева, как живой противовес всей моей запредельной удаче и радости от творчества. Она просто заземляет, уничтожает их, и сводит к нулю даже меня самого.

Ее нет, и на пустых листах бумаги, которые я кручу перед собой на столе вот уже пару часов как, ничего нет тоже. Стоп.

Бросаю бесполезные бумагу и ручку в мусорку, скрутив и поломав ни в чем не повинные канцелярские предметы. От этих грустных мыслей меня всего скручивает и ломает тоже.

Раскroшив очередной карандаш, в какой-то момент успокаиваюсь.

Только когда становится ясным окончательно, что просто так снова стать нормальным и жить как прежде, не получится.

Решение созревает быстро, и привносит в мою душу удивительное облегчение. Вмиг ощутив приятную бодрость в теле, я вскакиваю со своего места и шокирую парней из звукозаписывающей студии тем, что бросаю их прямо посреди рабочего, абсолютно бесплодного для меня процесса.

Говорю, что запись нового сингла откладывается на неопределенное время. И хотя сингл обещает стать очередным хитом, это подождет.

Тоня хочет карьеры в Москве?!

Будет ей карьера. Такая как надо, я подмогну. Более того! Буду теперь работать на ее карьере исключительно.

До тех пор, пока один из нас не захочет остановить это.

Антонина

Когда на моем рабочем столе неожиданно пиликает аппарат внутренней связи, и я вижу номер абонента, то на секунду замираю, поперхнувшись кофе. Вызов от нашей «самой главной», которая никому и никогда не звонит лично! Только через секретаря.

Уж не ошиблась ли она, часом?

Хватаю трубку:

— Да, Кора Валерьевна?

— Тоня. Будьте добры, зайдите ко мне. Это срочно, — лаконично произносит и отключается, не успеваю я даже пискнуть в ответ, что уже бегу.

Ситуация какая-то из ряда вон.

Задания мне обычно дает ее замглавред, Ирина Владимировна, а я-то даже на их ежедневные «летучки» не хожу. Удерживая объемный блокнот с ручкой под мышкой, торопливо закрываю за собой дверь кабинета на ключ, потому что работаю в нем одна.

Иду в приемную. Секретарь Валентина Сергеевна смотрит на меня приветливо, и даже с каким-то очевидным одобрением приглашает зайти в кабинет к шефине. По-видимому, там меня с нетерпением ждут.

Просторное, светлое и лишь самую малость претенциозное в обстановке помещение этого красивого овального кабинета говорит о хорошем вкусе его владелицы.

Как Валентина Сергеевна, она улыбается мне тоже, отчего я чуть-чуть расслабляюсь. Однако в воздухе витает что-то необычное, так выбивающееся из привычной спокойной и даже скучной рабочей обстановки.

— Здравствуйте. Вызывали? — робко интересуюсь я.

— Тонечка, — начинает она довольно мило. И тут же огорошивает вопросом, — вы, конечно, знаете певца ZIMMA, Данила Зимина?

Я вмиг настораживаюсь, холодея.

Сердце в груди начинает биться быстро, почти болезненно.

— Да.

— Что, лично?! — уточняет она зачем-то с удивлением, и я вынужденно киваю в ответ, не в силах больше вымолвить ни слова.

К счастью, это и не требуется.

Просияв, шефиня выдаёт мне о нём целую тираду, из которой, ввиду своего крайнего волнения, я вычлению только самое важное: всемирно известная американская компания «Netflix» планирует съемку загадочного пока для всех документального фильма. Куда, в числе прочих, приглашен Зимин. Правда, еще не совсем ясно, в каком качестве.

— Его команда сделала по этому поводу пресс-релиз! — продолжает охваченная азартом Кора Валерьевна, — и тут внимание, Антонина.

Она выдерживает паузу, отчего я невольно ощущаю головокружение.

— Сразу после его представитель связался с нами, четко дав понять, что ZIMMA эксклюзивно прокомментирует свое сотрудничество с «Netflix» только одному изданию! А именно «Вечерней столице», и только сотруднице Антонине Брежневой, — победоносно заключает.

Глаза ее торжествующе сверкают, но она пристально наблюдает и за моей реакцией.

Совершенно ошарашенная, я просто молчу какое-то время.

— Ну же, признайтесь, не скрывайте, Антонина Сергеевна, — интимно понижает шефиня тон, разговаривая со мной сейчас почти как со своей подружкой, — откуда вдруг такая сенсация?! Насколько близко вы знакомы?

Я чувствую, как кровь приливает к моим щекам от таких личных вопросов, шефиня же продолжает, как ни в чем не бывало:

— Вижу, мы не зря сделали ставку на вас, приняв в штат! Если так пойдет и дальше, то со временем вы сможете сделать в «Вечерней столице» прямо-таки головокружительную карьеру.

Вымученно улыбаюсь в ответ, решившись на нейтральное:

— Мы с ним действительно хорошо знакомы. Я когда-то преподавала в школе-интернате, где Данил Зимин учился.

Мой ответ ее более чем удовлетворяет. Теперь она смотрит так, что я понимаю — у

меня нет ни малейшего, даже призрачного шанса избежать этого «эксклюзивного» интервью.

Избежать диалога с человеком, с которым я не готова встретиться даже на минуту.

«Кобра» немедленно дает мне довольно жесткие наставления о том, что ждет уникального не только по сути, но и по форме подачи материала.

— Итак. Мы делаем красивый анонс в этом номере на следующий, а вы готовьтесь, готовьтесь и еще раз готовьтесь! — заключает в окончание нашей беседы, — может быть, это будет самое главное интервью в вашей жизни. Но конечно, я желаю вам такого удачного старта для не менее интересной последующей карьеры...

Она говорит и еще что-то, пока я пытаюсь окончательно примириться с неизбежным. Наконец, поручает достать контакт Данила Зимина через его менеджера сегодня же, и отпускает с миром.

На эмоциях я удалила его номер, но это вообще не проблема.

Стоит зайти в одну из популярных соцсетей, и назваться в директ с просьбой о его номере, как мне его тут же дают. Уж не знаю, кто именно, но это и неважно.

Выдохнув, звоню Зимину. Не откладывая.

— Привет, это Тоня Брежнева, — я стараюсь говорить спокойно, — а что еще за игры с интервью, Данил? Ты узнал, где я работаю?!

— Привет, угадала, — усмехается он в трубку, явно довольный моим звонком, — только игры здесь не причем! Я не играю с тобой. А ты?

— Как тебе не стыдно?!

— Мне стыдно только за поцелуй, который ничего не значил. А тебе не было стыдно бросать меня, почти мужа по телефону?!

Игнорирую вопрос.

— Дань, ты что, в самом деле, заключил контракт на участие в фильме «Нэтфликс»?

— А тебе нужен эксклюзив? Тогда до встречи. Сегодня вечером, адрес жди в смс.

Молчу в ответ, мучительно соображая. Как уже вечером?! К интервью ведь нужно подготовиться.

— Так придеешь? — уточняет требовательно.

— Да, приду, — отвечаю я, помявшись, — но это не фейк, мы точно сделаем нормальное интервью?

Смеется.

— Карьеристка, — произносит почти нежно, а у меня озноб по коже от этих бархатных интонаций в его голосе, — все подробности вечером. Будет тебе интервью, как надо!

Недолго молчим.

— Только никаких сопровождающих, — добавляет угрожающе-вкрадчиво, — кроме тебя консьерж ко мне никого не пропустит, ясно?

Пугаюсь. Консьерж?

Я никак не рассчитывала на подобное, разумеется.

— А где ты хочешь встретиться? И почему такое странное условие?!

— Тонь, я все сказал. Встретимся в моей квартире на Тверской, мне так удобнее! — отвечает этот гад безапелляционно, и я чувствую, как у меня начинает гореть лицо.

— Могу заехать за тобой на работу, хочешь? — добавляет.

— Не хочу! — бросаю ему в сердцах, понимая, что не поеду с ним ни в какую квартиру, — почему именно сегодня? Давай через пару дней, мне нужно подготовиться...

— Через пару дней я, возможно, буду уже не в Москве, — перебивает, — так что сегодня! Если что-то не успеем, то... продолжим завтра. Не волнуйся.

Это звучит так интимно, что я ощущаю полнейшую растерянность. И просто не понимаю, как мне продолжать вести с ним диалог.

Придется давить на жалость.

— Хорошо, — делаю вид, что соглашаюсь, — сегодня! Но только не в квартире. Предлагаю в твоём офисе или в моём кабинете, если хочешь, да хоть даже в ресторане каком-нибудь!

— Нет, — следует спокойный ответ, — и я заеду за тобой через час. Думаю, на это интервью тебя отпустят.

— Данечка, ну пожалуйста, — тихо прошу, — сегодня я очень устала. Давай я сварю кофе и проведем интервью здесь?

Он вздыхает.

— Через час спускайся на парковку «Вечерней столицы», поедem ко мне. Да не съем я тебя, не бойся! Пока, — отключается.

Пытаюсь реально прикинуть свои шансы с учётом обстоятельств: дьявольского обаяния Зимина и того, как долго мы не виделись.

Решив, что рисковать все же не стоит, пишу ему: «До встречи. Только не у тебя дома, договорились?».

«Договорились», без пауз прилетает ответ, и я радуюсь как дитя своей пусть маленькой, но победе.

Ошибка

Антонина

Позволить ZIMMA заехать за мной сегодня, и вообще втянуть в авантюру с интервью было ошибкой — я понимаю это сразу, как только сажусь в его машину.

Улыбаясь, Данил распахивает передо мной медвежьих объятий, а я как-то машинально приобнимаю его в ответ, стараясь не дышать при этом. Потому что пахнет, и выглядит он идеально до возмутительного.

Тот факт, что эдак он хотел произвести на меня впечатление, не оставляет во мне ни тени сомнения.

Правда, сейчас мы выглядим как принц с Золушкой, которые случайно где-то пересеклись и вдруг решили прокатиться.

Злюсь. Хотя, в общем и целом я в порядке, если не считать моей невзрачной повседневной одежды, разумеется.

Впрочем, не всё ли равно?

— Мы едем не домой! — предупреждает мой вопрос Зимин с такой довольной физиономией, что я моментально настораживаюсь.

— Не к тебе домой, — поправляю его автоматически, но вздыхаю с облегчением, — это приятно. То, что ты прислушиваешься и к другим людям!

— К другим людям, — передразнивает он меня, усмехаясь, — ну, не так уж и часто, на самом деле! Но к тебе к тебе да, — добавляет уже серьезнее.

Его авто уверенно дрейфует запутанными улочками центра города на довольно приличной скорости, отчего я порой с беспокойством вжимаюсь в кресло. Хотя, водит он хорошо, волноваться мне не о чем.

Волноваться нужно о другом.

— И куда же мы едем?! — уточняю.

— Увидишь.

Я замолкаю на некоторое время, наблюдая за ним исподтишка, что он тут же неверно истолковывает:

— Соскучилась?

Заинтересованно ловит мой взгляд, но я только хмыкаю, перенося все свое внимание на дорогу.

— Просто нравится, как ты водишь, — вру, конечно. Зимин гоняет как сумасшедший, — кстати, а что там с «Нэтфликс»? Можешь уже начинать рассказывать мне подробности.

— Почему кстати? — улыбается, — Тонь, всему свое время. Приехали!

Паркуется, и мы выходим. Я делаю это раньше него, чтобы он не открыл мне дверь. Не ухаживал, не проявлял галантность и не делал прочей чуши, которая теперь кажется мне неуместной.

Мы друзья, и только. Хотя нет, даже друзья это звучит слишком сильно в нашей ситуации. Приятели? Улыбаюсь своим мыслям.

Данил ненормальный, ненадежный, убеждаю я себя, слушая его ненавязчивую болтовню, пока он ведёт меня куда-то.

И натурально обалдеваю, когда мы оказываемся в холле какого-то элитного банного

комплекса!

Не успеваю я опомниться, как приветливая дама с рецепции уже протягивает ему электронную карту-ключ, поздоровавшись с нами.

— Ты с ума, что ли, сошёл? — начинаю, но Данил вполне в своем стиле тащит меня за руку дальше.

— А зачем нам ресторан, где все будут пялиться на нас весь вечер? — спрашивает удивленно, как будто я предлагала ему только такой вариант исключительно, — ты же не захотела дома? Здесь нам никто не помешает, но мы будем среди людей! Отличное место.

Иду дальше, увлекаемая им, однако что-то никаких людей здесь не вижу.

— Где люди, Данил?! — сердито интересуюсь, когда мы минуем красивый пустынный коридор с лестницей и заходим в похожее на отельный номер помещение.

— Да везде, — Данил делает неопределённый жест рукой, — за этими стенами. Люди приходят сюда попариться, и для удобства заказывают отдельные апартаменты.

— Попариться?

Он издевается, должно быть.

— Ну да, что может быть лучше в такую холодину, после напряжённого рабочего дня, и я подумал...

Не дослушав, о чем именно он подумал, быстро обхожу «апартаменты», в которых нахожу бассейн, джакузи, натопленную парную с душевой и спальню.

Однако апогеем моих поисков становится даже не спальня, а комната вроде столовой со столом, уже накрытым к ужину.

Почувствовав себя нехорошо, возвращаюсь к Зимину.

Он с радостным видом протягивает мне халат, полотенце и одноразовые тапочки. Задыхаясь от возмущения, я думаю только о том, а не вызвать ли мне такси прямо сейчас.

— Да что с тобой? — удивляется он, заметив, наконец, мою реакцию, — я же вроде не набрасываюсь на тебя! Ты хотела меня разговорить, верно? Помнишь, как в сказках, сначала накорми, баню растопи...

Делает паузу, не договорив.

— В общем, расслабляйся! — заключает, — покушаем, попаримся и поговорим в спокойной обстановке.

— И спать уложи, да?! — скептическим тоном я довожу до логического завершения его гениальный пример того, как нужно общаться с «добрым молодцем».

Сую ему обратно в руки тапки с халатом, попутно пытаюсь вернуть свою куртку, которую он уже успел с меня снять. Держит крепко.

— Мы не в сказке, Зимин! — упорно тяну куртку из его рук, — скорее, в хорроре. Отдай, пожалуйста.

Смеётся.

— Главное, что не в порно, да? Ладно, извини, я пошутил, — делает вид, что раскаивается, но по-прежнему удерживает мою куртку в заложниках.

Впрочем, я могу уйти и без куртки.

— Ты еще не понял, да? Не собираюсь я с тобой париться и расслабляться, — заявляю ему твердо, — так мы точно не договаривались. У меня и купальника-то нет!

— А здесь есть одноразовое белье, — метнувшись к шкафу, он торжествующе трясёт передо мной пакетом с прозрачными трусами.

Багровею.

— Данил. Ты всерьёз думаешь, что я надену вот это, — выразительно гляжу на пакет, — и буду расслабляться с тобой в сауне?!

Я просто не верю.

Разворачиваюсь на выход без куртки, но он обгоняет меня, преградив путь. Отодвинув его, в панике, я дергаю ручку закрытой изнутри двери.

Маньяк!

— Ты можешь попариться и в полотенечке, — просит умоляюще, — Тонь, ну, ты нашла, из-за чего ссориться. Пожалуйста, не уходи! Я уже видел тебя голой, что в этом вообще такого страшного?! Я очень есть хочу. Давай хотя бы поужинаем?

Глядит серьезно, и даже отступает от меня на шаг.

— Просто поужинаем, и все!

Раздумываю. Вздыхаю.

— Ладно! Но говорить будем только о работе, — сдаюсь, — и никаких парилок и одноразовых трусов, естественно.

Я вижу, как весело он прищуривается, но, поколебавшись, так и не решается пошутить на эту тему.

— Останусь в своей одежде, — отрезаю, отправляясь в так называемую комнату-столовую первой.

Данил, молча, вешает мою курточку в шкаф для одежды, и идёт за мной. Там моем руки, присаживаемся и оба с аппетитом принимаемся за ужин.

Обдумывая, с чего начать детальное обсуждение его «сенсации», я замечаю шампанское в ведёрке со льдом. По счастью, Даня не видит эту бутылку, разливая нам по чашкам вкусный брусничный морс из графина.

Охотно рассказывает сам:

— Знаешь, у меня есть две версии истории того, как я попал в «Нэтфликс»! Первая не для прессы, — бросает короткий, внимательный взгляд мне в глаза, и с удовольствием принимается за большое мясное блюдо, по виду напоминающее карпаччо с овощами.

— А о второй я могу говорить долго, — набивает полный рот и не спеша прожевывает, не отрывая от меня взгляда.

Кивнув, я тоже наслаждаюсь ужином.

— Спасибо, Дань, все очень вкусно! Не волнуйся, я не напишу ничего лишнего, — отзываюсь.

Некоторое время едим молча. Потом он говорит, отложив вилку:

— Давай тогда начну с неофициальной. Только извини, я разденусь, а то здесь жарковато, ладно?

Не спешу соглашаться, но Данил уходит в соседнюю комнату.

Помещение, в котором мы едим, примыкает к натопленной парной, поэтому здесь действительно довольно жарко.

Слегка разморенная после сытного ужина, я уже всерьёз прикидываю, что могла бы с себя снять, однако приходится оставаться в свитере. Потому что под ним на мне только полупрозрачные майка с бюстгальтером. Брюки снять тоже не вариант.

Видимо, париться всё-таки придётся. В своей теплой одежде.

Данил входит в комнату, и от этого становится ещё жарче! Он голый, если не считать обернутого вокруг его бедер полотенца. Покраснев, я быстро отвожу взгляд от красивого рельефного тела с идеально плоским животом.

Он делает это нарочно, я уверена!

Но не на ту напал. Одного лишь рельефного тела мало, чтобы соблазнить меня.

Вытираю со лба выступившую испарину — влажность воздуха зашкаливает.

Данил протягивает мне белый махровый халат.

— Смотри, какой толстый, и длинный! — троллит меня. Добавляет после паузы, — вообще нигде не просвечивается. Просто переоденься, нам еще чай предстоит с пирожными, так правда комфортнее.

Никак не комментирую.

Просто туплю, решаясь переодеться в халат, в самом-то деле.

— А если хочешь в душ, — ласково продолжает этот искуситель, поглядывая на меня, — не стесняйся. Я не буду подглядывать, честно!

— Дань, можно как-нибудь без этой пошлятины? — отзываюсь сварливо.

Ну, уж нет. Меня не проймешь его нежным воркующим голоском, или всякими там пикаперскими штучками.

Со вздохом, я поднимаюсь с места. Под пристальным взглядом Зимины обреченно собираю комплект из халата, полотенца и тапочек.

Мы ведь ещё даже не начинали говорить по-настоящему! Поэтому будет разумным быстренько ополоснуться и переодеться. Если я просижу тут жаркой и распаренной достаточно долго, то выйду из бани на собачий холод улицы со стопроцентным риском простудиться.

— Конечно, ты не будешь подглядывать, — уверенно добавляю, — по многим причинам! Но самая главная, ты ведь знаешь, зачем я здесь.

Данил мрачнеет, но ненадолго.

— Ты права, — кивает без лишних ужимок, — у меня в голове одна сплошная пошлятина. Создаю романтику, как умею, пусть и неуклюже очень! Даже с учетом того, что я знаю, зачем ты здесь.

Нахмуривается и замолкает, не забывая следить за моей реакцией. Только я верю его насупленному виду не больше, чем нерадивому актеру Станиславский!

Подозревая об этом, Даня все же упорно продолжает гнуть свою линию.

— Именно поэтому я так старался воткнуться в этот гребаный «Нэтфликс»! Только чтобы у нас был повод встретиться, — выдает.

Я намеренно игнорирую его признание:

— Да, и чем же этот «Нэтфликс» гребаный, интересно?! Многие мечтают там оказаться.

Он не отвечает.

А я ведь знала это, почти наверняка.

Но до чего же примитивный сценарий! Победитель и побежденная — старые роли, от которых уже тошнит.

Ясно одно. Если я не буду изображать из себя трепетную лань, то и никакого охотника здесь не встречу. В том числе, в душе.

— Ладно, я в душ! Запомни, на чем мы остановились, — сухо сообщаю ему, и ухожу.

Оставляю его обуздывать собственные страсти, мальчику давно пора взрослеть.

Видимо, роль равнодушной черствой особы удастся мне неплохо, потому что, уходя, я успеваю заметить опасный блеск наглючих серых глаз.

Однако в душевой кураж понемногу отпускает меня, стоит только раздеться и встать

под теплую струю воды. Страшно спешу.

Сохранять независимый вид, будучи голой, это уже совсем другой, недоступный для меня уровень, если вдруг Данил захочет присоединиться.

Кое-как ополоснувшись, заворачиваюсь в большое банное полотенце. Вытираюсь и надеваю халат, завязав узел пояса на талии потуже. Белье я, конечно, надеваю тоже, а остальную одежду просто аккуратно складываю стопочкой.

Возвращаюсь в комнату, на ходу скручивая и поднимая наверх непослушные волосы. Бросаю придирчивый взгляд на себя в зеркало.

Увиденное мне нравится — небрежная «греческая» прическа, горящий взгляд и порозовевшее лицо почти без косметики делают меня похожей на юную красотку.

Улыбаюсь, когда Данил неожиданно подходит ко мне сзади и обнимает, отчего я замираю. Смотрит с восхищением. Молча, протягивает бокал шампанского.

— У нас не свидание! — резковато напоминаю ему, выскальзывая из приятного до дрожи объятия. На шампанское даже не смотрю.

Он легко отпускает меня.

— Режешь без ножа, — смеется, заметив, как быстро я растерялась от его действий.

Данил, в отличие от меня, уже выглядит вполне справившимся с собой. В нем нет больше той тоски и открытости, которые так тронули и почти обезоружили меня, пусть на мгновение.

— А я выпью! — заявляет.

Пьет шампанское.

— Как хочешь. Взрослый мальчик, — не удерживаюсь я от комментария.

— А что тебя беспокоит? — удивляется.

— Ты же за рулём.

Наконец, перестаю глазеть на него, вспоминая о цели визита сюда.

Надо признать, здешняя банная обстановка здорово расслабляет. Даня верно сделал ставку на это место, если и вправду думал меня соблазнить.

Немного сдвигаю тарелки.

— Надеюсь, ты не против? — спрашиваю, устанавливая на столе рабочий диктофон. В ответ он грустно хмыкает.

— Не против. Один бокальчик вина мне никак не повредит!

Залпом допивает шампанское и пересаживается ко мне поближе.

— Вкусно, — заключает, вертя пустой бокал в руках.

Я как можно более незаметно отодвигаюсь подальше.

Непонятно, о чем он думает сейчас. Стараюсь не смотреть ему в глаза, и хочу быть приветливой с ним, но не слишком.

— Итак, Данил, — начинаю, устроившись поудобнее с телефоном в руках, где у меня хранятся кое-какие заметки для этой беседы, — у меня все готово для того, чтобы очень подробно тебя порасспрашивать. Но где же обещанные пирожные?

Мне кажется, он радуется моей инициативе, потому что заметно оживляется. С готовностью встает, и вынимает из встроенного в кухонную стенку холодильника коробку.

Улыбаясь мне, гремит посудой, расставляя чашки и блюдца из маленького навесного шкафчика. Споласкивает их чистой водой.

Открывает коробку.

— Поможешь?

— Конечно, — я вскакиваю с места, и принимаюсь хлопотать рядышком. Включаю электрический чайник.

Близость Дани дезориентирует, путает мысли. Пытаюсь держаться от него на безопасном расстоянии. Неловко спрашиваю, только чтобы прервать неожиданно наступившую тишину:

— И что же это за фильм планируется, интересный?

— Да, — тянет, и я решаюсь искоса взглянуть на него.

— Как я уже говорил, сам туда напросился! Но это не для прессы, — подчеркивает, наклоняясь ко мне поближе.

Я восхищенно смотрю на разнообразнейшее ассорти из пирожных в коробке ровно до того момента, пока не начинаю ощущать на своей шее теплое дыхание. По телу вспархивают бабочки, нет, не бабочки, скорее, монстры какие-то, судя по размерам.

— Того поцелуя в сети больше нет! — меняет Данил тему, дыша мне в затылок, — нет нигде...

За секунду все бросив и не глядя на него, я возвращаюсь к столу.

— Дань, мне всё равно! — перебиваю, — давай ближе к делу. Расскажи мне про «Нэтфликс», пожалуйста. Что за фильм? — повторяюсь.

Его наверняка передергивает от моего хамства, но холодность с ним сейчас — лучшее оружие.

— Ладно, — спокойно реагирует.

Я даже испытываю некие угрызения совести, впрочем, быстро отмахиваюсь от этого ощущения.

— Документальный. На тему сиротства в странах постсоветского пространства, — Даня, как заправская хозяйка, красиво раскладывает пирожные на большой тарелке, очевидно больше не ожидая от меня помощи.

— Конечно, мне придётся рассказать не самые приятные вещи на эту тему, и подробно. Такой пункт есть в контракте. Кстати, могу дать почитать контракт! Не знаю, что мне за это прилетит откуда-нибудь сверху, надеюсь, что ничего. Хотя, особо не волнует.

Болтая, он ловко разливает нам по чашкам чай.

Я внимаю ему, затаив дыхание и стараясь не упустить деталей.

Даня перечисляет еще какие-то факты о фильме, называет фамилии режиссера и прочих, задействованных в нем людей. Некоторые из них довольно знакомы широкой публике.

— А гонорар тебе предполагается? — не удерживаюсь от журналистского любопытства.

Данил утвердительно кивает с хитрой улыбочкой.

— Надеюсь, мировая известность! — шутит.

Переносит на стол все это сладкое великолепие. Наверное, странно, но ни мне, не ему больше не хочется чаю с пирожными. Потому что, сидя друг напротив друга, мы долго еще болтаем на тему этого удивительного проекта, так ни к чему не притронувшись.

Наконец, когда чай в чашках остывает окончательно, мои вопросы к Дане иссякают тоже. Удовлетворенная, я выключаю диктофон, и откидываюсь на мягкую спинку стула. В голове уже крутится план работы, как сделать этот материал еще круче.

Хорошо бы еще раздобыть несколько фотографий со съемок!

Пытаюсь договориться, и Даня легко соглашается узнать в «Нэтфликс», можно ли. Процесс съемок обычно засекречен, тем более, в кинокомпании такого уровня.

По окончании нашего разговора меня всю так и распирает от чувства искренней благодарности к нему. Я понимаю, Кобра права — Даня подбросил «Вечерней столице» настоящую информационную бомбу. Рейтинги еженедельника поднимутся до небес, пусть даже на какое-то короткое время.

— Данечка, спасибо! — на радостях, я берусь за шампанское вместо чая, — за такое интервью стоит выпить.

Делаю глоток, и мы замолкаем. Прекрасный напиток цвета светлого янтаря прокладывает горячую дорожку от моего горла к желудку.

Данил почему-то выглядит взволнованным. Касается моей руки, лежащей на столе, накрывает пальцы обжигающе-горячими своими.

От жары и от шампанского сердце у меня в груди колотится быстро-быстро, как у зайца. Щеки предательски заливаются краской от того, что, кажется, он задерживает взгляд на моих губах дольше приличного.

— Но это не все, что я хотел бы тебе рассказать! — произносит глухо, — если бы ты только знала, в какой переплет я попал тогда, когда мы с тобой решили пожениться.

Не сказав ничего в ответ, молчу, а он также молча пересаживается ко мне.

Отнимаю у него свои руки, пытаюсь отодвинуться, но мною вдруг овладевает странное оцепенение. Отодвигаться никуда не хочется.

Данил не набрасывается на мои губы, а застывает всего в паре сантиметров от моего лица, как будто ожидает разрешения, или дает возможность оттолкнуть его.

Но желание обнять Даню, до сих пор дремавшее во мне, неожиданно пробуждается. Заявляет о себе сильно и мощно, так мощно, что я теряюсь.

Низ живота приятно скручивает в предвкушении, и в этот момент я чувствую себя просто соломинкой, подхваченной неумолимым водоворотом течения. Ненормальное, минутное умопомрачение полностью овладевает мной.

Ладно, только один поцелуй! Всего один, позволяю себе я мысленно, и также жадно тянусь к Данилу, как и он ко мне.

Без вариантов

Антонина

Наши мысли и чувства переплетаются. Данил голодно впивается в мои губы. Его ладони прожигают сквозь ткань халата, но длится это недолго.

Потому что дальше он беззастенчиво запускает руки под халат. Нащупав белье, вздыхает от разочарования. Развязывает пояс, не встретив с моей стороны хоть сколько-нибудь серьезного сопротивления.

Он не лопочет о любви, и даже не пытается скрыть то, чего хочет. Но, вопреки всякому здравому смыслу, это только заводит и распаляет меня.

Даня действует с мягким напором, противостоять которому не представляется возможным. Впитывает каждую мою реакцию.

Ну ладно, еще поцелуй.

Лучше парочку.

Скользящие прикосновения сводят с ума. Он гладит и целует меня, нашептывая что-то очень нежное.

Я вслушиваюсь и таю, рассыпаясь в его руках на миллион снежинок вместо того, чтобы внять, наконец, голосу разума. Отлепиться от Дани. Встать. Сделать хоть что-нибудь разумное!

Безуспешно. Горячие пальцы уже всюду блуждают по моему телу, и мне это дико нравится.

Мысль о собственной податливости в какой-то момент повергает в панику, но я просто продолжаю плыть по течению. Лишь покрепче сжимаю ноги, чтобы не дать ему зайти слишком далеко.

Как могу, пытаюсь унять неуместный трепет. Не дрожать, не отвечать, не дышать слишком часто.

Цепляюсь за свой халат как за последний форпост перед лицом окончательной капитуляции. Однако томительное ожидание разрастается во мне все больше, давит и обвивает изнутри.

Как под гипнозом, я вглядываюсь в потемневшие глаза Данила, лишаясь последних жалких остатков самообладания. Сходя с ума от внутренней борьбы с самой собой, я сгораю и шиплю в его объятиях.

И вдруг отчетливо понимаю, что проиграла.

Зачем вообще останавливаться?!

Разве мы делаем что-то запретное, или обязаны хранить кому-то верность? В конце концов, это всего лишь секс.

Пугаюсь собственных мыслей, чувствуя себя порочной женщиной. Безвольной, к тому же. А, и пусть!

От предвкушения своего согласия жар под кожей вспыхивает как солнце. Но, не будучи в силах справиться с волнением, шепчу Дане первое, что приходит в голову про не сейчас и не здесь.

Однако получается только хуже, потому что он охотно перемещает нас в спальню в считанные секунды.

Придавая пикантности ситуации, не включает там свет.

Технично укладывает меня в постели на лопатки, позволяя удерживать истерзанный халатик, который больше ему никак не мешает.

Несмотря на острое возбуждение, улыбаюсь его находчивости. Сам-то он давно обнажен — набедренное полотенце утеряно где-то по пути сюда.

Даня чувствует меня, как талантливый смычок скрипку, и немного манипулирует этим. Я все равно еще держусь какое-то время.

Наконец, вздохнув и покрываясь лавиной мурашек от его молчаливой настойчивости, отпускаю себя.

Перестаю контролировать Даню. С моих губ срывается стон, который немедленно подстегивает его на большее. Напряжение между нами нарастает.

Да, все так! Данил Зимин не подходит для серьезных отношений, но уж очень хорош в постели для своего возраста. Хотя, чему я удивляюсь.

Он не изменится.

Но сейчас — я скажу ему да.

С трудом отрываюсь от Дани, только чтобы выдохнуть одно-единственное слово: «презерватив». Замечаю, как в его глазах мелькает сомнение, но нежелание спорить со мной, видимо, перевешивает.

— Сейчас будет! — по-солдатски коротко отзывается он, и спрыгивает с кровати.

Исчезает в проеме двери. Оставшись одна, я тут же начинаю неловко шарить в темноте в поисках халата, опасаясь только одного. Передумать.

С моих глаз будто спадает пелена, но тут Даня возвращается. На ходу стаскивает с себя штаны и футболку.

Запрыгивает ко мне, и волна беспокойства пополам с бурлящим в крови адреналином захлестывает меня с новой силой.

— Не нашел? — уточняю у него, краснея.

— Нашел, — хрипло шепчет он в ответ.

Нападает вновь с объятиями и поцелуями. Подергавшись под ним с минуту, я больше не терзаюсь сомнениями.

Действуя, словно одержимый, Даня натягивает резину и врывается в меня. Резко втягиваю носом воздух и даже закусываю губу, чтобы не вскрикнуть от удовольствия.

Но то, что он вытворяет с моим чувствительным телом, просто уму непостижимо. Это магия, не иначе.

Мы совпадаем как кусочки мозаики, и наши сердца сейчас бьются в унисон. Я повторяю за ним каждую ласку, каждое движение, и вскоре Данилу становится сложно.

Он делает все от него зависящее, чтобы тело мое напрягалось и вытягивалось струной от наслаждения. В какой-то очень сладкий миг я совсем перестаю что-либо контролировать. Острая пульсация внутри взрывает меня в пыль до полуобморока.

Даня, конечно, ощущает это и больше не сдерживает себя тоже.

Блаженная дрожь в наших телах сменяется приятным теплом, к которому затем добавляется и отличное настроение. Гормоны счастья эндорфины бушуют в нас обоих на полную.

И боль последних месяцев куда-то улетучивается.

Никакие слова не нужны. Мы просто лежим, крепко обнявшись, и есть в этой неге расслабленных тел что-то невообразимо прекрасное.

Я чувствую себя, в хорошем смысле, обнулившейся. Даня смотрит на меня таким влюбленным взглядом, что все переворачивается внутри.

Сейчас даже напитанный теплым банным духом полумрак кажется мне волшебным. Неожиданно утомленные, оба проваливаемся в сладкую дремоту.

Вздрыгнув, я выпутываюсь из нее словно из паутины, первой.

Сон Данила крепче моего. Стараясь не шуметь, я осторожно сдвигаюсь в сторону и откатываюсь к краю кровати. Встаю, засмотревшись на него.

В неглубоком сне его лицо спокойно и безмятежно, на губах играет счастливая полуулыбка. Наверняка уже не сомневается в том, что я никуда не денусь.

Приму таким, каков он есть — с легким отношением к жизни, поклонницами и случайными изменами.

Задыхаюсь от этого предположения. Флер животных страстей окончательно рассеивается, и тогда я понимаю, что нет, ни черта во мне не обнулилось!

Все самообман, и не более.

Решаю не тратить время на поиски халата. На цыпочках выхожу из спальни, прислушиваясь к чужому размеренному дыханию. Как есть голая, пересекаю длинную прихожую.

По заведенной журналистской привычке в моей сумочке всегда имеются ручка и бумага. Выдрав из блокнота лист, я торопливо набрасываю сухие, лишённые каких-либо эмоций строки: «Спасибо за интервью. Фото можешь выслать на электронку редакции. Напоминаю, что твои деньги у Ивана Викторовича, пожалуйста, забери их. Удачи».

Ниже пишу электронный адрес редакции, и номер телефона дяди Вани.

После быстро одеваюсь. На сборы уходит не больше нескольких минут.

Ну вот, и все.

Перед тем как уйти из его жизни насовсем, я заглядываю в спальню. Здесь все дышит им, и тем, что было так недавно.

Недолго вглядываюсь в расслабленные, красивые черты лица Дани.

От боли сжимается сердце, но я не даю себе возможности передумать. Кладу записку на подушку, туда, где лежала сама всего десять минут назад, и тихо ухожу прочь.

Боюсь даже накрыть Даню, чтобы не проснулся.

Бегу опрометью оттуда, застегивая куртку и набрасывая сумку на плечо уже в общем коридоре. На рецепции прощаюсь с администратором.

Холеная красотка-блондинка смотрит на меня удивленно:

— Уже уходите? А Данил Александрович?

Я усмехаюсь, вдруг представив его, мечущегося по холлу в поисках автомата с презервативами.

Впрочем, Данил Александрович, скорее всего, спускался за ними в машину. Такие как он обычно рассовывают изделие номер два по всем карманам.

Даже удивительно, что не подготовился.

Думая о нем цинично, я испытываю некоторое облегчение. Возможно, так мне проще принять правду о ZIMMA.

— Данил Александрович задержится! Пожалуйста, не беспокойте его, — отвечаю ей.

Боюсь, что он бросится за мной в погоню, если проснется. Но в то же время, уходя, еле-еле передвигаю будто налитые свинцом ноги.

Выдыхаю я только на улице, удачно поймав проезжающее мимо такси.

Домой!

Антонина

Первые пару дней я тревожно вздрагиваю от шума паркующихся неподалеку машин, и звука открывающихся рядом дверей.

Мне кажется, что Данил вот-вот отыщет меня дома или на работе, или даже где-то во время встречи с подругой в торговом центре, чтобы устроить хорошую взбучку. Закатить душевный скандалчик. Почертыхаться власть. Ах да, и схватить в охапку в справедливом негодовании, чтобы потом...

Но ничего этого не происходит.

Ни через день, ни через два, ни через неделю. Он не только не ищет меня, а даже не звонит. Не пишет смс. Ничего абсолютно.

Я могу врать кому угодно, только не себе, что не жду этого и, уж тем более, не желаю. Желаю, конечно. А еще, я поступила не очень красиво!

Если бы только можно было повернуть время вспять, я бы непременно дождалась его пробуждения. Сейчас я почти уверена, что мы смогли бы спокойно обсудить все вместе.

Однако история, как известно, не терпит сослагательного наклонения, и мне не остаётся ничего другого, кроме как сожалеть и ждать. Ждать, сохраняя независимый вид.

Терзаясь тоской, звоню дяде Ване, но там тоже глухо — Данил не объявлялся.

Он вообще жив ли, задаюсь я в какой-то момент вопросом.

Узнаю окольными путями, что да, жив и здоров. Можно сказать, процветает и здравствует, активно занимаясь творчеством. От души отлегал немного — от души, но не от сердца.

Как мне забыть этого пацана?!

Рабочий телефон давно мигает вызовом по внутренней связи, волей-неволей вырывая меня из потока тягостных дум.

К счастью, материал по интервью давно готов и даже отредактирован моими более опытными коллегами.

— Тонечка, зайдите к Коре Валерьевне! — раздаётся щебечущий голос секретарши в трубке.

Схватив папку с распечатанными материалами по текущим заданиям, и с гвоздем нашего номера — интервью с ZIMMA, в том числе, я спешу к начальнице. Если она оставит положительную резолюцию на этом документе, интервью немедленно отправится в номер.

Под моей фамилией и без соавторов, впервые, осознаю вдруг с журналистской гордостью. Надо будет тогда переслать этот выпуск родителям!

Хотя нет, не стоит, тут же передумываю я, представив скептическое выражение лица дяди Вани.

Однако в кабинете Кору Валерьевны меня ожидает сюрприз. Вернее, даже не сюрприз, а новость, которая просто ошарашивает.

Начальница не спрашивает меня об интервью или прочей работе. Вместо этого с улыбкой сообщает:

— Антонина Сергеевна, а у нас тут новый эксклюзив от ZIMMA! Традиционно приглашены вы для получения материала.

Обомлев, я улыбаюсь тоже, но уже в следующую минуту моя вполне искренняя улыбка меркнет. Потому что она добавляет:

— В эту субботу он улетает добровольцем в составе миротворческой миссии с нашими военными в Афганистан.

— Почему он? — только и спрашиваю.

Мне кажется, что я ослышалась.

Афганистан сейчас находится под управлением и полным контролем талибов, исламистско-радикального военизированного движения, запрещенного в большинстве стран мира. В том числе, и в нашей.

Там даже медицины не осталось! Это нищая страна, в которой, если ранят или болеешь чем-то серьезнее сезонной простуды, то помощь оказать будет нечем и некому.

Должно быть, белый мальчик-христианин Данил Зимин без специальной военной подготовки, сошел с ума.

Напустив на себя таинственный вид, начальница коротко объясняет мне, что, конечно, не все так просто, и нашим военным там нужно зачем-то закрепиться, и это только подтверждает мою ужасную догадку.

Он ненормальный!

— Данил передал вам номер и время рейса, — протягивает мне бумажку с нацарапанными от руки цифрами.

Бешусь. Мысленно, разумеется.

Лечу в свой кабинет как на крыльях, очень явственно ощущая, как к моему негодованию примешиваются тревога и беспокойство.

Хитер лис, ворчу себе под нос, открывая кабинет. Придумал способ заставить меня позвонить первой! Правда, методы у него.

Ладно, пусть выскажет мне все, что обо мне думает, но я тоже в долгу не останусь!

Однако его телефон не отвечает.

Промаявшись до вечера нестерпимо долгого дня в ожидании, что Даня перезвонит, я принимаюсь разыскивать номера его офиса и названивать уже туда.

В процессе выясняется, что с продюсером Юрием Вирмантасом он больше не сотрудничает.

Мое сердце болезненно сжимается при одной мысли о «Граффит стар» и Клаудиа, которая теперь возглавляет данный продюсерский центр после смерти своего брата, скандально известного Тимура Урусова. Но я заставляю себя набрать и этот номер.

Там его нет тоже. Мне дают какие-то телефоны, и я вздыхаю с заметным облегчением.

Звоню и снова натываюсь на вежливых, «отшивающих» меня менеджеров со студии звукозаписи, которая, оказывается, принадлежит ему по праву собственности.

По своим каналам узнаю странную сплетню: Вирмантас не так давно «кинул» Даню, но Клаудиа вынудила его подарить ему эту серьезную звукозаписывающую студию в качестве отступного.

Услышанное кажется фантастическим. Я же точно знаю, что они не вместе. Должна была быть какая-то причина подобного участия певицы!

А впрочем, мне все-равно. Ежу понятно, что у Дани здесь есть все — успешная музыкальная карьера и даже своя студия, блестящее будущее. Пусть даже он, по слухам, работает пока без продюсера. Не суть.

Он хочет все это бросить — зачем, ради чего?

Чтобы уехать в страшное место, где он никто и звать его никак. Откуда такому как он обратный билет светит только в качестве груза двести.

Я вновь звоню ему, и все без толку. До чего же сложно оказывается искать Даню, когда сам он не хочет найтись!

Последующие несколько дней проходят в рабочем аврале и полной сумятице.

Ко дню отлета Дани в Афганистан с военными, я испытываю готовность разыскать его дом и дежурить там круглосуточно под парадной. Чтобы поймать и учинить допрос, совсем как он мне когда-то.

Но время играло против меня, утекая как сквозь пальцы.

В итоге к часу икс в субботу я, ничего нигде не успевающая из-за возрастающей тревоги и вконец измотанная этим, прибыла в аэропорт.

Пробираясь словно в бреду дурного сна в людском потоке, едва соображаю, что нужно сделать. Очувтившись внутри огромного аэропорта, изучаю табло вылетов.

Далеко не сразу нахожу номер стойки на регистрацию рейса «Москва-Кандагар».

Бегу туда. Почему-то боюсь опоздать, хотя времени с запасом. Взвинченная до предела, я бросаюсь к крепкой рослой фигуре парня в черном, в толпе зеленых человечков-военных, готовящихся пройти регистрацию на рейс.

Сразу узнаю Данила. Он отходит от стойки в числе первых, сжимая в руке посадочный талон и бумажную бирку о сдаче багажа.

Вскидывает рюкзак на плечо, и выглядит очень хмурым.

Он вообще смотрится чужаком здесь, в своей подчеркнуто небрежной, но дорогой одежде, с модными татухами, среди вояк в однотипных робах защитного цвета с нашивками, и абсолютно одинаковыми выражениями на волевых туповатых лицах с неровными от частых драк носами.

Даже стороннему наблюдателю становится понятным, что все они опытные бойцы, а не какие-нибудь там салаги, и место, куда они летят, далеко не мирное и безопасное.

Злая как черт оттого, что на рейс в ад он уже зарегистрировался, я подлетаю к Данилу. Вояки смотрят на нас. Переведя дух, сухо приветствую его:

— Здравствуйте. Данил, можно тебя на минутку?

— Привет! — он окидывает взглядом меня всю и на губах его появляется улыбка, а хмурые складочки между бровей моментально разглаживаются.

Я, конечно, замечаю, как он рад нашей встрече.

Но этот посадочный талон в его руках заставляет мое сердце ухнуть куда-то в пятки от осознания того, что пути назад нет.

Даня уже готов идти в зону вылета. В зону, куда провожающим нет доступа.

Он отходит от своих вояк, и бросает деланно-небрежный взгляд на часы.

— Да, у нас есть минут двадцать, я думаю. Рад видеть тебя, — отзывается.

Мы стоим в сторонке, и любопытные взгляды его сотоварищей в форме прожигают наши спины.

Однако сейчас я не замечаю ничего, я сердита, настолько, что готова придушить Данила! Затаскиваю его в укромный уголок под каким-то информационным стендом.

— И что все это значит?!

Он улыбается, но это недобрая улыбка.

— Вообще-то это мой вопрос! — отвечает.

Буравит меня взглядом стальных серых глаз, ожидая объяснений. Но их нет. Пожимаю

плечами:

— Что именно ты хочешь услышать?

— Ты просто ушла, бросила меня! — Даня говорит тихо, задыхаясь от возмущения, совсем как девица, которую обманым путем лишили невинности, — прямо в постели.

Такое поведение никак не вяжется с его brutальным видом.

— А ты разве не понял, что это был просто секс? Минутная слабость, — не удерживаюсь я от ехидства.

— Теперь понял! Пока, — он снова вскидывает свой рюкзак на плечо, и устремляется к стойке регистрации.

— Стоять! — хватаю его за локоть.

Он притормаживает, но выглядит очень, очень злым. Совсем как я минуту назад.

— Что-то еще?

— Ну... почему ты телефон не брал?

— Сказал бы я тебе! По кочану, — отрезает и вновь хочет уйти, но я ловко обгоняю его на шаг, преграждая путь собой.

Придется как-то договариваться.

— Постой минутку, ради Бога, — прошу его взволнованно, — ты вообще понимаешь куда собрался?!

— Да, на войну. Включай свой диктофон, если хочешь!

— К черту диктофон. Я здесь не по работе, — психую, — я просто хочу понять, зачем ты вообще туда едешь. Неужели такой ценный военный кадр?

Он молчит, и звуки аэропорта вкупе с гулом снующих мимо людей исчезают тоже.

Теперь я вижу и слышу перед собой только его. Глухая ноющая тоска раздирает меня на части в ожидании ответа.

Отчетливо понимаю, что не смогу отпустить Даню. Никуда, а в Афганистан, тем более! Я чувствую — оттуда он не вернется.

— Если там я хоть кому-то принесу пользу, то все уже не зря, — отвечает апатично.

Мне хочется взять его за плечи и хорошенько встряхнуть.

— Ты бросаешь здесь свою музыку, свою дорожную студию звукозаписи! — произношу в отчаянии.

Люди оборачиваются на нас, поэтому я чуть-чуть понижаю тон:

— И ради чего? Ты можешь погибнуть там, хотя бы это ты понимаешь?

Даня не спешит отвечать.

— Шансы очень велики, — продолжаю с уверенностью, — мы для них никто, неверные! Они сознательно уничтожают таких, как ты или я. Талибы ненавидят нас.

Однако мой спич не впечатляет Даню.

— Ну, дальше что? — усмехается, — думаешь, Америку мне открыла? Все отменю и побегу домой?

Смеется.

— Есть мнение, что война делает из мальчика мужчину, — добавляет.

— Или трупа! — реагирую соответствующе.

Мне и в самом деле непонятны его улыбочки и ухмылочки на эту тему.

— Как ты вообще медкомиссию-то прошел, ненормальный? — в сердцах восклицаю.

— Нормально, как все. Годен, — обрубает, доставая из кармана посадочный талон с билетом, — ладненько. Счастливо оставаться! Надеюсь, ты поплачешь обо мне... если что.

Подмигивает и наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку.

— Пока!

Не отвечаю.

Просто стою, окаменев, наблюдая, как где-то за спиной Данила вояки заканчивают свою регистрацию.

— Я напишу тебе на электронку редакции. Телефоны-то у нас заберут, скорее всего, — шепчет на прощание мне в ухо, обдавая легким терпким ароматом парфюма.

Парфюм! На войну он собрался.

Цепко хватаюсь за его рукав, не отпуская от себя.

— Это если будет интернет! — объясняю четко и внятно, как сумасшедшему, — так что вряд ли.

— Значит, так и будет. Пора, — он мягко отцепляет от своего рукава мои пальцы.

— Данил! — слышу зов одного из вояк, и снова замираю, изо всех сил сдерживая готовые брызнуть из глаз слезы.

Он идет в зону вылета, но я догоняю.

— Да постой же ты! Хоть минутку, — хватаю его за руки и разворачиваю к себе.

Вояки уже косятся на нас, но мне все равно.

— Дань, еще раз. Это будет большая ошибка! Подумай, — твердо прошу, — ну, пожалуйста.

— Извини! Но я уже все решил, — отзывается он холодно.

Мне не остается ничего другого, кроме как беспомощно наблюдать за происходящим. Но с Дани вдруг слетает маска безразличия. Его как будто прорывает:

— Я поеду, только потому что там у меня есть шанс забыть тебя!

— Зачем меня забывать? — тихо спрашиваю.

— Затем, что я не нужен тебе. Там у меня может получиться, — сообщает так же бесцветно, и упорно идет дальше в сторону зоны вылета.

Я захожу в зону вслед за ним, хотя слышу, как кто-то из персонала аэропорта сразу делает мне замечание:

— Девушка! Провожающим туда нельзя.

Но, догнав, я как стойкий оловянный солдатик снова преграждаю Дане путь. Нельзя сдаваться!

— С чего ты взял, что мне не нужен? — тараторю, — конечно, нужен. Я... восхищаюсь тобой, уважаю тебя. Как человека, с которым меня очень многое связывает. Отмени поездку!

Данил в ответ только усмехается.

— Нет. Это не то, что я хотел бы услышать, — пытается обойти меня.

Решаюсь пойти ва-банк.

— Ладно! Я сделаю все, что ты хочешь. Ты действительно мне настолько дорог, — добавляю быстро, пока эта решимость не покинула меня.

Ведь то, что я говорю ему, правда.

Даня дорог мне, очень, и не просто как друг, даже если с ним порой бывает очень сложно. Он останавливается, недоверчиво сощурившись.

Буравит меня исподлобья суровым взглядом:

— Правда, все?!

— Все, — утвердительно киваю, — и даже больше! Только останься.

— Значит, вот оно что. Из жалости, только чтобы не убили?

— Разумеется, нет. Я бы не предложила ничего подобного никому из тех вояк, — киваю на них.

Однако моя дипломатия не срабатывает.

— Это странно! А почему мне предложила? — удивляется Даня по-детски обаятельно, — я же точно знаю, что тебе все-равно. Ты даже элементарно мне не веришь!

Как раз в этот момент к нам подходит мужчина в форменной одежде служащего аэропорта. Обращается ко мне:

— Добрый день. Пожалуйста, предъявите ваш билет и посадочный талон на рейс!

— Добрый, у меня нет, — отзываюсь раздраженно, не отрывая взгляда от Дани.

Сюда же, в зону вылета, потихоньку подтягиваются и военные.

Я почти на грани отчаяния — мне никак не удастся уговорить его, мне не удастся даже пообщаться с ним без вмешательства посторонних!

— Тогда вы не имеете права здесь находиться. Покиньте территорию зоны вылета, — спокойно требует у меня служащий.

Не двигаюсь с места.

Данил еще раз смеряет меня внимательным взглядом перед тем, как в последний раз произнести:

— Всех благ! Поверь, это лучшее решение для нас обоих.

Но я не собираюсь верить.

Я решаюсь на отчаянную меру. Протянув руку, требую:

— Дай посадочный талон!

— Зачем? — спрашивает он, тем не менее, доставая его.

Я беру талон и рву на две равные части, которые затем кладу себе в карман. Глаза служащего аэропорта округляются.

Некоторые из глядящих на нас вояк тоже начинают нервничать. Думаю, все они уверены, что перед ними хулиганка.

Один только Даня выглядит расслабленным — мои действия забавляют его. Усмехается:

— И что? Я зарегистрируюсь еще раз.

К моему большому облегчению, он, не мешкая, выходит из зоны вылета. Торопливо семеню за ним, понимая, что только что выиграла несколько важных минут для разговора.

— Становись в очередь! — требую у него возмущенно, но Даня со смехом подходит к вояке, который все еще регистрируется у стойки в числе опоздавших.

Тот пропускает его.

Даня торжествующе демонстрирует мне талон с безопасного расстояния, как будто я буду пытаться забрать его силой.

Впрочем, не удивлюсь, если сейчас он всерьез ожидает именно этого. Мы молчим, но недолго.

Потому что дальше я, окончательно сдаваясь, с улыбкой признаюсь ему в любви:

— Ладно, скажу. Вспоминай мои слова где-нибудь в окопе под пулями, или в плену под пытками! Может, они согреют тебя хоть немного, — улыбаюсь ему, — я люблю тебя.

И Даня восхищенно замирает.

Вояки снова зовут его, но он говорит, со всей серьезностью на лице и в голосе, не обращая уже ни на кого и ни на что внимания:

— Докажи!

— А как? — беспечно уточняю.

— У тебя паспорт с собой?

— Вроде да.

Даня настаивает на том, чтобы проверила, и я лезу в сумку, уже догадываясь, к чему он клонит. С трепетом, ожидаемо нахожу там свой паспорт.

— Поехали домой! — предлагает он мне со счастливой улыбкой.

И, пока соображаю, добавляет уже строже:

— Только через загс! А то знаю я тебя, опять сбежишь!

Не сговариваясь, беремся за руки и сбегает из терминала по-тихому.

— Это что, типа да?! — смеется Даня уже на забитой людьми и машинами парковке аэропорта.

— Ага, — отвечаю, целуя его куда-то в шею, потому что он крутится там как угорелый, выискивая свободное такси, — а как же твои бравые вояки?

— Улетят без меня, — он берется за телефон, не выпуская меня. Держит крепко, — а тебя надо брать горяченькой! Не то опять улизнешь.

— Не улизну, — шепчу в ответ, понимая, что в этот раз все!

Попалась.

Хотела быть пойманной.

Я терпеливо жду, пока он ловит такси, усаживает меня и усаживается рядом сам, и только затем созванивается с кем-то из военных. Коротко отказывает им.

Ерошит мои волосы и выглядит таким счастливым сейчас.

Как же я могла даже не выслушать Даню, не поверить, что он не предавал меня? Разве я знала наверняка, с чем ему тогда пришлось столкнуться?

Не станет человек, способный причинить мне боль или поставить под удар наши отношения случайной изменой, рисковать так своей жизнью с одной целью — забыть меня.

Не решится променять собственный комфорт и свободу на нечто страшное и неопределенное!

Даня всегда верил всему, что я говорила, не ожидая каких-либо доказательств.

Он верил в нашу любовь даже тогда, когда я сама в нее не верила.

Колеблюсь всего мгновение, прежде чем спросить:

— Ты расскажешь мне, что тогда случилось?

Он кивает, сразу поняв, о чем я.

Называет таксисту адрес загса, обнимает меня и шепчет на ухо:

— Один очень плохой человек хотел, чтобы я бросил тебя. Мне пришлось убить его. Ты готова выйти замуж за убийцу?

— В смысле, убил? — я откровенно шокирована.

Поистине, Данил Зимин — ларец сюрпризов.

Должно быть, странно, но меня не пугает то, что он сказал. Меня вообще больше ничего не пугает, кроме вероятности расставания или смерти одного из нас.

— Ну, почти, — отвечает уклончиво.

Целует в висок, и нежно прижимает к себе покрепче. Я киваю, положив голову ему на плечо.

Его объяснения мне достаточно, по крайней мере, до загса.

— Почти не считается! — отвечаю ему, переплетая наши пальцы. Усмехаюсь, — даже если не почти. Если ты сделал это ради меня.

Мы встречаемся взглядами, и слов больше не нужно.

Я могу прочесть все ответы в его глазах, которые светятся сейчас только счастьем и любовью. И я вдруг понимаю.

Вот теперь все будет хорошо по-настоящему!

Больше книг на сайте - Knigoed.net